

ТИТЪ ОСТЯЦКАГО БОГАТЫРЯ

ПО

ОСТЯЦКИМЪ БЫЛИНАМЪ И ГЕРОИЧЕСКИМЪ СКАЗАНИЯМЪ.

«While kings, in dusty darkness hid,
•Наве left a nameless pyramid,
«Thy heroes, though the general doom,
•Hath swept the column from their tomb,
«A mightier monument command
•The mountains of their native land!»

«The Giaour» L. Вул.

тельной недоступностью. Около этого городка и теперь видна небольшая ямка, почитаемая Татарами за святыню. Они полагают, что здѣсь похоронятся прахъ святой девицы Хатица-бий, дочери ахуна Аллогула, пришедшаго сюда вмѣстѣ съ другими святыми людьми изъ Бухары для распространенія вѣры Пророка. Мѣсто это называется у Татаръ, какъ и другія подобныя священнѣя мѣста, именемъ «астанѣ»¹⁾. Несмотря на такие явственныя слѣды пребыванія здѣсь Татаръ и на значительные размѣры остатковъ сказаний и на ихъ подробности относительно жизни Остяковъ и Самоѣдовъ, мы не находимъ никакихъ упоминаній о новомъ и чужомъ, пришломъ съ юга, народѣ, покорившемъ Остяковъ и Самоѣдовъ.

Если мы обратимся къ исторіи, то узнаемъ, что первымъ татарскимъ завоевателемъ остатской страны былъ Ногайскій (?) князь Огъ или Оисомъ, основавший Сибирское княжество на развалинахъ Кинчакского царства, распавшагося въ половицѣ XIV столѣтія²⁾. Огъ, по преданию, господствовать не только надъ Татарами, но и надъ Остяками и Богулами. Дѣло его продолжалъ сынъ (?) его Тайбура, который во время правлѣнія князя Чингиза, въ качествѣ его военноначальника, покорилъ Обскихъ Остяковъ. Такимъ образомъ завоеваніе Татарами долины Иртыша, о которой идетъ рѣчь, могло совершилось въ концѣ XIV или въ началѣ XV вѣка.

По Карамзину, занятие южной части Тобольского округа Татарами совершилось позже, именно въ XVI ст. Это онъ доказываетъ тѣмъ фактомъ, что Московскія войска, воюя въ 1483 г. на берегахъ Иртыша, еще не застали Татаръ въ этихъ мѣстахъ. Крѣпость Сибирь существовала уже тогда, и въ ней властвовалъ князекъ Лягинъ, безъ сомнѣнія, остатской. Возможно, однако, что вторженіе Турковъ въ страну Остяковъ произошло еще въ концѣ XV ст. Что-же касается до распространенія на сѣверъ магометанства, то оно относится къ болѣе позднему періоду, къ концу XVI и даже къ началу XVII столѣтія, когда страна была уже покорена Русскими.

Намъ известно, что власть Татаръ на сѣверѣ держалась недолго и при прибытии Русскіхъ вліяніе Татаръ едва-ли простидалось далѣе къ сѣверу за р. Демянку; но все-же нѣроятно, первое время послѣ завоеванія страны Татарами Остяки, хотя-бы болѣе южны—Иртышскіе, платили имъ дань. Между тѣмъ, обѣ этому и намековъ въ былинѣ, да и вышеописанное предпринятіе двухъ остатскихъ князей изъ города Ташар-вошъ на сѣверъ врядъ-ли могло-бы имѣть мѣсто, если-бы Иртышскіе Остяки находились тогда подъ властью

¹⁾ Вероятно отъ персидск. слова *astan*, *astanâ*—seuil, mausolée d'un saint (dict. persan-franc., A. Borge).

²⁾ А. Castren. «Ethn. Vorles.» S. 105. По Миллеру, Оисомъ былъ современникомъ Чингисхана († 1224) «Цет. Сиб.» стр. 33.

Татаръ. Въ другой былинѣ князъ изъ Карайосиат-урда-вошъ¹⁾ пред-
приимаютъ далѣй походъ въ полу值得一їя страны (Морда-мыг) и возвращаются
назадъ съ добычей. Изъ этого тоже можно заключить, что Остяки въ то
время были еще независимы и что въ ближайшемъ ихъ съѣздѣ въ югу
еще не жили племена сильныя, въ родѣ Татаръ. Такимъ образомъ можно
принять, что быlinы и сказанія сложились ранѣе памятія Татаръ. Если
Карамзинъ вѣрою опредѣлилъ время этого событія, то быlinы остатская имѣютъ
не меньшую, чѣмъ 300-лѣтнюю давность.

Возможно, что зап. сибирскія быlinы складывались въ теченіе столѣтій.
Иные изъ нихъ воспѣваютъ подвиги З-хъ и болѣе поздней князей. Описы-
ваемые въ нихъ событія иногда охватываютъ періодъ времени болѣе чѣмъ въ 100
лѣтъ, замѣт. напр. въ былинѣ о Сонгушѣ.

Къ тѣмъ же выводамъ относительно древности быlinъ Остяковъ можно
прийти на основаніи истории завоеванія Сибири Русскими.

Непосредственныя сношенія Русскихъ съ Югрою возникли уже въ XI в.,
когда Новгородцы утвердились на берегахъ Бѣлаго моря. Съ этихъ поръ нача-
лись въ нихъ походы въ страну Югры. Изъ походовъ московскихъ войскъ
въ Сѣверо-Западную Сибирь до Ермака памъ извѣстны бывшіе въ 1483 и
1499 годахъ. Что касается до зависимости Югры отъ Новгорода и Москвы,
то она продолжалась лишь короткое время, послѣ каждого похода, а затѣмъ
была только номинальная.

Въ виду того, что эти походы длились лишь короткое время и затѣмъ
Остяки въ продолженіи долгаго времени ничего не слыхали о Русскихъ, они
могли и не отразиться въ ихъ героическомъ эпосѣ, тѣмъ болѣе, что въ до-
лину Иртыша, откуда происходятъ почти всѣ мои быlinы, Русскіе, насколько
извѣстно, проникли лишь однажды (въ 1483 г.)²⁾.

Начало прочаго русскаго владычества надъ Остяками можно отнести къ
1581 году, главнымъ образомъ къ походу Богдана Брязги, который покорилъ
всю долину Иртыша и часть Оби до Бѣлогорскихъ юртъ, а въ 1586 г. около
устыя Иртыша былъ воздвигнутъ Мансуровымъ первый русскій острогъ въ остат-
ской землѣ. Семь лѣтъ спустя (въ 1593 г.) были основаны Пелимъ, Березовъ
и Сургутъ. Прекратилось ли процветаніе героического эпоса задолго до при-
шествія Русскихъ, мы не знаемъ, но только несомнѣнно, что съ этихъ поръ
остяцкая страна уже не производила ни богатыреи, ни быlinы, которые такимъ
образомъ во всякомъ случаѣ имѣютъ давность по крайней мѣрѣ въ 300 лѣтъ.

Подтверждениемъ этого могутъ служить и всѣ наши быlinы и прежнія
героическая сказанія. Напр. вышеупомянутое сказаніе о походѣ остатскихъ близкихъ

¹⁾ См. ст. Г. Оксенова «Политическія отношенія Моск. гos. къ Югорской землѣ (1455—1499)» въ «Ж. М. Нар. Пр.» 1891, февр. стр. 245—272. Ред.

ГЛАВА VII.

Положение женщинъ. Затворничество дѣвиць.—Занятіе дѣвиць: рукодѣлье.—Красота ихъ.—Одежда.—Женихи—князья изъ др. городовъ.—Князья избѣгаютъ неравные браки.—Калмыкъ.—Невѣсты устраиваютъ недоразумѣнія между отцемъ и женой.—Сватовство.—Переговоры и обмани со стороны отца невѣсты.—Остяцкая книжка въ видѣ филина отыскиваетъ себѣ жену.—Вѣнчаніе сходство богатыря съ рыцаремъ и отличія ихъ.—Свадебные обряды.—Тапта-ней.—Подарки отца невѣсты.—Пріездъ молодыхъ въ домъ мужа.—Сращеніе остяцкой книжки съ древне-финской дѣвицей.

Стран.

50—61

ГЛАВА VIII.

Способы веденія войны. Причины войны.—Сборы къ походу.—Обряды при отправлении.—Остановки.—Первые встречи съ подданными отца невѣсты.—Способы веденія войны на открытомъ полѣ.—Лазутчики.—Караульные.—Сраженіе.—Борьба князей другъ съ другомъ.—Враги иногда расходились, давъ взятию болѣе не воевать другъ съ другомъ.—Лишніе убитаго врага доставляли и скальпы.—Богатыри съѣдали иногда сердца врагонъ.—Всадцы противъ плывущихъ на лодкахъ враговъ.—Несправленіе укрѣплений.—Осада городковъ и взятие ихъ штурмомъ и голодомъ.—Союзы князей, какъ средство противъ сильныхъ враговъ.—Военная тактика Самоѣдовъ.

ГЛАВА IX.

Заключеніе. Былины—исторические разсказы о подвигахъ богатырей, опоэтизованные народной фантасіей.—Ихъ реализмъ.—Куда дѣались богатыри?—Вагандъ Остякою за этотъ предметъ.

62—72

72—74

Типъ остяцкаго богатыря по остяцкимъ былинамъ и героическимъ сказаніямъ.

ГЛАВА I¹⁾.

Остяцкая эпическая поэзія.

Наши свѣдѣнія объ остяцкой эпической поэзіи.—Характеристика пытливохъ Остякою и ихъ страны.—Остяцкія былины и ври какихъ случаевъ они поются.—Ихъ древность.—Героическая складанія болѣе позднѣе времена.—Объясненіе наименія былинъ тѣримъ-й-ра.—Музикальные инструменты «лебедь» и «домбра» служатъ аккомпанементомъ для былинъ.—Измѣнѣнія остяцкихъ былинъ.—Особенности одной былины.

Судьба Сѣн.-Зап. Сибири и культура ея прежнихъ обитателей до возвращенія здѣсь Русскихъ намъ почти совершило исчезновеніе, а между тѣмъ довольно богатая, по сравнительно очень мало изслѣдовавшая, поэзія живущихъ здѣсь племенъ Остякоў, Богуловъ и Самоѣдовъ, можетъ пролить пѣкоторый свѣтъ на этотъ предметъ. Мы остановимся исключительно на поэзіи Остякоў и притомъ южного племени. Но и въ этой области мы ограничимся только двумя видами ихъ народнаго творчества: былинами или героическими пѣсенными и героическими сказаніями, которые имѣютъ тѣмъ больший интересъ, что въ нихъ довольно ясно отражается жизнь прежнихъ Остякоў.

Эти виды остяцкой народной поэзіи остались до сихъ поръ совершиенно

¹⁾ Переданная остяцкія слова и выраженія при помощи русскаго алфавита, считаешь необходимымъ сдѣлать указанія, какимъ образомъ Остяки произносятъ отдѣльныя буквы.

Гласные: а, е, і, о, у произносятся какъ соответствующія буквы въ русскомъ (въведу какъ ё). Кромѣ того въ остяцкомъ языке имѣются мягкие гласные: ю, ё и ў, произносящіи, какъ немецкія: ѿ, ё и ѹ. Остяцкая буква ѿ, соответствующая русскому и, отличается отъ последн资料的 тѣмъ, что всегда кратка. Дифтонги: аї, ої, ої обыкновенно выговариваются какъ ай, эй, ой.

Согласные: б, в, ж, м, н, р, х, и, ч, ѿ и твердыя: к, л, и, с, т, д выговариваются, какъ сроптвѣтствующія русскія буквы. Мягкіи: к, л, и, с, т, д и мягкое г произносятся, какъ кї, лї, иї, сї, тї, дї, гї. Мы ихъ обозначили знаками: кї, лї, иї, сї, тї, дї, гї.

Г передъ а, о, у, и и въ концѣ слоговъ произносятся какъ малорусское г въ словѣ «гора».

Бѣзъ того, въ остяцкомъ существуютъ слѣдующія буквы: ѡ, и, з', г', изъ коихъ первыи произносятся, какъ немецкое ѿ, а остальнии, какъ слѣдующіи сочетанія русскихъ: ѽ = ии, з' = эз; г' = дж.

Подробнѣе о произношении южныхъ Остякоў см. у Кастрена («Versuch einer Ostjakischen Sprachlehre» стр. 4—7).

незатронутыми. Кастреи и некоторые другие памекают на существование у этих народахъ героической поэзии, но почти не приводят никакихъ образцовъ. Венгерецъ Регули записалъ ихъ множество на вогульскомъ языке и на сѣверо-остяцкомъ нарѣчіи, но преждевременная смерть его и отсутствие ключа къ его записямъ сдѣлали его обширный материалъ на продолжительное время мертвымъ.

Извѣстный физиологъ, теперь покойный, профессоръ Гельсингфорского университета Альквиистъ совершилъ три путешествія въ Сѣв.-Зап. Сибирь, составилъ небольшую, первую, христоматію для осяцкаго языка; въ ней онъ помѣстилъ переводъ Евангелия Св. Матея и зашовѣдѣй, несколько бѣдныхъ по содержанию сказокъ и пѣсенъ позѣйшаго времени, по ничего не говорить объ осяцкихъ богатырскихъ пѣсняхъ, а онъ во всѣхъ отношеніяхъ стоять неизмѣримо выше остальныхъ видовъ осяцкой народной поэзіи. Тоже самое можно замѣтить и про другую книгу его, гдѣ онъ говоритъ о поэзіи Остяковъ и Богуловъ. Но всему вѣроятію, этотъ типъ угорской поэзіи былъ ему мало знакомъ¹⁾.

Въ 1888—89 году Западную Сибирь посѣтили двое мадьярскихъ ученыхъ: М. Папай и Б. Мункачи, которые занимались: первый — этнографіей Зап.-Сибирскихъ народовъ, второй — Богульскимъ языкомъ. Мункачи собралъ богатый материалъ образцовъ народной словесности Богуловъ, между прочими и большое количество былинъ.

Объ осяцкихъ же былинахъ до сихъ поръ нигдѣ ничего не было напечатано. Въ виду этого я позволяю себѣ представить небольшое изслѣдованіе о стародавней осяцкой жизни и ея богатыряхъ, составленное на основаніи собранныхъ и переведенныхъ мною осяцкихъ былинъ и сказаний²⁾. На осяцкомъ языке у меня имѣются 3 былины и 2 сказания и кромѣ того около 15 краткихъ разсказовъ, записанныхъ по-русски.

Земля Остяковъ или сѣверная часть Тобольской губерніи представляетъ изъ себя низменную равнину, прорѣзанную двумя мощными рѣками: Обью и Иртышемъ и ихъ многочисленными притоками. Правые берега этихъ рѣкъ въ большинствѣ случаевъ представляютъ изъ себя террасы болѣе или менѣе возвышенныхъ плоскогорій, которымъ тянутся далеко вглубь страны и за исключениемъ самой сѣверной части края покрыты почти сплошными, по сильно по-

¹⁾ Это явствуетъ уже изъ слѣдующей фразы его: „An Armut u. Unvollkommenheit des Gesanges stehen die Ugrer jedoch nicht tiefer, als die anderen ostfinnischen Völker, denn die wenigen Bruchstücke, welche man bei diesen unter dem Namen Volkslieder aufzeichnet hat, sind ebenso geistesarme u. stümperhafte Versuche, wie die ostjakischen Recitative. Erst an der Dwina u. am Ladoga schuf der finnisch—ugrische Volksgenit im karelischen Runengesange eine dem Inhalt u. der Form nach schöne Volksdichtung, die sich an Innigkeit des Gefühles, am Reichtum der Fantasie u. an sprachlicher Formvollendung mit jeder anderen Volkspoesie messen darf“ („Unter Wogulen u. Ostjaken“ S. 173).

²⁾ Будутъ изданы особо.

страдавшими отъ огня лѣсами. Лѣвый берегъ, почти всюду низменный, состоитъ изъ испещренныхъ ключами, рѣчками и озерами сѣверныхъ заливныхъ луговъ, называемыхъ здѣсь «сарами», а также изъ гривокъ, покрытыхъ лиственными деревьями, и плоскихъ несчтныхъ холмовъ, носящихъ на себѣ сосновые боры. Но наибольшую часть всей этой страны, какъ въ ея болѣе возвышенныхъ частяхъ, такъ и въ болѣе низменныхъ, занимаютъ обширныя болота: моховые, торфяные, осоковые, покрытыя на значительной части своего протяженія корявыми березками и сосенками. Таковъ лѣтній видъ этой глухой страны сѣвера. Зимой 2-хъ аршинной сѣгѣ устилаетъ сплошной полепой всѣ поверхности почвы, густымъ слоемъ покрываетъ деревья и кусты и дѣлаетъ еще болѣе однообразной грустную картину природы Сѣв.-Зап. Сибири.

Иной видъ принимаетъ опять этотъ край весной, когда разлившіяся рѣки затопляютъ низменныя площиади лѣваго и отчасти праваго берега на десятки и сотни верстъ во всѣ стороны. При небольшомъ даже вѣтрѣ эта громада водъ уже бушуетъ, какъ море, и горе путнику, котораго испогода застигла на пути. Единственное его спасеніе, если онъ найдеть убѣжище гдѣнибудь на холмѣ, выступающемъ изъ воды на подобіе острова, или прямо прічалитъ къ вершинѣ торчащаго надъ поверхностью воды ивового дерева и упьнется за него. И въ подобномъ положеніи приходится иногда провести день, два и болѣе, пока буря не затихнетъ.

Такова страна Остяковъ, но для нихъ этотъ бѣдный и угрюмый край сѣвера кажется страной обѣтованной и ни однѣ изъ нихъ не покидаетъ своей родины добровольно. Да, вирочемъ, имъ въ этомъ не представляется и надобности. Населеніе путь въ 20.000 душъ обоего пола, или около того, живетъ на огромныхъ пространствахъ, которыхъ при всей бѣдности сѣверной природы могутъ прокормить значительно болѣе густое населеніе.

Остяки, какъ и Богулы, являются единственными представителями въ Сибири обширнаго финскаго племени. Вмѣстѣ съ Мадьярами они составляютъ угорскую его вѣты.

Источниками пропитанія служатъ Остякамъ главнымъ образомъ рыболовство и зѣвлоровство. Самые южные Остяки, живущіе по Иртышу, занимаются кромѣ того въ весьма небольшихъ размѣрахъ земледѣліемъ, а жители крайнаго сѣвера — оленеводствомъ.

Съ 1715 г. Остяки исповѣдуютъ православную вѣру, но, мало знакомые съ началами христіанскаго ученія, исполнить лишь некоторые обряды ся. Напротивъ, почти всюду они еще сильно придерживаются своихъ прежнихъ языческихъ вѣрованій, а на сѣверѣ Березовскаго округа известная часть бродячихъ Остяковъ и понынѣ пребываетъ въ язычествѣ.

Остяцкая культура, если такъ можно выразиться, съ каждымъ годомъ все больше надаеть. Въ болѣю южной части этой области они уже давно ведутъ образъ жизни мало отличный отъ образа жизни соѣдніихъ Русскихъ, но за послѣдніе годы стали пропадать и послѣдніе немногіе остатки ихъ прежней культуры.—Типичный женскій костюмъ, еще весьма недавно бывшій всюду въ употреблении, замѣнился русскимъ платьемъ и платкомъ, «лебедь» и «домбра» вытѣсняются «бандуркой» и балалайкой, остяцкія пѣсни и пляски—русскими. Вмѣстѣ съ этимъ и родной языкъ все болѣе и болѣе забывается и вытѣсняется русскимъ. Благодаря этому всеобщему обрученію, надаеть и остяцкая народная поэзія и приобретаетъ иной характеръ: пѣсни, которыя теперь поются на Оби, составлены въ духѣ русскихъ рыбаковъ и воспѣваютъ подвиги рыбопромышленниковъ или любовныхъ походженій Остяковъ и Остячекъ. Изъ нихъ весьма неизященъ и неспециренъ русскими словами и выраженіями, а иѣкоторые изъ нихъ по своему содержанію скорѣе напоминаютъ наборъ словъ, чѣмъ пѣсню. Сказки тоже потеряли сильное влияніе отъ русскихъ и, хотя и выиграли при этомъ, но за то утратили часть своей самобытности. Одни только былинныи и героическія сказанія остались безъ перемѣнъ, но въ слѣдствіе этого они и прощаются.

Изъ 72 остяцкихъ юртъ Тобольского округа они сохранились лишь въ 3—4-хъ, но и здѣсь постепенно забываются въ слѣдствіе того, что русѣюще молодое поколѣніе мало старается перенимать ихъ у своихъ отцевъ.

Лучшии знатоки ихъ проживаютъ въ настоящее время въ Шумиловскихъ и въ Красноярскихъ юртахъ Меще-Коцдинской волости; въ послѣдніемъ селеніи однако сохранились только героическія сказанія; далѣе—по Демьянскѣ въ Лумкоевскихъ и Цингапскихъ юртахъ. Говорить, что по р. Салыму, въ предѣлахъ Сургутского округа, и въ бассейнѣ Варь-Югана въ Томской губерніи есть знатоки былинъ, чтѣ весьма возможно по заходистью края.

Героическія сказанія болѣю новыхъ временъ сохранились въ весьма многихъ мѣстахъ, но по своимъ мысламъ, по своему стилю и по чистотѣ языка они значительно уступаютъ былинамъ и старымъ героическимъ сказаніямъ.

При какихъ-же обстоятельствахъ поются былины? Если обыкновенныи пѣсни съ эпизодами и картинами ежедневной жизни поются при всякомъ удобномъ случаѣ, то былины, по своему серьезному и болѣе возвышенному содержанію, а также и въ слѣдствіе своихъ значительныхъ размѣровъ требуютъ особыхъ вдохновенія и напряженія со стороны пѣвца. И дѣйствительно, поются они вѣдько, всегоѣсколько разъ въ годъ. Такими днями бываютъ большие остяцкіе праздники: Николинъ день, Крещеніе и Петровъ день, когда они удачиваютъ ясакъ и деньги за голову и по этому случаю проводятъ цѣлые дни въ кутежѣ. Въ эти праздники у нихъ обычай щадить другъ къ

другу въ гости и не по одиночкѣ, а цѣлымъ селеніемъ, и принимать столъ-жары многочисленныхъ гостей. Водка, хотя ся привозъ офиціально и запрещаетъ, дѣлается при этомъ рѣкой, особенно въ хорошіе года. Среди общаго веселія Остяки всегда любить вспоминать старину, и звонкій «лебедь» звенитъ день и ночь. Всѧкій, умѣющій пѣть или играть, показываетъ теперь свое искусство, причемъ наибольшее вниманіе сосредоточивается на себѣ пѣвицы былинъ. Выпивъ изрядное количество водки и вдохновившись, какъ слѣдуетъ, они начинаютъ жадобнымъ голосомъ воспѣвать подвиги своихъ отцевъ.

Любятъ эти пѣсни также и иные богатые русскіе рыбопромышленники, хорошо знакомые съ остяцкимъ языкомъ. Они тоже иногда приѣзжаютъ въ юрты «погулять» и случалось, что въ припадкѣ великодушія за проѣзды Остякомъ 2—3 былицы они прощали ему его долгъ.

Изрѣдка, при отсутствіи водки, пѣвецъ для большаго воодушевленія съѣдаетъ передъ началомъ цѣннія иѣсколько мухоморовъ 7—14—21¹), т. е. чилое кратное семи: отъ нихъ онъ просто приходитъ въ изступленіе и походить па обѣноватаго. Тогда всю ночь на пролетъ дикимъ голосомъ распѣваетъ онъ былины, даже и давно, казалось, забытые, а утромъ въ изнеможеніи падаетъ на лавку. Мало тронутые его безизомощнымъ состояніемъ, слушатели бываютъ довольны, что услышали пѣсни своихъ отцевъ, проѣзды съ такимъ чувствомъ.

Происхожденія былинъ довольно древніго и относятся, по всей вѣроятности, къ тому періоду времени, когда сѣверная часть Тобольской губерніи еще не испытала на себѣ нашествія Татаръ, которые, какъ известно, здѣсь появились раньше Русскихъ; однимъ словомъ, по нашему мнѣнію, они ссыпаемыя въ нихъ события относятся къ періоду времени между XIV и XVI столѣтіями, а частью, можетъ быть, и къ XIII-му.

Въ самомъ дѣлѣ, въ былинахъ нигдѣ не упоминается о Татарахъ или Русскихъ, хотя десятки и сотни стиховъ повѣствуютъ—о войнахъ Остяковъ съ Самоѣдами и Остиковъ между собою. Всѣ эти походы Остяковъ другъ на друга, па Самоѣдовъ и обратно имѣли исключительно характеръ хищническихъ набѣговъ, а не завоеваний, почему и трудно предположить, чтобы остяцкіе пѣвцы ничего не упомянули о врагахъ, болѣе сильныхъ, которые не только разоряли страну, но и покорили ее.

У меня есть одно сказаніе про походъ па сѣверъ двухъ остяцкихъ князей изъ городка Тапаръ-вонъ, следы котораго и понынѣ сохранились на краинѣ холму около Цингапишскихъ юртъ (Нарымек. вол.). Этотъ городокъ былъ потомъ занятъ Татарами. Имъ, вѣроятно, онъ и обязанъ своей значи-

¹) По словамъ Коцдинскихъ Остиковъ, болѣе 21 мухомора не можетъ сѣсть самый привычный Остякъ.

О ГЛАВЛЕНИЕ.

ГЛАВА I.

Стран.

Остяцкая эпическая поэзия. Наши сведения об остицкой эпической поэзии.—Характеристика пынзинских Остяковъ и ихъ страны.—Остяцкія былины и при какихъ случаяхъ ониъются.—Ихъ древность.—Героическая сказания более новыхъ временъ.—Объясненіе названія былины: тарын-йара.—Музыкальные инструменты «лебедь» и «домбра» служатъ аккомпанементомъ для былинъ.—Языкъ остицкихъ былинъ.—Особенности одной былины

1—13

ГЛАВА II.

Княжества и ихъ центры-городки. Дробление остицкой страны на мелкія княжества.—Городки, какъ ихъ центры.—Нѣ устроеніе.—Категоріи городковъ.—«Мѣдные» городки.—Селенія, какъ места жительства «простыхъ» людей.—Землевладѣніе на родовыхъ началахъ у пынзинскихъ Остяковъ и Богуловъ.—Въ основаніе прежнаго княжества легло родовое начало.—Разселеніе родовъ.—Прежнія княжества суть «волости» историковъ.—Южные Остяки не были кочевниками

13—23

(Одѣльный оттискъ изъ «Жизни Старины» III в. [стр. 85—116] и IV в. [стр. 67—108])

ГЛАВА III.

Внѣшний видъ и образъ жизни прежнихъ Остяковъ. Внѣшний видъ прежнихъ Остяковъ.—Признаки красоты и силы.—Мужская одежда.—Вооруженіе: кольчуги, мечи, луки и т. под.—Жилища: земляники и ихъ устройство.—Общественные зданія

23—32

ГЛАВА IV.

Внѣшний видъ и образъ жизни прежнихъ Остяковъ. (Продолженіе). Занятія Остяковъ: охота, рыболовство, оленеводство.—Знакомство ихъ съ рогатымъ скотомъ, овцами, лошадьми.—Собаки.—Пища Остяковъ: продукты охоты, оленеводства и рыбной ловли.—Посуда.—Хлѣб.—Питье Остяковъ

33—39

ГЛАВА V.

Князья—военное сословіе. Начало княжеской власти принадлежитъ весьма отдаленному времени.—Богатство князей.—Отношенія простыхъ людей къ князю.—Отношенія князей между собой.—Совмѣстное правление иѣсколькихъ князей.—Дробление княжествъ и слияніе иѣсколькихъ изъ одно.—Образъ правлений.—Народные собрания и шари.—Князья—военная каста.—Воинская упражненіе.—Ристалища.—Доказательства силы и отваги князей.—Плачъ князей.—Рогъ символъ радости.—Другія качества характеризующія князя-богатыря: сѣблоденіе клятвы, благородство и мансурахъ, жестокость и всевидущіе къ врагамъ.—Брововая месть.—Умственное превосходство богатырей надъ простыми людьми.—Способность ихъ принимать образъ животныхъ.—Общечеловѣческія чувства

39—47

ГЛАВА VI.

Простые люди и рабы. О простыхъ людяхъ мало упоминается въ былинахъ.—Ихъ вооруженіе и воинския качества.—«Рабы» героического эпоса.—«Холоны» историковъ

48—50

на съверь уже потому не могло относиться къ более позднему периоду, что, во-первыхъ, они гдѣ немъ действуютъ какъ совершение самостоятельные пластики и, во-вторыхъ, безпрепятственно проѣзжаютъ весь путь между Цингалинскими юртами и самоѣдской страной (къ съверу отъ острова Кошавыта), гдѣ уже въ концѣ XV ст. были воздвигнуты русские остроги.

Другая былинка передаетъ о походѣ князей изъ города Емдер-во-шъ (ок. Эмдерской протоки) на городъ Кары-иоскат-во-шъ, расположенный въ нижнемъ течениѣ Конды. Чтобы попасть изъ названной протоки въ Конду, они тоже должны были пройхать мимо того мѣста у устья Иртыша, гдѣ былъ русский острогъ, котораго тогда слѣдовательно еще не было. Наконецъ въ былинѣ о богатырѣ Сонгхунгѣ говорится, что онъ поѣхалъ во время своихъ походовъ вѣтъ 7 концѣвъ земли, чтѣ же говорить въ пользу полной независимости останкихъ князей отъ кого бы то ни было.

Къ сожалѣнію самые южные Остяки, которые первые пришли въ столкновеніе съ Татарами и Русскими и могли бы въ своей цѣлости сохранить много любопытныхъ даний изъ этого времени, частю исчезли, частю подверглись сильному вліянію побѣдителей, лишились-гдѣ сохранивъ свой языкъ, по окончательно забывъ старыя дѣдовскія преданія.

Правда, въ былинахъ встрѣчаются изрѣдка слова татарского и даже русского происхожденія, пыткѣ входящія въ составъ останкаго языка, но они могли быть вставлены въ нихъ позднѣйшими разсказчиками.

Древнее происхожденіе былинъ доказывается и ихъ старымъ языкомъ,—цѣлые обороты теперь совершенно испопяты Остяками и передаются на память,—и значительной чистотой самого языка сравнительно съ настоящимъ разговорнымъ. Конечно не вѣтъ части этихъ поэтическихъ произведеній одинакой древности...

Изъ периода татарского и отчасти русского владычества до настѣ же дошли сказанія и разсказы, но, будучи сравнительно новѣйшаго происхожденія, они посѣть уже другой характеръ. Они вѣтъ безъ исключенія передаются изрою и притомъ новымъ языкомъ съ иѣкоторыми заимствованіями изъ старыхъ былинъ.

Разница между прежними былинами и прежними герояическими сказаніями, заключается въ томъ, что первыя изложены стихами, вторыя—изрою, но языкъ тутъ и тамъ старый, прѣѣстый и образный. Но мнѣнію самихъ Остяковъ, часть этихъ старыхъ богатырскихъ сказаний прежде тоже была облечена въ форму былинъ, по съ течениемъ времени и по мѣрѣ обрусѣнія Остяковъ, складъ стиховъ былъ забытъ, хотя удержались вѣтъ ихъ особенности, эпитеты, фигуры и обороты рѣчи. Это предположеніе имѣетъ за собою не мало основаній.

Словомъ, «былина» мы передаемъ останкое выраженіе тары-й-ара (вог. тарий-ері), которое состоять изъ словъ тары-й и ара. Послѣднее

значить, «иѣсъ», первое же требуетъ болѣе подробнаго объясненія. Подъ словомъ «тары», (тараи, тарыи),—оно испонятно иыгъшитъ ииородцамъ,—прежне Остяки безъ сомнѣнія подразумѣвали злое божество¹⁾, съющее всюду распирь, изводящее войны, болѣзни и опустошающее страну. Судя по иѣкоторымъ мѣстамъ былинъ, можно еще прибавить, что божество это было женскаго пола. Въ какомъ видѣ его представляли, неизвѣстно. Можетъ быть на это прольеть иѣкоторый свѣтъ его эпитетъ: ей-вѣт' пе кіт-тараи, что значитъ: «двойственная Тары съ однѣмъ лицомъ». Отличалась ли эта богиня красотой, мы тоже не знаемъ, ибо весьма рѣдко кому удавалось ее лицо зерѣть. Про человѣка, прошедшаго, какъ говорится, огонь и воду, прежде говорили, что онъ видѣлъ лицо Тары²⁾. Олицетворяли ее въ видѣ самой разрушительной стихіи—огня. Такъ, на прѣѣстомъ языкѣ былинъ и сказокъ слово «огонь» обыкновенно замѣняется цѣлымъ выраженіемъ: ар-н'атмане Тары тут³⁾, что вѣроятно означаетъ «многоязычный ротъ (дѣви) Тары». Къ этому выраженію иногда присоединяютъ еще слова: иай-аика⁴⁾—«дѣвка, женщина», употребляемыя вѣдь тавтологически, по дающія намъ указанія на полъ божества.

Въ послѣдствіи слово Тары, равно какъ и его производное кіт-тараи, получили еще переношеное значеніе «распирь» и «войны». Тары-й есть прилагательное отъ Тары, и можетъ въ данномъ случаѣ значить «военій». И такъ же выраженіе тары-й-ара можетъ быть передано по русски: «военій иѣсъ». Такъ мѣръ переводили его и Остяки; не зная точнаго смысла слова Тары, они по естественному чутью догадывались, что оно приближительно означало.

Вылины поются подъ аккомпанементъ мѣстныхъ музыкальныхъ инструментовъ «лебедя» или «журавля» (торон-јух) и «домбры» или «тарибооя» (парес-јух; у вог. шапултеп), изъ коихъ въ предѣлахъ Тобольскаго округа болѣе древнимъ можно считать домбуру. Сохранившіяся на Кондѣ мелодіи былинъ имѣютъ не болѣе пяти топоиъ, чтѣ соответствуетъ 5 струнамъ этого инструмента. Самы Кондинскіе Остяки утверждаютъ, что у нихъ въ прежнее время не было «лебедей» и что они получили ихъ отъ жителей береговъ Оби. «Лебеди» и теперь еще называются на Кондѣ «Обской музыкой».

¹⁾ Первый высказалъ печатно это предположеніе въ предисловіи къ своей грамматикѣ сѣверо-остянскаго нарѣчія венгерскій ученый, проф. Гунфальви. Французскій переводъ этого предисловія помѣщенъ въ «Revue d'Ethnographie et de Philologie». 1878.

²⁾ Тары-вѣт', хут' вѣт' ујем—видѣвшій лицо Тары и лицо рыбъ (?). Первое—символъ огня, второе вѣроятно—воды.

³⁾ Тут (т ѹ т) означаетъ «ротъ» и «огонь».

⁴⁾ Мы на томъ основаніи перевели здесь слово иай черезъ «дѣва», а не «огонь» чтѣ оно тоже значить,—выраженіе иай-аика встѣ чаю въ былинахъ и означаетъ лицо женскаго пола, напр. Иай-хуи-хой-ай-иай, ай-аика—«мужа Иай-хуи младшіи дочь, дѣница». Аика иай означаетъ почти исключительно «мать».

Домбра состоит изъ продольного ящика съ крышкой, сдѣланного изъ тоикаго еловаго дерева. Форма ея, какъ и толщина струнъ, значительно мѣняется въ разныхъ мѣстностяхъ, но въ общемъ домбра сходна съ финскими «кантелѣ», на которыхъ прежде Финны распевали свои величественные руны. Зачатками ихъ, по вѣрному замѣчанію Кастрепа, и являются остатки тѣрый-ары. Струны дѣлаются изъ сухожилій оленя и покрываются рыбьимъ клемъ. Онѣ настраиваются при игрѣ, какъ начало мажорной или минорной гаммы, причемъ на Кондѣ былинѣ чаще поются въ мажорномъ тонѣ.

«Лебедь» состоитъ изъ подобнаго же ящика, имѣющаго отдаленное сходство съ тѣломъ большой птицы, но съ одного изъ его концовъ перпендикулярно или подъ туникой угломъ къ нему прокрѣплена длинный кусокъ дерева, оканчивающейся грубымъ подобиемъ птичьей головы. Эта часть представляетъ изъ себя якобы шею и голову лебедя или журавля. Между шеей и верхней крышкой ящика натянуты 9 мѣдныхъ струнъ. Настраиваются онѣ подобнымъ же образомъ, какъ и у домбры, но только, благодаря своему значительному числу, онѣ даютъ цѣлую гамму и часть другой, являясь, такимъ образомъ, инструментомъ болѣе усовершенствованымъ.

Остяцкія былины не имѣютъ рифмы, хотя и не лишены иѣкотораго подобия со стихами; такъ, каждая фраза ихъ заканчивается обыкновенно словомъ, имѣющимъ ударение на предпослѣднемъ слогѣ, чѣмъ уподобляется европейскому стилю съ дактилохореемъ на концѣ. Кроме того, въ нихъ изображается стеченіе иѣсколькихъ односложныхъ словъ съ ударениемъ. Оно достигается такимъ образомъ: къ односложнымъ словамъ присоединяются линія частицы или самое слово растягивается при помощи вставки гласныхъ¹⁾. Величина отдѣльныхъ стиховъ весьма разнообразна: короткіе, средніе и длинные следуютъ другъ за другомъ въ перемежку, а въ связи съ этимъ и размѣръ музыкальной фразы постоянно мѣняется.

Красоту стиля остяцкій пѣвецъ стремится увеличить тѣмъ, что подбираетъ рядомъ однозначныя и близкія по смыслу слова, выраженія и цѣлые фразы²⁾. Этотъ же приемъ употребляется и въ сказкахъ и героическихъ

¹⁾ Напр. им. тіг'-вѣх, кам'-вѣх. говорить: тід'ег'-вѣх, камет'-вѣх; вм. тайна шунъ съкій нуяят юкаѣм—тайем пуну съкій нуяят юкаѣм (см. ниже) и т. д.

²⁾ Это будеть ясно изъ нижеслѣдующаго отрывка былины о богатыре Сонгхунѣ:

Сой-хуні үн авыт муйна бидай.
«Томай воч отына тарым кур мечеда хоје вормѣт?
Сой-хун-хой, тарым ўрт, јигем вормѣт.
Табет мыг сүйеда сәләй ёва јим-тїзды тантан јаихт.
«Тун јаихе ѡр тает, Түрим тадем јемый мыг
«Мает иске, јинкет пете чокен хеф'дт...

сказаніяхъ. Онь не составляетъ вирочемъ особенности творчества однихъ азатскихъ Финновъ, но, судя по образцамъ тюркской поэзіи, собраннымъ академикомъ Радловымъ, свойственъ и этой поэлѣдней, а также русскимъ сказкамъ и былинамъ.

Эти постоянныя повторенія однихъ и тѣхъ же словъ съ разными прилагательными, или разныхъ словъ и выражений съ однімъ значеніемъ затрудняютъ до известной степени переводъ произведений остаткой народной поэзіи и дѣлаютъ его довольно тяжелымъ. Другой причиной трудности перевода былинъ на европейскіе языки есть отсутствіе собственныхъ имёнъ у людей и урочищъ, которая замѣняются разными прозвищами иногда въ 4—6, до 10 словъ, причемъ смыслъ ихъ часто можетъ быть понятенъ только для лицъ, знающихъ причину, почему то или другое лицо или урочище получило даниое прозвище¹⁾). Примѣры мы встрѣтимъ ниже.

Въ остаткахъ былинъ и героическихъ сказаніяхъ встрѣчаются въ изобиліи разные эпитеты, фигуры и троны, свойственные поэзіи и другихъ народовъ. Кроме случайныхъ эпитетовъ, имѣются и постоянные, напр. земля—мыг постоянно употребляется съ эпитетами «себой», «у и вы»—«кохистая, ширстистая», такъ какъ поверхность ее, покосшая лѣсомъ, уподобляется кожѣ, покрытой ширстью. Постоянными эпитетами слова сегер—«цѣль» являются карт, вах—«желѣзо». Карт сегер, вах сегер значить—«желѣзная цѣль». Слово каттый—«пристань» сопровождается всегда прилагательнымъ пырый—«жердяной (ая)» (пырый каттый) и т. д. Что же касается до фигуры сравненія, то, по чистотѣ, и изяществу ся остяцкая поэзія далеко уступаетъ творчеству многихъ восточныхъ народовъ, напр., Персии.

«Табет мыг сүйеда табет най, табет анка вејдѣт.

«Табет най, табет анка симетта пей

«Јохтет каттем јохтый-кетис хоjet ўрт, погог-на ту синг тїйт,

«Линтет каттем туі той ворма на на, анка-на ту син тїйт!»

Въ большомъ городѣ Сонгхунѣ мы проживали.

На краю того города какой крѣпкогорѣ въ колынхъ (мужь) выросъ?

Киль Сонгхунѣ, сильный богатырь, мой отецъ, здѣсь выросъ.

На 7 концѣ земли святати косатыхъ дѣвицъ за хороший выкупъ они ходили.

Поехъ его походомъ во многіи страны, на синченной, опущенной Богомъ, землѣ.

Една осталась площадь суши и воды (имъ неизвѣданный).

Съ семи кощень земли они взяли въ жены семь дѣвицъ.

И отъ семи дѣвицъ, семи женъ имъ отъ одной

«У него не родилось ни сына, мужа-богатыря, держащаго лукъ въ руکъ, привычной къ луку,

«Ни дочери-дѣвицы, держащей иглу и работающей концами пальцевъ.»

¹⁾ Напр., старый князь гор. Карыносата прозвывался: Худем сѣт ѿ тѣтідем лулай-мѣх тохтей-мѣх кынай урт-га т. е. «300 лѣть гнившій дѣтины малой гагары, дѣтины большой гагары гнилой богатырь-старикъ».

Форма былинъ постоянно мѣняется съ течениемъ времени, хотя сюжетъ ея и неизмѣненъ. Происходитъ это отъ того, что ихъ не заучиваются написать, какъ стихи, а запоминаютъ лишь содержаніе, главные обороты и выраженія, оставшее же все варьируется и дополняется фантазіей пѣвца. Въ виду этого, иногда одну и ту же былину въ разныхъ мѣстахъ поютъ иначе, причемъ болѣе изящество той или другой версии ея зависитъ единственно отъ способности пѣвца и умѣнія его излагать красиво свои мысли. Въ виду значительныхъ размѣровъ былинъ, въ которыхъ числится до 300 и, можетъ быть, болѣе строкъ, весьма часто послѣдняя часть ихъ, иногда половина, излагается прозою, но и то проѣть и передать большую былину требуетъ такого напряженія голоса, что разсказчикъ, оканчивая ее, является часто охрипшимъ.

Содержаніемъ былинъ и героическихъ сказаний служатъ почти исключительно военные походы оставшихъ князей или богатырей другъ противъ друга и противъ Самоѣдовъ ради добычи невѣсть, или война съ напавшими на нихъ, ради той же цѣли, союзами.

Изъ имѣющихся у меня былинъ и героическихъ сказаний, одной былиной я почти не пользовался, такъ какъ и по содержанию и по тѣмъ понятіямъ, которая въ ней встрѣчаются, она имѣеть мало общаго съ сѣверо-угорскимъ героическимъ эпосомъ. Возможно, что сюжетъ ея заимствованъ отъ союзниковъ Тюрковъ или отъ болѣе южныхъ и теперь исчезнувшихъ Остяковъ, жившихъ въ условіяхъ болѣе близкихъ къ условіямъ смежныхъ кочевниковъ.

Въ этой былинѣ мы, наприм., встрѣчаемъ облака черной пыли, поднимающіяся къ верху при движении богатырей, что, иправда, было бы характерно для южныхъ черноземныхъ степей Ишимского и другихъ округовъ Тобольской губерніи, но ни въ какомъ случаѣ не для лѣнестаго и болотистаго Тобольского округа и, въ частности, для области р. Демьянки, где записана эта былина. Въ настоящей странѣ Остяковъ не только пѣть чернозема, но и почти не существуетъ другого сообщенія кромѣ водного. Даѣтъ, въ ней часто являются крылатые кони, хотя вѣриже предположить, что и простые кони не водились въ данной странѣ въ прежнее время; напротивъ, олени, главное домашнее животное бывшихъ Остяковъ, въ цей совершенно не упоминается. Богатыри здѣсь умѣютъ укрощать дикихъ крылатыхъ коней, которые ихъ уносятъ подъ облака. Побѣдившаго врага они занимаютъ въ 7 конскихъ шкуръ и привязываютъ къ хвосту коня и т. д., однимъ словомъ, все эпизоды скорѣе изъ жизни кочевниковъ, чѣмъ оленеводовъ и охотниковъ. Наконецъ, въ ней встрѣчается масса понятій, чуждыхъ прежнимъ Остякамъ и только въ послѣдствіи введенныхъ ими отъ Русскихъ, Зырянъ и Татаръ; напр., коромысле

(кујанды; по татарски: кујанта), столь (иссан; по зырянски пузан), аринъ, бутылка, стаканъ, водка (віла) и т. д. Однимъ словомъ, эта былина совершенно не гармонируетъ съ тѣми представлениями, которыя можно было себѣ составить на основаніи разныхъ другихъ данныхъ относительно жизни прежнихъ Остяковъ.

ГЛАВА II.

Княжества и ихъ центры — городки.

Дробление остицкой страны на мелкія княжества.—Городки, какъ ихъ центры.—Категоріи городковъ.—«Мѣдные» городки.—Селенія, какъ мѣстожительства «простыхъ» людей.—Землемѣдѣліе на родовыхъ началахъ у шаманійскихъ Остяковъ и Богуловъ.—Въ основаніе прежняго княжества легло родовое начало.—Разселеніе родовъ.—Прежнія княжества суть «власти» историковъ.—Южные Остяки не были кочевниками.

Та часть остицкой страны (мыг, иѣлек), которая служила ареной для событий, всесѣчьихъ въ былинахъ и сказаніяхъ, т. е. Тобольскій и южная часть Березовскаго округа Тобольской губерніи, представляла въ отдаленныя времена рядъ независимыхъ другъ отъ друга мелкихъ политическихъ единицъ. Центромъ каждого такого небольшаго «княжества» (а вѣтъ¹) служилъ «городокъ» (вощ, воч, ваш; у Бог.: уш), а верховнымъ властителемъ его былъ живший въ немъ «князь» (јбр, ур, урт²); Бог.—а тер, отер). Всѣ остальные жители малень资料的 kняжества были его подданными; называются они въ былинахъ мыгдат—ях, т. е. земляными людьми.

Число княжествъ и городковъ было прежде весьма значительно; это уже показываетъ то обстоятельство, что миѣ удалось въ бытность мою въ Тобольскомъ округѣ насчитать не менѣе 63³) такихъ городковъ, изъ коихъ около $\frac{2}{3}$ безъ сомнѣнія принадлежали Остякамъ, а Абрамовъ приводитъ ихъ въ Березовскомъ округѣ болѣе 40, хотя почти павѣрное значительная часть ихъ еще по-сей часъ скрыта въ дебряхъ и среди болотъ.

Характеръ этихъ городковъ иѣсколько иной на югѣ округа и даѣтъ къ сѣверу. На югѣ они принадлежатъ Тюркамъ, болѣе искуснымъ въ сооруженіи укрѣплений, и отличаются болѣе значительными размѣрами; на сѣверѣ—они меньше и принадлежатъ Остякамъ.

¹⁾ Слово аѣвт (аут) означаетъ небольшую область, иногда употребляется повидимому какъ синонимъ слова вощ «городъ», напр. въ приведенномъ выше отрывкѣ былины.

²⁾ Назывался онъ также «главой города» вощ—ух и почум—ворт—ига.

³⁾ Обозначенъ на картахъ, представленныхъ въ Ими. русск. Арх. Комиссію.

Опишемъ вкратцѣ такой городокъ. Какъ Остяки, такъ и Татары старались выбирать подъ укрѣпленіе мѣсто позывшевное и до извѣстной степени господствующее надъ соѣдней мѣстностью, а главнымъ образомъ надъ лежащими внизу низменными равнинами и водами рѣкъ и озеръ, которыя, какъ зимой, такъ и лѣтомъ, служатъ почти единственной дорогой для сообщеній въ здѣшнемъ болотистомъ краѣ. Значительная часть городковъ, лежащихъ около болѣе или менѣе крупныхъ рѣкъ, расположены ради этого на нагорномъ берегу ихъ или яру и занимаютъ преимущественно мыски, которые образуются глубокими оврагами, пересекающими кое-гдѣ этотъ берегъ. Особенно удобны для этой цѣли мѣста впаденія въ большую рѣку притоковъ. Здѣсь часто бываютъ мыски, весьма подходящіе для устройства городка, уже въ виду того, что отсюда открывается широкий кругозоръ и что можно легко наблюдать за людьми, юдущими по главной рѣкѣ и по нижней части притока. Если къ тому же такой мысокъ былъ отрѣзанъ оврагомъ отъ остальной части горы, то иногда со стороны низменности или рѣки, надъ которой онъ возвышался, устраивали еще небольшой подъемъ, и укрѣпленіе было готово.

Въ болѣе крупныхъ, вѣроятно татарскихъ, городахъ подъемы представляли изъ себя ребро двугранного угла, образующее съ поверхностью земли и воды весьма пологий уголъ (шъ 35°). Такіе удобные подъемы значительно облегчали восхожденіе на высокія террасы, возникающіе иногда на 25—30 с. надъ окружющей мѣстностью, и по настоящее время они пользуются мѣстное крестьянское и испородческое населеніе тамъ, гдѣ по близости имѣются городки. Также и скотъ легко восходитъ по нимъ, чтобы искать корма въ произрастающихъ на возвышенностяхъ лѣсахъ. Городки такого устройства встрѣчаются около Цингалинскихъ юртъ (Нар. вол.), около дер. Чугасовой (Денищ. вол.), около татарского выселка Самтелѣ (Караг. вол.) и т. д.

Въ весенное время вышеописанные подъемы большой опасности не представляли, такъ какъ по узкой тропинкѣ могли двигаться одновременно не болѣе двухъ человѣкъ въ рядъ и защитники всегда имѣли возможность сбросить ихъ внизъ. Самая-же площади двугранного угла или боковыхъ стороны мыска были болѣе отвѣсны и составляли съ поверхностью земли болѣе тупой уголъ, около 50°, и тѣмъ затрудняли восхожденіе. Эти площади двугранного угла, какъ и ребро его, служащее подъемомъ, въ большинствѣ случаевъ были устроены геометрически правильно. Въ виду того, что уголъ, образуемый подъемомъ съ поверхностью земли, мешало углу паденія многихъ сыпучихъ тѣлъ (песка, сухоц.), самий подъемъ почти всюду хорошо сохранился, боковыя-же площади, которыя, какъ сказано, имѣютъ сравнительно болѣе тупой уголъ, частью изъѣдены обвалами, по тѣмъ не менѣе почти всюду позволяютъ видѣть прежнее устройство городка. Тамъ-же, гдѣ мысокъ не былъ укрѣпленъ

подобнымъ образомъ и гдѣ стѣны его остались отвѣсными, какъ были прежде, —этотъ типъ встрѣчается почти только на сѣверѣ—тамъ ежегодные обвалы до того измѣнили фигуру мыска, что сдѣлали городокъ неузнаваемымъ.

Мѣстами встрѣчаются подъемы и болѣе простаго устройства. Основаниемъ имѣть служить какой-нибудь небольшой смежный оврагъ, который ради этой цѣли выравнивали и дѣлали слегка покатымъ. Такіе подъемы встречаются у городковъ Чувашъ, Касимъ-Тура и др.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ мысокъ укрѣпляли еще искусственно. Со стороны сушки его перекапывали рѣзами и изъ выброшенной земли устраивали валы (урѣм). Чаще всего городокъ имѣть одинъ ровъ и одинъ валъ, иногда же два концентрическихъ ряда валовъ. У татарскихъ городковъ мы встрѣчаемъ кое-гдѣ и три ряда ихъ.

Тамъ, гдѣ по близости не было мыска, выбирали просто мѣсто на берегу рѣки или озера, по возможности возвышеніе, и оканчивали его кругомъ рвомъ и укрѣпляли валомъ или прѣсольскими рядами ихъ. Но въ данимъ случаѣ работы было больше, такъ какъ приходилось дѣлать землянныя работы на большомъ протяженіи. Въ тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ берегъ рѣки не возвышался болѣе или менѣе значительно надъ уровнемъ воды, приходилось дѣлать почти круговые окопы, такъ какъ самыѣ берегъ не представлялъ въ данимъ случаѣ достаточной защиты. Таборы, напр., городки, расположенные около Эбыть-ега, притока р. Конды, Рут'--вош (Русскій городъ), Ям-вош¹⁾ и др.

Размѣры городковъ, ихъ валовъ и рвовъ, значительно болѣе изъ югъ округа, чѣмъ дальше къ сѣверу. Именно здѣсь встречаются городки съ верхней площадью (внутри валовъ) въ 500—700 кв. с., какъ, напр., Сибирь или Искоръ, Чувашъ (Махметъ-кула), Касимъ-тура и др.²⁾. На сѣверѣ-же, въ области Остякои, городки болѣе миниатюрны и чаще всего имѣютъ 70—140 кв. саж. въ соответствующей площаади, и рѣдко болѣе 180 кв. с.

Валы и рвы тѣхъ и другихъ городковъ находятся въ соотвѣтствіи съ ихъ размѣрами. У татарскихъ городковъ ширина рвовъ на верху 1 $\frac{1}{2}$ —2 с. и глубина 1 $\frac{1}{2}$ арш. до 1 $\frac{1}{2}$ с. до вершины валовъ. У остяцкихъ—ширна отъ 2 арш. до 1 $\frac{1}{2}$ с., при глубинѣ отъ 1 арш. до 1 саж. Въ разрѣзѣ болѣе сохранившіеся рвы имѣютъ всюду фигуру треугольника, иначе ихъ стороны

¹⁾ Въ 2-хъ перегахъ огъ З. Пуштинскихъ юртъ (М. Кондинск. вол.).

²⁾ Возможно, что изъкоторые изъ этихъ южныхъ городковъ остицкаго происхождения и что они только потому были заняты и увеличены Татарами; напр., о существованіи городка Сибири въ XV ст. сообщасть Карамзинъ, названіе другаго города Чувашъ тоже выдастъ его остицкое происхождение (ваш—городъ). Предположеніе же историковъ, что этотъ городокъ обязанъ своимъ именемъ поселенію Чувашъ, не имѣть оснований.

образуют двугранный уголъ. Валы, обыкновенно, мало выражены и образованы изъ земли вынутой, изъ рвовъ. Они расположены и передъ рвомъ, и съ вѣйшней стороны его, по болѣе значительны первые. Ширина ихъ колеблется между 1 с. и 3 с. Послѣдний случай имѣть мѣсто, если валъ находится между двумя рвами. Высота валовъ надъ уровнемъ площади городка въ настоящее время обыкновенно не превышаетъ: у Татаръ—1 арш., у Остяковъ $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ арш.

На валахъ строили еще въ большинствѣ случаевъ деревянный частоколъ (съ тай-вош), снабженный воротами (вош-хѣтой). Помѣщался онъ, по всему вѣроятію, внутри земляныхъ укрѣплений. Около городковъ, какъ и около селений, были устроены жердяные пристани (нырый катты) и помостки для причаливанія лодокъ (парай-вош).

Нѣкоторые изъ этихъ городковъ воспоминаются въ былинѣ и описываются въ сказаніяхъ и получаютъ, такъ сказать, историческое значеніе. Въ предѣлахъ Тобольского округа изъ такихъ городковъ назовемъ Тай-ар-вош (Вож-охта), около Цигалинскихъ юртъ, и Карыноспат-урдат-вош, что значить «богатырскій городъ у Стерляжей протоки», такъ какъ онъ расположенъ около южного берега нижней Коанды надъ самой Стерляжей протокой. Въ Березовскомъ округѣ можно назвать Емдер-вош, около Ендерской протоки, и Найк-хув-вош и Сой-хув-вош гдѣ-то на нижней Оби. Отъ немногихъ другихъ городковъ сохранились кое-какія преданія (Хут-вош¹⁾ и Туй-пох-вош²⁾ по Иртышу, отъ другихъ только названія (Ям-вош, Рут'-вош, Елій-авыт-вош по Коандѣ, Охайан-вош³⁾ по Иртышу и т. д.). Отъ большей-же части не осталось въ памяти народной никакихъ воспоминаній, но они просто называются городками (вош) или городицами (вош-и-ай).

Если эти городки и оказывали большую услугу защитѣ въ пемъ живущихъ, особенно при внезапномъ появлении враговъ, то нѣдѣльно при ожиданіи набѣга болѣе сильныхъ непріятелей, жители городка пожидали его и искали убежище въ укрѣпленіяхъ болѣе надежныхъ. Такими укрѣпленіями были «мѣдные города» (мытыр-вах-вош) былинъ, которые представляли изъ себя небольшія крѣпости, окруженнны со всѣхъ сторонъ высокими насыпами и крытыми сверху мѣдными листами. Когда, въ военное время, ихъ запирали, то въ нихъ оставалось всего два отверстія: одно въ верху для свѣта и другое—съ боку, только достаточное, чтобы войти богатырю въ кольчугѣ. Въ одной изъ имѣющихся у меня былинъ описывается подобный городъ, находившийся

¹⁾ Около прѣк. Колуховскихъ юртъ (Нар. вол.).

²⁾ На Каменномъ мысу около с. Самарова.

³⁾ 5 вор. (по зимн. пути) вверхъ отъ Надзиинск. юртъ, противъ дер. И. Филатовой.

въ бассейнѣ средней Коанды, на р. Еврѣ, въ мѣстности, которая теперь составляетъ часть Туринского округа. О подобныхъ-же городкахъ упоминается и въ самоѣдскихъ сказаніяхъ, образцы которыхъ приводить Кастренъ. Конечно сомнительно, чтобы въ странѣ, гдѣ не добывается мѣди, первобытный народъ, какъ Остяки, былъ въ состояніи выстроить изъ нея крѣшу надъ цѣлымъ городомъ. Но, какъ мы себѣ не будемъ объяснять устройство столь оригинальныхъ сооруженій, весьмаѣ вѣроятно, что иные изъ городковъ были сравнительно гораздо лучше укрѣплены искусствомъ или природой, такъ что брать ихъ было не подъ силу даже могучимъ богатырямъ. Что такие городки дѣйствительно существовали, свидѣтельствуетъ исторія. Даже и такой опытный воинъ, какъ Брязга, въ продолженіи З-хъ дней не могъ взять остяцкаго городка, который находился вблизи нынѣшняго села Демьянскаго (Дем. вол.), и только благодаря случайности ему удалось овладѣть имъ. И, съ другой стороны, остяцкіи былинны веюду такъ вѣрно и точно сообщаютъ топографическія свѣдѣнія, что можно не безъ основанія предположить существование подобнаго крѣпкаго городка и на р. Еврѣ, гдѣ мнѣ однако же удалось побывать.

Въ каждомъ маленькомъ княжествѣ первоначально имѣлся всего одинъ городокъ; болѣе укрѣпленныхъ мѣсть не было. Но въ послѣдствіи, черезъ соединеніе подъ одной властью двухъ княжествъ¹⁾ или при посредствѣ дробленія одного владѣнія на два безъ окончательнаго раздѣленія ихъ на двѣ части произошли княжества съ двумя и болѣе городками.

Если обширные городки Татаръ, хорошо укрѣпленные и снабженные удобными подъемами, и могли служить убѣжищемъ для довольно значительнаго числа людей, то небольшія и слабо защищенные укрѣпленія Остяковъ могли вместить всего небольшое число жилищъ. Легко себѣ представить, что въ нихъ жили только князь, его родные, слуги и небольшая часть жителей и только при большой опасности въ нихъ укрывалася и народъ²⁾. Главная-же часть населенія, судя по всему, группировалась около городковъ въ видѣ селеній (пугот; Бог.—наул'), состоявшихъ изъ большаго или меньшаго числа жилищъ и расположенныхъ часто у подножія такихъ террасъ, на которыхъ находились городки. Это видно какъ изъ историческихъ свидѣтельствъ, такъ и изъ мѣстныхъ преданій. Такъ атаманъ Богданъ Брязга, во время своего похода внизъ по Иртышу, часто встречалъ

¹⁾ Напр. историки сообщаютъ, что къ Турасской волости принадлежала и Уватская.

²⁾ Слышкомъ односторонне смотреть на городки историкъ Миллеръ. (Чет. Сиб., стр. 129). Посѣтіиъ городковъ у Самарова (Туй-пох-вош), который отмѣчается своею непріступностью, но весьма малыми размѣрами, оно дѣлаетъ отсюда выводъ, что городки служили убѣжищемъ только для женъ и дѣтей во время напастей враговъ и что народъ въ нихъ не укрывался, но ожидалъ непріятеля изъ полѣ или изъ своихъ жилищахъ. Этотъ общий выводъ на основаніи одного городка довольно произведенъ и расходится съ данными, сообщаемыми остяцкимъ героическимъ эпосомъ и исторіей.

селенія Остяковъ въблизи городковъ; напр., Цингалинскія юрты, расположенные въ двухъ верстахъ ниже городка, у самой рѣки. Подобное же сообщество и народное предание о Колпуховскомъ городѣ (Хут-вош) и селеніи. Это-же подтверждается и былинами. Въ нихъ говорится, что при предстоявшихъ народныхъ собораніяхъ глашатай обходилъ каждый домъ и созывалъ хозяевъ, что не могло-бы имѣть мѣста, еслибы они жили разсѣянно и на большомъ пространствѣ.

Возможно, что небольшая часть жителей обитала вдали по рѣкамъ и озерамъ. Въ виду своей удаленности отъ центра, они,ѣроятно, принимали менѣе участія, какъ въ общественныхъ дѣлахъ, такъ и во всѣхъ предпріятіяхъ князей.

Весьмаѣроятно, что въ основу дѣленія страны на отдѣльныя независимыя княжества легло родовое начало. Конечно, наличная данная не позволяютъ утверждать, что всѣ лица такого княжества были членами одного рода, хотя въ этомъ и быть ничего неѣроятного. Во всякомъ случаѣ, скорѣе можно предположить, что такой союзъ состоялъ изъ немногихъ родовъ, чѣмъ изъ большаго числа ихъ. Это отчасти явствуетъ изъ остатковъ прежнихъ формъ землевладѣнія въ Тобольскомъ округѣ, гдѣ селенія, расположенные въ глухихъ мѣстахъ и сохранившіяся до известной степени отъ выѣшнихъ влияний, и теперь состоятъ изъ одного или двухъ родовъ и представляютъ памъ прымѣръ владѣнія земли на родовыхъ началахъ. Такая форма землевладѣнія встрѣчается еще ионьше у Кондинскихъ Богудовъ. У нихъ каждая дача составляетъ принадлежность особаго рода. Его представители являются единственными законными владѣльцами дачи, независимо отъ того, живутъ-ли они въ одномъ селеніи или въ двухъ, и, наоборотъ, живутъ-ли два рода въ одномъ селеніи. Подобная-же форма землевладѣнія была въ прошлее время и у Остяковъ, но теперь сохранилась лишь въ немногихъ мѣстахъ. Такъ, напр., с. Болчарово, на Кондѣ, собственно состоять изъ двухъ селеній, изъ юртъ Болчарскихъ и Магатскихъ, причемъ каждое изъ этихъ селеній состоитъ изъ представителей особыхъ родовъ и владѣетъ разными дачами.

Но и тутъ это родовое устройство мало-по-малу разрушается. На ряду съ вымираніемъ членовъ обоихъ родовъ, въ ихъ среду стали проникать разныя постороннія лица: Русские и Остяки, частично по усыновлению, частично по приемнымъ приговорамъ. На Иртышѣ уже штгдѣ иѣть остицкихъ селеній съ представителями одного или двухъ родовъ, а напротивъ, въ слѣдствіе вышеуказанной и другихъ причинъ, ихъ число всюду велико и только кое-гдѣ отдѣльными родами удалось удержать свои старыя родовые земли отъ захвата со стороны своихъ односельцевъ, напр., въ Цингалинскихъ юртахъ. Въ этомъ селеніи кромѣ бывшей дачи, которою пользуются всѣ на общинныхъ началахъ, отдѣльные роды

имѣютъ еще свои особыя «вотчины», перешедшія къ нимъ частью непосредственно отъ предковъ, частью путемъ купли или завѣщанія отъ лицъ, владѣвшихъ этими землями; изъ нихъ иѣкоторыя принадлежали даже къ смежнымъ юртамъ М. Кондинской волости. Документовъ на эти земли почти ни у кого не имѣется и никогда не было. Въ слѣдствіе бездѣтности значительной части жителей этого вымирающаго селенія, упомянутыя вотчины постоянно переходятъ изъ руки въ руки. Большая часть населенія этихъ юртъ всѣми мѣрами добивается обратить ихъ въ общественныя. Сомнительно, однако, чтобы имъ удалось этого достигнуть, ибо Управление Гос. Им. смотритъ на эти земли, какъ на выморочныя и подлежащія перейти въ казенное вѣдомство. Когда послѣднее совершиется, тогда въ этихъ юртахъ и почти всюду по Иртышу прекратится у инородцевъ владѣніе на родовыхъ началахъ.

Родовые владѣнія, о которыхъ идетъ рѣчь, слѣдующія:

- 1) Рѣчка Чагрова съ прилегающими землями (около Ягодной протоки) принадлежитъ 7 семьямъ родовъ Чагровыхъ и Подлиныхъ.
- 2) Р. Чилимка, притокъ Конды съ правой стороны, съ прилегающими угодьями. Составляетъ принадлежность 2-хъ семей и одной женщины изъ третьей—рода Дусматовыхъ.
- 3) Р. Вачкіева съ прибрежными угодьями (въ верховыхъ Калмадаевскаго сора). Владѣльцами ся являются 3 семьи родовъ Каскиныхъ (2) и Мамкаевыхъ (1).
- 4) Озеро и рѣчка Калмадаевы, впадающая въ р. Чилимку, составляютъ владѣніе двухъ семей рода Кумлиныхъ, изъ коихъ пользуется ими только одна, такъ какъ другая перешла на жительство въ Айдарекія юрты (по Салыму).

Скажемъ къ слову, что подобное смѣшанное землевладѣніе, представляющее сочетаніе общинного съ родовымъ, въ настоящемъ время довольно распространено у русскихъ крестьянъ волостей, расположенныхъ по нижнему течению Иртыша и по смежной части Оби (Уватской, Юрюкской, Демьянской, Дениковской, Самаровской). Здѣсь родовое владѣніе, очевидно, произошло иѣсколько инымъ путемъ, именно исключительно при помощи купли и прѣема въ залогъ отдѣльными семьями участковъ земли отъ коренныхъ жителей данихъ мѣстъ—Остяковъ. Этими такъ называемыми «вотчинаами» пользуются ливы представители того рода, къ которому онъ принадлежать. Документы, свидѣтельствующіе совершившіяся сдѣлки, имѣются почти у всѣхъ владѣльцовъ; имъ, какъ приходому населенію, необходимо имѣть возможность доказать свои права на землю.

Въ остальныхъ селеніяхъ, какъ почти всюду въ Тобольскомъ округѣ, установленось, благодаря влиянию Русскихъ, землевладѣніе на общинныхъ началахъ, т. е. земля сдѣлалась принадлежностью всего селенія, изъ сколькихъ бы родовъ оно ни состояло.

Вышеуказанная прежняя форма землевладений и находитъ пачь на мысль, что дробление страны на небольшія самостоятельныя единицы находилось въ связи съ дѣлениемъ остицкаго народа или, вѣрибѣ, каждого его племени на роды. Прежде, когда вся страна находилась во власти Остяковъ, не было столько причинъ, мѣнившихъ развитію патріархального быта. Весьма вѣроятно, что роды были крупнѣе и число ихъ въ каждомъ владѣніи не великo.

И дѣйствительно, мы и по сей часъ застаемъ нечто подобное у Обдорскихъ Остяковъ. Кастренъ сообщаетъ¹⁾, что они «распадаются на множество мелкихъ родовъ, изъ коихъ каждый образуетъ самъ по себѣ маленькое княжество или вѣрибѣ большое семейство», и эти семейства или роды иногда считаются сотни и даже тысячи душъ въ своей средѣ. То же замѣчается и у Са-моѣдовъ. Большая часть членовъ отдѣльныхъ родовъ, конечно, не могутъ доказать своего родства между собою, по тѣмъ не менѣе смотрятъ другъ на друга какъ на родственниковъ, не вступаютъ между собою въ брачные союзы и оказываются другъ другу материальную поддержку.

Изъ мѣстныхъ преданий мы узнаемъ, какимъ образомъ иногда дробились и раздѣлялись роды и какъ иногда два рода соединялись въ одинъ союзъ. Напр., въ пышшихъ Чиликанскихъ юртахъ (Тонхъ-хутъ)²⁾ прежде правилъ одинъ храбрый князь, который много охотился и воевалъ и потреблялъ такую массу стрѣль, что за пять всегда возили цѣлую подводу ихъ. Наконечники для этихъ стрѣль ковалъ онъ самъ, а перья должны были доставать его подданные. Извѣстно, что для этой цѣли годятся только перья орла и филина, птицъ немногочисленныхъ, и поэтому добывать большою числомъ ихъ было дѣломъ не легкимъ. Тяготясь этой повинностью, часть его подданий, воспользовавшись его отсутствиемъ, покинули мѣсто Тонхъ-хутъ и поселились далѣе къ западу у Зимиаго сора, а потомъ перенесли свои жилища на Конду, гдѣ теперь извѣстны подъ именемъ Магатскихъ Остяковъ. Нѣкоторое время послѣ ихъ переселенія они владѣли землей сообща съ Чиликанскими Остяками, а потомъ раздѣлили ее на 2 части. Это—случай дробленія одного рода и принадлежащей ему земли на двѣ части, причемъ мы видимъ, что обѣ половины распавшагося рода посѣти почему-то разныя фамиліи.

Черезъ нѣкоторое время послѣ бѣгства части Остяковъ, оставившись пришли къ себѣ часть другого рода. Произошло это такимъ образомъ. Однажды по р. Чиликанѣ плыли лодки съ вооруженными людьми, женщинами и дѣтьми. Князь Тонхъ-хута сначала принялъ ихъ за враговъ и хотѣлъ встрѣтить враждебно, но они ему закричали, что у нихъ мирнаго намѣренія, что плывутъ изъ

Эмдера (Берез. окр.) и ищутъ удобныхъ мѣстъ для поселенія. Князь ихъ принялъ и угостилъ, и такъ какъ имъ понравилось данное мѣсто, то они тутъ и поселились и вмѣстѣ стали владѣть землей. Отсюда, по словамъ Чиликанскихъ Остяковъ, у нихъ и числится два рода или двѣ фамиліи: отъ коренныхъ жителей проходятъ Лумкоткины, отъ пріишельцевъ—родъ Галкиныхъ. Для пачь не важно, имѣло ли мѣсто все это въ дѣйствительности, хотя вѣроятно, что это преданіе не есть вымыселъ, но все же оно показываетъ, что и въ отдаленіи отъ пачь эпохи родовые союзы приходили въ свою среду посторонніе элементы и, съ другой стороны, нѣкоторые члены его сами селились у другихъ. Этимъ путемъ увеличивалось число родовъ въ каждомъ владѣніи.

Отдѣльныя княжества были весьма разной величины. Весьма вѣроятно, что въ большинствѣ случаевъ они совпадали съ остицкими «волостями» (нынѣ: мір) времена татарского владычества; такъ, историки, известные о наступательномъ движении Русскихъ въ страну Остяковъ, говорятъ, что Брязга покорила Курбинскую (тат.), Туртасскую (ост.), Цингалинскую (ост.) и др. «волости»¹⁾, что можно понять только въ этомъ смыслѣ.

При завоеваніи Тобольского округа Русскими, по Иртышу были расположены слѣдующія остицкія волости, начиная съ юга: Туртасская (съ Уватской), Назымская, Демьянская, Цингалинская, Нарымская, Тарханская и еще одна или шѣсколько у устья Иртыша и около прилегающей части Оби, т. е. въ самой южной части округа, которая теперь составляетъ Темлячевскую волость. Можетъ быть, въ вышеупомянутомъ перечислѣ пропущена одна или другая мелкая волость, которая при завоеваніи края Русскими спллась со смежной; такъ, напр., на протяженіи около 240 вер. отъ р. Демьянки почти до устья Иртыша мы насчитали всего 3 волости.

Туртасская и Уватская волости названы у историковъ «татарскими», по вѣрибѣ предположить, что населеніе ихъ состоять изъ отатарившихся Остяковъ, что показываетъ какъ ихъ тиши, такъ и языки, который они отчасти сохранили и который представляетъ нѣкоторымъ отличіемъ отъ болѣе южныхъ нарѣчий. И понынѣ главный языкъ ихъ татарскій, который, вѣроятно, и ввелъ въ заселеніе лѣтоницевъ и историковъ. Аналогичное явленіе мы встречаемъ и въ Кондинскомъ краѣ.

Въ настоящее время почти ни одна изъ волостей не сохранилась до пачь въ неизмѣнномъ видѣ; напротивъ, болѣе мелкія изъ нихъ были соединены по 2—3—4 вмѣстѣ, именно, Туртасская съ Уватской и Назым-

¹⁾ A. Castrén: «Ethnol. Vorles.», стр. 106.

²⁾ Меншико-Кондинской вол. Тоб. окр.

¹⁾ Фишеръ такимъ образомъ характеризуетъ прѣжнюю волость: «волость, на татарскомъ и монгольскомъ языке «улуусъ», значить въ Сибири нѣкоторое пространство земель, надъ которыми поставленъ князецъ или судья, такъ, напр., Татары и Остяки у Иртыша живутъ въ волостяхъ...» («Ист. Сибири II», стр. 141., прим.)

ская въ одну Назымскую, Цингалинская, Нарымская и Тарханская въ одну—Нарымскую, такъ что тенерешнія «волости» по большей части заключаютъ въ себѣ иѣсколько прежнихъ, чѣмъ главыи образомъ находятся въ связи съ вымираемъ жителей. Но эти прежнія волости, однако, не прошли безъѣдно и въ настоищее время, а во многихъ случаяхъ составляютъ сельскія общности, на которыхъ бываютъ разбиты иѣкоторыя изъ теперь существующихъ волостей. Тутасское сельское общество представляется для насъ еще толькъ интересъ, что вѣдь 3 селенія, изъ коихъ оно состоитъ¹⁾, еще по сейчасъ владѣютъ своимъ угодьями сообща, какъ было прежде при существованіи Тутасской волости. И эти угодья состоятъ изъ необъятныхъ лѣсистыхъ пространствъ, расположенныхъ въ бассейнѣ р. Тутаса²⁾.

Однимъ изъ самыхъ крупныхъ владѣній въ Тобольскомъ округѣ было известное, по весьма многимъ сказаніямъ, княжество съ городомъ Тайнар-воинъ въ главѣ. Оно, согласно преданию, выставляло въ походъ 300 мужей, чѣмъ можетъ соотвѣтствовать общему населенію не менѣе чѣмъ въ 1000—1200 душъ обоего пола. Хотя это число и не велико для самостоятельнаго владѣнія, однако намъ кажется, что оно иѣсколько преувеличено, такъ какъ вся Нарымская волость, южную часть котораго составляло это княжество—Цингалинская волость Миллера,—имѣла въ 1816 г., т. е. въ 7 ревизію, всего около 460 душъ обоего пола. Конечно, судя по сильному вымиранію ся жителей, что доказывается точными цифрами ревизій въ разные годы, оно и было прежде гораздо значительнѣе. Въ другомъ сказаніи упоминается о небольшомъ владѣніи гдѣ-то на Оби, хотя и безъ точнаго обозначенія мѣста, гдѣ числилось всего 50 поиновъ, чѣмъ соотвѣтствуетъ, приблизительно, населенію въ 200 душъ, группамъ жителей и теперь составляющей остиацкую волость средней величины.

Судя по всему, среднее число жителей мелкихъ княжествъ описываемой местности было отъ 60 до 400 душъ обоего пола³⁾. Съ этими выводами отчасти согласуются и соображенія, основанныя на данныхъ историческихъ⁴⁾.

¹⁾ Юрты Тутасская, Уватская и Альмская составляли бывшую Тутасскую волость. Въ 1858 г. въ ней числилось 52 м. и 54 ж., а въ 1886 г.—44 м. и 36 ж. Прежняя Назымская волость, существовавшая еще при занесеніи Сибири Русскими, имѣла до соединенія съ Тутасской—5 селеній. Въ 1858 г. въ нихъ числилось 108 м. и 118 ж., а въ 1886 г., въ следствіе вымиранія жителей,—всего 70 м. и 69 ж. Теперь эта волость составляетъ Назымское сельское общество Назымской волости.

²⁾ Въ 1888 г. почти все это огромное лѣсисто-болотистое пространство перешло въ вѣдѣніе казны.

³⁾ Миллеръ упоминаетъ впрочемъ и о такихъ мелкихъ волостяхъ, которые состояли изъ 3—10 годовыхъ мужскихъ душъ.

⁴⁾ По берегамъ Пртыши и Оби городки были расположены на разстояніи 20—60 вер. другъ отъ друга, какъ это видно изъ «Книги Большаго Чертежа», которая относится къ концу

Границами всѣхъ владѣній Остяковъ и, въ вѣсма многихъ случаяхъ, Русскихъ и Татаръ служать разныя естественные уроцища: озера, рѣчки, лѣсъ и т. д., чѣмъ безъ сомнѣнія было и прежде. Эти межи вѣроятно до известной степени соблюдались и въ старину. Въ сказаніяхъ и былинѣ мы никогда не встрѣчаемъ войнъ изъ-за захвата земель. Впрочемъ, страна тогда еще была такъ богата дичью и рыбой, а населеніе столь рѣдко, что въ подобныхъ захватахъ особой надобности не представлялось.

Основываясь на этихъ данныхъ, можно предположить, что и въ періодъ, описываемый былинами и сказаніями, южные Остяки уже жили осѣдло. Однако тѣмъ не менѣе они и понынѣ на офиціальномъ языке именуются «кочевыми» инородцами на томъ основаніи, чѣмъ иѣкоторые изъ нихъ имѣютъ кромѣ зимнихъ помѣщений еще лѣтнія юрты въ уроцищахъ, гдѣ они промышляютъ лѣтомъ. Это название и потому не выдерживаетъ критики, что подобное явленіе мы замѣчаемъ и у Русскихъ Тобольского округа. У иѣкоторыхъ изъ нихъ тоже имѣются пашни и рыболовные избушки вдали отъ селеній, а между тѣмъ ихъ никто не называетъ «кочевыми». Въ дѣйствительности же южные Остяки, насколькъ у насъ хватаетъ извѣстій, постоянно жили осѣдло, чѣмъ уже доказывается присутствиемъ у нихъ городковъ, и только на время промысла расходились по рѣчкамъ и лѣсамъ. Въ этомъ отношеніи они представляютъ большое различіе съ самыми южными своими сородичами, которые дѣйствительно, подобно Самоѣдамъ, ведутъ бродячуя жизнь.

ГЛАВА III.

Внѣшній видъ и образъ жизни прежнихъ Остяковъ.

Внѣшній видъ прежнихъ Остяковъ.—Признаки красоты и силы.—Мужская одежда.—Вооруженіе: кольчуги, мечи, луки и т. д.—Жилища: землянки и ихъ устройство.—Общественные зданія.

Пріческа Остяковъ въ старину была довольно оригинальная и отчасти сходная съ пріческой древніхъ Мадьяръ. Они стригли или брили волосы

XVI или въ началѣ XVII ст. Слѣдующій отрывокъ изъ этого памятника покажетъ намъ распределеніе городковъ въ той части Оби, которая орошаетъ сѣверную часть Тобольского округа.

...«А выше Пртыши на Оби градъ Ярдамъ.

«А выше Ярдама отъ устья Пртыши 30 вер. гор. Мазымъ.

«А выше 30 вер. градъ Лирикъ. А выше Лирика 20 вер.—градъ Лунгулей.

«А выше Лунгулеи 25 вер.—Салыма градъ. А выше 60 вер. Салыма (Салынъ) градъ!..»

Столь тѣсное размѣщеніе городковъ не должно считаться за признакъ густоты населенія, въ виду того, чѣмъ въ этой местности оно прежде, какъ и нынѣ, было скрупульно исключительно по берегамъ рѣкъ.

спереди, а сзади заплетали ихъ въ косы, вѣроятно въ двѣ¹⁾, какъ оно еще ионыѣ подится въ сѣверной части Березовскаго округа. Отсюда происходятъ эпитеты воинъ и сватъ у гот-еudem — «со стрижениемъ головой», и венг-ет-eudem — «со стрижениемъ лбомъ», и прозвище богатыри сѣвой урт — «косатый богатырь». Бороду они также носили, хотя она у нихъ, какъ вообще у угорского племени, и не отличается роскошнымъ ростомъ.

Своей красотой князья значительно превосходили своихъ подданныхъ. Про одного красавца богатыря (Куі мурата себѣ урт, куі мурата негей урт²⁾) въ былинѣ разсказывается, что онъ ночью озарялъ комнату на подобіе утренней зари. Характернымъ признакомъ красоты у Остяковъ считалась бѣлизна и прозрачность тѣла. О красивыхъ людяхъ въ сказаніяхъ и сказкахъ говорится, что у нихъ «сквозь кости виденъ мозгъ и сквозь мозгъ видны кости». Но эта прозрачность тѣла считалась въ то-же время признакомъ бѣжности сложенія и физической слабости. Напротивъ отличиемъ силы была плотность и непрозрачность организма. Поэтому вѣцему богатырю было достаточно посмотреть сквозь своего противника на солнце, чтобы узнать, съ кѣмъ ему приходится имѣть дѣло. Этимъ путемъ Эмдерскіе богатыри различили въ толпѣ враговъ своего главнаго противника, князя Евра: его тѣло состояло «какъ-бы изъ силоюї массы серебра и золота», настолько оно было непрозрачно; у другихъ-же были видны сквозь всѣхъ ихъ внутренности. У одного богатыря такимъ образомъ красота преобладала надъ силой, у другого наоборотъ. Но если признаки красоты и силы до известной степени и расходились, то все-же оно не мѣшало богатырямъ — силачамъ имѣть свою особую мужественную красоту.

Относительно простой одежды Остяковъ въ былинахъ и старинныхъ сказаніяхъ шть прямыхъ указаний, но есть косвенныя; именно, въ одной изъ нихъ говорится, что у одного князя имѣлось два божка, одѣтыхъ въ малицы (кѣлеи-тоих). Мы-же знаемъ, что весьма часто инородцы спабжаютъ своихъ половъ тѣми-же предметами, которыми пользуются сами. Въ виду этого можно предположить, что прежніе Остяки носили «малицы» (кѣле), а можетъ быть и «гуси» и «парки», весьма распространенную въ сѣверной части Березовскаго округа одежду. Съ этимъ согласны и многія мѣстныя преданія. Они говорятъ, что, отправляясь по какимъ-нибудь надобностямъ во вражескій станъ, князья имѣли обыкновеніе одѣвать кольчути подъ малицы, чтобы не

¹⁾ Мадьяры брали головы и носили 3 косички («Моравія и Мадьяры» К. Грофа стр. 318).

²⁾ Русский переводъ этого прозвища будетъ: «Подобный болотной жароникѣ косатый богатырь, подобный болотной жароникѣ сильный богатырь».

быть узнанными среди простого народа. Малицы, гуси и парки дѣлались изъ оленыхъ шкуръ.

Въ виду того, что о сапогахъ (н'їр), шапкахъ и рукавицахъ (пѣс; двойств. ч. пѣсе-еи) первѣдко упоминается въ былинахъ и сказаніяхъ, возможно, что ихъ иногда, именно лѣтомъ, носили особо, а не всегда они были приспособлены къ зимней мѣховой одеждѣ. Матеріаломъ для нихъ служили звѣріиные шкуры, главнымъ образомъ олени, а также шкурки ятицъ; въ одномъ сказаніи мы встрѣчаемъ рукавицы, сдѣланыя изъ шкуреи филина.

Гр. Новицкій¹⁾ разсказываетъ, что главная одежда Остяковъ его времени, т. е. начала XVIII в., состояла изъ выдѣланной кожи рыбъ, главнымъ образомъ палима, осетра и стерляди, и что изъ этого-же матеріала они готовили себѣ и сапоги. Кроме того, они употребляли для этой цѣли и шкурки лебедей, гусей и другихъ ятицъ. Вероятно, что подобная одежда действительно носилась Остяками въ прежнее время, хотя обѣ этомъ въ народной памяти и сохранилось весьма немногое. Въ сказаніяхъ и сказкахъ только изрѣдка встрѣчаются на это намеки; такъ, въ одной вогульской сказкѣ, которую мы удалось записать, выступаетъ одинъ царевичъ, часто мѣнявший свою одежду; однажды онъ щеголялъ въ синей изъ рыбьей кожи. Кроме того, въ былинахъ первѣдко упоминаются «пекуско содранныя шкурки болотной сороки» (јімес хорем н'урен сау сбх), «шкурки весенней чайки» (тѣу халей сбх) и т. д., которая вѣроятно тоже шли на одежду.

Богатыри, по словамъ былинъ, носили еще дорогія одежды изъ сукна (яуі), изъ тонкаго шелка (јермак) и изъ пушинистаго бархата (иуій бархат). Послѣдній очевидно принадлежитъ къ области народной фантазіи и составляетъ анахронизмъ. Обыкновенно-же въ былинахъ обувь и одежда богатырей называется вѣгай н'їр, вѣгай сау²⁾), что значитъ «дорогая обувь», «дорогая одежда», а также «обувь и одежда, украшенная металлическими подѣлками». Эти-же выраженія употребляются и для обозначенія обуви и одежды знатныхъ остицкихъ женщинъ. Вообще у сѣверныхъ народовъ замѣтили лишь небольшая разница въ костюмѣ обоихъ половъ. На головѣ богатыри лѣтомъ носили шапки (міл', кѣйт). Пояса (ѣнди), на которыхъ носили ножи, были вѣроятно ременные.

Приадлежностью ихъ костюма былъ еще шелковый платокъ (јермак охчам), всегда носимый при себѣ. Имъ завязывали глаза въ случаѣ большой опасности, особенно когда приходилось бороться съ лѣшими и съ Самоѣдами — колдунаами. Поступали они такъ, конечно, не изъ страха, незнамаго богаты-

¹⁾ «Краткое описание о народѣ Остяковъ», соч. Гр. Новицкаго въ 1715 г. Слб. 1844.

²⁾ Также вѣгай кыриа.

рями, а изъ опасенія, чтобы ихъ не склонилъ спозинъ ихъ поуязвимаго противника—злой духъ¹⁾.

Вооруженіе остяцкихъ князей состояло изъ кольчуги (тѣ гар, тѣ хр, тѣт; Вогъ юнты и таул'), мечи (атта-кѣг'е, нар), лука (јбогот) и стрѣль (и'от). Иногда присоединялись тофоръ (тѣjem) и дубинка изъ лиственичаго или словаго дерева (ныр панк, ныр хут).

Кольчуга и мечъ составляли неизменную принадлежность каждого остяцкаго князя, какъ на войнѣ, такъ и дома, разъ предвидѣлась какая-нибудь опасность. Называлось такое княжеское вооруженіе сложнимъ словомъ тѣхр кѣг'е, въ переводѣ: «кольчуга-пожъ (мечъ)». Простые же люди не имѣли кольчугъ, да и мечи вѣроятно были доступны немногимъ изъ нихъ.

Кольчуга представляла изъ себя рубашку, сдѣланную изъ металлическихъ колецъ, и имѣла форму остяцкаго «гуся», т. е. была снабжена и руками и плечомъ; вирочемъ, были кольчуги и безъ верха. Откуда явились кольчуги неизвестно, но предаша о нихъ и понынѣ живутъ въ памяти инородцевъ сѣверо-западной Сибири. Рассказываютъ, что кое-когда находили въ землѣ куски старыхъ кольчугъ и даже цѣлые, принадлежавшія прежнимъ богатырямъ, о томъ-же сообщаютъ и многие писатели²⁾, но въ бытность мою на сѣверѣ западной Сибири мѣрѣ не удалось видѣть подобные остатки.

Кольчуга пользовалась у прежнихъ Остяковъ огромнымъ почетомъ и имѣла много названий, ибо дѣлала богатыреи почти поуязвимыми. Ее называли «вспахающимъ страхъ одѣяніемъ изъ полотна многихъ земель» (ар мыг та-тат петмай тѣт), «одеждой, спасающей душу» (тїт бттстай тѣт) и т. д., не говоря уже о болѣе простыхъ эпитетахъ, какъ, напр., «звенища кольчуга изъ блестящихъ колецъ» (н'ілек туї ковлай тѣт³⁾). По всему вѣроятію, они были сдѣланы изъ бронзы, можетъ быть, и изъ желѣза. Самые важиточные богатыри имѣли, по словамъ бывшіхъ, драгоценныя золотыя кольчуги (сорн'ї, ал'майде тѣт). Были еще кольчуги съ украшеніями: напр., съ многочисленными рожками (б'єт сбт н'еген тѣт)⁴⁾

¹⁾ И теперь у южныхъ Остяковъ считается рискованнымъ для женщинъ, и вообще для неподвижныхъ, смотрѣть на шайтанъ, чтѣде легко влечь за собой сѣнью.

²⁾ ...«Обаче знаменія воинскихъ дѣлъ: шабель, пищеворъ множествомъ обрѣтаются, по вен сїя вѣхан, а пищеворъ при кумирахъ, а оттуду явлеѧться, что древнихъ дѣлъ сїи увражишии воинскими дѣлъ» («Братк. опис. о народѣ остицк.» Гр. Новицкаго, стр. 41).

³⁾ Такоже: ар-мыг-хой тїт бттстай сбту тарым-нѣт-по тѣт—«божественное, душу спасающее одѣяніе съ прочими краемъ». Слова: «Ар-мыг-хой» составляютъ эпитет сына Турова (Шайрѣхтѣ) и означаютъ: «Мужъ многоземельный», т. е. много странствований. Въ какомъ смыслѣ здесь употреблено слово сбту, означающее вообще «посохъ», «коса»,—мѣрѣ неизвестно.

⁴⁾ Отсюда названія богатырей: «Н'ілек туї ковлан тѣт атта урт», «звенища кольчугу пъз блестящихъ колецъ посній богатырь»; «б'єт сбт н'еген тѣт атта урт» и друг.

и т. д. Носили ихъ въ военное время обыкновенно подъ дорогими одеждами и подъ мѣховою и, подобно гусю, надѣвали черезъ голову.

При прибытіи Русскихъ, кольчуга у Остяковъ новидимому не было, иначе историки сдѣлали бы намъ какія-либо у带给ія по этому поводу. Относительно причинъ ихъ исчезновенія можно сдѣлать слѣдующее предположеніе. Сѣверо-западная Сибирь (за исключеніемъ Урала) не производить другихъ металловъ, кромѣ желѣза, и жители этого края, судя по всему, никогда не были искусными кузнецами. Почти нѣть сомнѣнія, что остицкіе богатыри получали кольчуги извѣдь; откуда именно—неизвестно: съ запада, съ юга или съ востока. Извѣстно только, что не съ сѣвера, гдѣ и тогда обитали дикія орды Самоѣдовъ, стоявшихъ на еще болѣе низкой степени развитія, чѣмъ Остяки. Возможно, что Остяки получали кольчуги透过 посредство своихъ западныхъ сородичей, Богуловъ и Зырянъ, отъ Камскихъ Болгаръ¹⁾, которые вели обширную торговлю съ востокомъ и еще въ XII в. проживали на берегахъ Волги и Камы. Прекращеніе привоза этого товара въ страну Остяковъ могло зависѣть отъ какого-нибудь сильного переворота въ соѣдненіи государствъ, съ которымъ они вели торговлю, было-ли то нашествіе другого племени или какое-нибудь другое обстоятельство²⁾.

Что-же касается до того, куда дѣлись имѣвшіяся у прежнихъ князей кольчуги, то весьма возможно, что они посгѣдовали за ними въ могилу, ибо обычай Остяковъ зарывать вмѣстѣ съ покойникомъ его самыя необходимыя вещи. Въ самомъ дѣлѣ кольчуги иногда находить изъ землѣ вмѣстѣ съ kostями людей.

Такимъ образомъ врядъ-ли возможно отсутствіе кольчуги у Остяковъ при нашествіи Русскихъ объяснять тѣмъ, что она существовала только въ народной фантазіи. Кольчуги упоминаются въ каждомъ сказаніи и были у Остяковъ, Богуличей и Самоѣдовъ. Описаніе кольчугъ иногда столь живо, что эти народы дѣйствительно должны были быть знакомы съ нею. Такъ въ одной бывшій описывается ощущенія, испытываемыя богатыремъ при надѣваніи холодной кольчуги, и сравниваются съ ощущеніемъ человѣка, опро-

¹⁾ Кольчуги были известны Болгарамъ, см. свидѣтельство арабскаго писателя Х'іфа Ибнъ-Даста (стр. 24). Пр. Хвольсонъ замѣчаетъ: «я полагаю, что такіе кольчуги возвились изъ Болгаръ съ далекаго запада и оттуда, въ свою очередь, или на востокъ» («Изѣстія о Хазарахъ, Бургасахъ, Болгарахъ и т. д. Ибнъ-Даста». Перев. съ объясн. Д. А. Хвольсона, стр. 187—188).

²⁾ Тамъ-же сообщается о временномъ прекращеніи торговли приволжскихъ странъ съ востокомъ въ XII столѣтіи: «...во время нашествій Татаръ прекратилась торговля и изъ этихъ (т. е. приволжскихъ) странъ не приходили ни черныхъ лисицы, ни бѣлокъ, ни боровыхъ шкуръ и никакихъ другихъ товаровъ, которые обыкновенно были привозимы изъ этихъ странъ».

кипящего себѣ на голову три ковши холодной воды. Когда, надѣвши кольчугу, богатырь гордо ходить по землянкѣ, то маленькая дѣти въ испугѣ пятятся назадъ отъ ледяного холода¹⁾ желѣза. Все это весьма живо рисуетъ памъ настоящую кольчугу.

Изъ обоихъ названий меча—*атта-кѣг'е и нар*—послѣднее слово болѣе старое и употребляется исключительно въ былинѣ и сказаніяхъ, первое же и въ разговорномъ языке. То-же можно сказать и про названія болѣтуги та гар и тѣт. Послѣднее встрѣчается тоже лишь въ эпическихъ пѣсняхъ и то обыкновенно въ сложныхъ словахъ.

Мечъ былъ сдѣланъ изъ желѣза и имѣть, вѣроятно, деревянную ручку и такія-же или кожаныя ножны (сѣдыи). Размѣры его памъ неизвѣстны. Богатыри имѣли прекрасно владѣли и однімъ взмахомъ его разрубали человѣка на двѣ части. Старые мечи и шопынѣ сохранились кое-гдѣ въ глухихъ мѣстахъ Тобольской губерніи, главнымъ образомъ, въ амбарчикахъ, посвященныхъ богамъ, гдѣ въ исключительныхъ случаяхъ, по словамъ инородцевъ, попадаются и кольчуги. Но удостоиться увидѣть божество и его доспѣхи, въ виду недовѣрія жителей, весьма трудно.

Въ одномъ героическомъ разсказѣ описывается еще одна чудесная сабля. Она не терпѣла, чтобы ее обнажали, а разъ это случалось, она, помимо волн владѣльца, рубила направо и налево и убивала всѣхъ находившихся поблизу, не взирая на то, были-ли это свои или чужие, мужчины или женщины. Про эту саблю говорили, что она всегда «сочилась женской и мужской кровью» (ней вырат, хуй вырат оувѣт). Прозваніе ея было: *Тапар-йттай-пар—«ручила сабля Тиаракаго (князя)»*.

Находимъ почти въ каждомъ городѣ куски желѣзной кузнецкой окалины памъ показываютъ, что и въ тѣ отдаленія времена Остяки были отчасти знакомы съ ковкой желѣза и выдѣлкой металлическихъ вещей, какъ, напр., ножей и наконечниковъ для стрѣлъ. Часть этихъ предметовъ вирочемъ еще съ XI в. доставлялась въ область Оби и Иртыша изъ Европейской Россіи. Русскій лѣтописецъ и арабскій писатель единогласно сообщаютъ, что Югра (Остяки и Вогулы) вымѣнивали у своихъ южныхъ союзей (Русскихъ, Болгаръ) мѣха на желѣзные товары²⁾. Что касается мечей остяцкихъ богатырей, то

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что дѣло происходило зимой и въ жилищѣ, неспособномъ держать тепло.

²⁾ «Исторія Понѣ-Даста о Хозарахъ и т. д.» пр. Хвольсонъ, стр. 189: «Арабы знали, что Болгары вели на самомъ європѣ съ Югою иѣмую торговлю, причемъ они мнѣли мнѣхъ на острые желѣзные товары. Объ этомъ слышалъ частью и Несторъ».

Эта торговля, вѣроятно, продолжалась и въ болѣе позднѣе періоды и до самаго прихода Русскаго изъ Сибири. Желѣзъ держать инородцевъ въ покиновеніи, посыпѣніе, въ 1596 г., запретили кушамъ вродаѣть имъ желѣзное оружіе, топора и проч., что вызвало спѣшный

они, безъ сомнѣнія, чужеземнаго происхожденія. Врядъ-ли можно предположить, что прежніе Остяки были въ состояніи ихъ выдѣлывать. Вѣроятно, они тоже получали ихъ съ запада. Это подтверждается и словами арабскаго писателя Абу-Хамидъ эль-Андалуси о томъ, что болгарскіе купцы покупали въ исламскихъ странахъ простые, необдѣланные клинки мечей и возили ихъ въ страну сѣвернаго племени Юра, гдѣ на этотъ товаръ былъ хороший спросъ¹⁾.

Искусство выдѣлывать металлическія вещи пало въ Сѣверо-Западной Сибири еще до XVI ст. Русскіе уже не застали остяцкихъ кузнецовъ. Они, по словамъ одной мѣстной легенды, ушли на востокъ, въ Китай. Мало того, теперь на 1,000 верстъ отъ Иртыша и Конды, гдѣ находятся городки, называемые мѣстонахожденій желѣзной руды.

Лукъ состоялъ, какъ и теперь, изъ двухъ половинокъ разныхъ деревесныхъ породъ, склеенныхъ рыбьимъ kleemъ, перевязанныхъ ниткой и обмотанныхъ берестой. Нижняя половинка его дѣлается изъ «кремлевой» сосны, т. е. изъ той части боровой сосны, которая обращена къ солнцу и поэтому отличается особенной твердостью и плотностью, верхняя половинка изъ березы. Тетива дѣлается теперь изъ конопляной бичевы, обмотанной берестой; прежде, вѣроятно, приготовлялась изъ крапивной или изъ жилъ животныхъ. Въ одномъ тимѣ описывается лукъ божества Найрѣх'т'a, тетива которого состояла изъ 10 пучковъ пряжи, изъ коихъ 5 были крапивные и 5 изъ золотистаго шелка (сорна јермак).

Стрѣлы состояли изъ деревяннаго черенка и костяного или желѣзного наконечника. Для строганія черенковъ употребляли какой-то инструментъ валашамъ. Наконечники, безъ сомнѣнія, выдѣлывались у самихъ Остяковъ. Смотря по назначенію, стрѣлы были снабжены разными наконечниками: стрѣла съ тупымъ костянымъ или деревяннымъ концомъ въ видѣ пишки—вѣлы п'отъ, тамаr употреблялась и понынѣ употребляется для охоты на бѣлокъ. Стрѣлы съ желѣзнымъ двувидымъ наконечникомъ (лес) предназначались для крупныхъ зверей: медведей, лосей, оленей. Для птицъ и мелкаго зверя употреблялись такія-же, но болѣе мелкія, желѣзныя и костяные стрѣлы, а также одноконечные (п'ус). Военная стрѣла имѣла трехграниную форму и отличалась болѣе крупными размѣрами. Называлась она хахрай п'от пете урый п'от—«стрѣла, граненая на подобіе граней клюва щелкуны». Наконечникъ ея былъ изъ кости и изъ желѣза.

роютъ со стороны инородцевъ (Вогуличей), которымъ было трудно обходиться безъ этихъ необходимыхъ предметовъ. Самы-же они въ это время уже не умѣли отыскать руду и выдѣлывать изъ неї разныя вещи. Запрещеніе черезъ некоторое время было отмѣнено. Только въ 1628 году около р. Ници, въ Прбитекомъ округѣ, была устроена первая за Уральмъ плавильня.

¹⁾ А. Хвольсонъ. Тамъ-же, стр. 190.

Противоположный конец стрѣлы былъ снабженъ перьями, которые сидѣли на черенкѣ тремя продольными рядами. Для этой цѣли употреблялись исключительно перья отъ крыльевъ орла и филина, какъ совершенно прямые.

Кромѣ вышеизначеныхъ обыкновенныхъ луковъ, нѣкоторые богатыри имѣли еще болѣе искусственные, сдѣланные изъ лосиныхъ роговъ, причемъ отдельные части ихъ были скрѣплены винтами. Эти луки были весьма крупныхъ размѣровъ и могли складываться. Таковъ, напр., былъ лукъ Сатыжинскаго князя Китвортера, который, по преданію Лайдинскихъ Богуличей, вѣсилъ 12 пудовъ и былъ столь тугъ, что семеро простыхъ людей не въ силахъ были его натянуть.

Лукъ былъ главнымъ наступательнымъ и оборонительнымъ оружіемъ Остяковъ. Затѣмъ, какъ сказано, у нихъ были еще топоры, коняя и душики.

Топоры рѣдко употреблялись въ битвахъ. Они были скорѣе орудіемъ для домашнаго употребленія: для заготовленія дровъ, для постройки жилищъ и т. д., но также примѣнялись для разрушенія вражескихъ палисадовъ и во время охоты на звѣря. Изготавливались они изъ желѣза. У богатырей они были большихъ размѣровъ: величиной съ лопатку олена (хор панхада ено тајем) и носились за поясомъ.

По словамъ Остяковъ, у нихъ въ прежнее время были еще посохи-топоры (сеу-тајем), т. е. небольшіе топоры, насаженные на длинную палку. Употреблялись они въ дорогѣ, чтобы при случаѣ приготовить дрова для костра, а также для защиты, но не на войнѣ. Это какъ-бы зачатокъ алебарды.

Копья (сун, бїда) у прежнихъ Остяковъ, вѣроятно, рѣдко употреблялись на войнѣ, по крайней мѣрѣ, обѣ этомъ ингдѣ не упоминается, хотя, съ другой стороны, довольно многочисленныя находки ихъ въ предѣлахъ Тобольского округа, напр., около дер. Тропки (Сам. вол.), и доказываютъ, что они были знакомы прежнимъ обитателямъ края. Эти желѣзные наконечники имѣли отъ 3 до 5 верш. длины и состояли изъ острія и конической трубки, при помощи которой ихъ насаживали на заостренные колья. Нѣкоторые изъ этихъ наконечниковъ настолько невелики, что скорѣе напоминаютъ концы дротиковъ, чѣмъ копий. Главное назначеніе копий (рогатинъ) было прежде, какъ и теперь,— служить оружіемъ при охотѣ на медведя.

Употребленіе щитовъ было неизѣбѣнно прежнимъ Остякамъ.

Жилища. Главный типъ жилищъ прежнихъ Остяковъ были землянки. Они назывались просто «домомъ» (хѣт, хѣт). Теперь они вывелись въ Тобольскомъ округѣ и въ южной части Березовскаго и кое-гдѣ сохранились въ его сѣверной части да въ Сургутскомъ округѣ. Въ предѣлахъ Тобольского

округа такія землянки строятся только около нѣкоторыхъ водныхъ бассейновъ, гдѣ промышляютъ зимой. По сравненіи съ общеупотребительными въ настоящее время на югѣ деревянными домами (хѣт, хѣт) землянки называются теперь мыг-хѣт, т. е. «землянными домами».

Онѣ представляли изъ себя четырехугольную яму, куда иногда опускали небольшой деревянный срубъ, и имѣли крышу (тайет, торош) изъ жердей, крытыхъ дерномъ и землей¹⁾. Крыша была не сплошная, а имѣла сбоку или по серединѣ довольно большое отверстіе для выхода дыма и для света (хѣт хѣпнѣй выс.). Подобныя жилища въ прежнее время оконъ не имѣли. На ночь это отверстіе обыкновенно чѣмъ-нибудь закрывалось: клокомъ сѣна, пучкомъ тростника или шкурой. Съ одной изъ сторонъ землянки былъ устроенъ входъ, къ которому велъ рядъ ступенекъ или просто спускъ. Входъ былъ защищенъ небольшой досчатой дверью (хѣт-ой, хѣт-ау). Небольшая площадка передъ дверью, огороженная съ обѣихъ сторонъ жердями для защиты входа отъ вѣтра, вѣроятно, и называлась тѣбый—«сѣнями», о которыхъ неоднократно упоминается въ былинѣахъ. Трудно предположить, чтобы тѣбый изображалъ изъ себя осовую пристройку передъ входомъ, развѣ только у князей. Сѣни служили любимымъ мѣстомъ пребываніемъ охотничихъ собакъ.

Около жилищъ находились амбарчики (табас; кыма)²⁾ на высокихъ ножкахъ, гдѣ хранилась домашняя провизія и разныя вещи. Одинъ изъ нихъ обыкновенно предназначался для домашнаго божества и его досѣховъ.

Внутри землянокъ простѣйшаго устройства, каковы, напр., вышеупомянутыя рыболовныя избушки, все состоятъ изъ земли: полъ (хѣт-хѣр), скамьи (ват'-хѣр) и очагъ или чуваль (т'гол), который представляется изъ себя небольшую выемку въ земляной стѣнѣ, какъ разъ противъ отверстія крыши, такъ называемаго хѣт хѣпнѣй выс. Иногда мѣсто для разведенія огня бываетъ посреди комнаты и въ этомъ случаѣ отверстіе для выхода дыма находится въ ея центрѣ.

Въ болѣе усовершенствованныхъ землянкахъ, какими были жилища князей, а, можетъ быть, отчасти и простыхъ людей, скамьи, стѣны и полъ были изъ дерева, причемъ послѣдній имѣлъ даже эпитетъ «дощатый» (пусыи хѣт-хѣр). Чуваль въ подобныхъ землянкахъ, вѣроятно, тоже имѣлъ деревянный остовъ и былъ покрытъ толстымъ слоемъ глины, какъ это и нынѣ водится на сѣверѣ Сибири.

¹⁾ О подобномъ же устройствѣ жилищъ сообщаетъ и Миллеръ, при описании городка около с. Самарова: «...Внутри видны слѣды двухъ избы по двумъ ямамъ, надъ которыми тѣ избы до половины въ землю и до половины сверхъ земли изъ досокъ были сдѣланы и землею осипаны, какъ то въ старину у Остяковъ въ обыкновеніи было. Нынѣ такихъ юртъ у нихъ весьма мало осталось». («Ист. Сиб.», стр. 129).

²⁾ Возможно, что первое слово замѣтвовано отъ Русскихъ («лабазъ»), такъ какъ изъ сѣверо-остяцкаго нарѣчія оно произносится тлабас. Къ тому-же въ былинѣахъ оно, по видимому, не встрѣчается и замѣняется словомъ кыма.

Небольшой промежутокъ между чуваломъ и стѣной дома, называемый т’о голо-
лох, служилъ мѣстомъ для храненія и сушки дровъ.

Весь домъ обыкновенно состоялъ изъ одной комнаты, гдѣ и помышдалась
вся семья; взрослымъ дѣвицамъ отводили особый уголъ, гдѣ они сидѣли за за-
навѣсомъ.

Часть дома и комнаты, обращенная къ дорогѣ или улицѣ (х’орѣ), называ-
лась «лицевой» или «фасадомъ» (мут). По этой улицѣ были кое-гдѣ вбиты
столбы (аинкет, вои-аинкет) для привязыванія оленей, иногда изукрашенные
зарубками и изображеніемъ человѣческаго лица или животныхъ.

Подобные столбы еще отчасти сохранились въ некоторыхъ юртахъ
по Кондѣ, причемъ между ними встрѣчаются и довольно оригинальные, съ изобра-
женіемъ, напр., итицы, сидящей на крылѣ. Эта итица вѣроятно ничто иное,
какъ почитаемый ими лебедь. Кромѣ своего прямаго назначенія, эти столбы
имѣли еще какое-то символическое значеніе, ибо къ нимъ привязывали и теперь
привязываютъ жертвенныхъ животныхъ, предназначеныхъ для общественныхъ
жертвоприношеній.

Кромѣ частныхъ жилищъ, во многихъ поселеніяхъ имѣлись еще большия обще-
ственныя зданія для народныхъ собраний (т’ат’ тайта ене хот, мой тайта
ено хот)¹⁾. Состояли они изъ жердей и были вѣроятно конической формы.
Размѣры ихъ иногда были довольно значительны; такъ, изъ одной былинѣ раз-
сказывается о такомъ зданіи, состоявшемъ изъ 800 жердей (и т’о сут’ шуре
шурый хот). Иногда, впрочемъ, собрания происходили въ обширныхъ помѣ-
щеніяхъ князей.

ГЛАВА IV.

Внѣшній видъ и образъ жизни прежнихъ Остяковъ.

(Продолженіе).

Занятія Остяковъ: охота, рыболовство, оленеводство.—Знакомство ихъ съ рогатыми скотомъ,
овцами, лошадьми.—Собаки.—Пища Остяковъ: продукты охоты, оленеводства и рыбной
ловли.—Носуда.—Хлѣбъ.—Питье Остяковъ.

Занятія прежнихъ Остяковъ тоже состояли исключительно въ охотѣ,
рыбной ловлѣ и оленеводствѣ.

Охота производилась главнымъ образомъ при помощи лука и стрѣль; добыча состояла въ крупныхъ животныхъ, лѣвеной и водяной итицѣ. Остя-
камъ была вѣроятно известна и значительная часть нынѣшнихъ ловушекъ на
пушного зѣбра и итицу. Такъ, въ былинахъ встрѣчаются «едопы» (сѣсе),
«перевѣсь» для утокъ (васа пит’, катт) и др. Наше предположеніе находить
подтвержденіе и въ томъ, что большая часть этихъ ловушекъ, равно какъ и
рыболовныхъ снастей, имѣла до прихода Русскихъ и имѣть въ настоящее
время свои туземныя названія, чего бы очевидно не могло быть, если бы они
были заимствованы извѣзъ.

Главныя старанія Остяковъ конечно были направлены на то, чтобы
добыть оленей и лосей, доставлявшихъ имъ значительный запасъ пищи. За-
мѣтимъ, что прежде они встрѣчались въ большихъ количествахъ, чѣмъ теп-
ерь. Охота за лосемъ считалась занятіемъ благороднымъ и достойнымъ кня-
зей и даже ихъ божества, какъ Тунк-пох и Цайрахт’а, не гнушались испы-
тать при этомъ свою ловкость. Способы ся были тѣ же, что и въ настѣающее
время въ здѣшнихъ краяхъ, почему мы и не станемъ ихъ описывать.

Не менѣе важнымъ средствомъ для прониканія служило имъ рыболов-
ство. Изъ способовъ его, которые имѣли знакомы, въ былинахъ упоми-
нается ловль при помощи прутяныхъ «мордъ» (пуй), сѣтей изъ крапивной
пряжи (ходын, соjen), жердяныхъ запоровъ (вар). Вѣроятно они знали и
другія ловушки.

¹⁾ Т. е. «большой домъ для сбора воиновъ и сватовъ».

Остаки умѣли добывать рыбу не только въ озерахъ и рѣчкахъ, но и морскую рыбу въ крупныхъ рѣкахъ, Иртышѣ и Оби, гдѣ ловъ требуетъ большаго искусства и болѣе крупныхъ снастей. Такъ, въ былинѣ первѣко поминается осетръ, «струна» котораго употреблялась богатырями на «рыбѣ клей» (а јем), напр. для скленівания обѣихъ половинокъ лука, для покрытія струнъ «домры» и т. д. и мясо и жиръ котораго составляли ихъ любимое лакомство. Упоминаются въ нихъ и нельма, наимѣнъ и стерлядь, которые также являются обитателями названныхъ двухъ потоковъ, не говоря уже объ озерной и рѣчной рыбѣ, какъ чебакъ, окунѣй, ершѣй, щукѣй, которая составляла и составляеть обыкновенную пищу Остяковъ всѣхъ временъ и мѣстностей.

Здѣсь мѣсто сказать иѣсколько словъ о лодкахъ, безъ которыхъ въ этой сѣверной странѣ немыслимо никакое сообщеніе въ лѣтнее время. Они одинаково необходимы для охоты и рыболовства, въ мирное и военное время. Лодки (хоп, рѣт) тогда употреблялись исключительно долблеными и поэтому толстая осина, а также другія деревья, годныя для этой цѣли, назывались хоп-жух, рѣт-жух (жух-дерево). Крупные лодки для плаванія по большиимъ рѣкамъ назывались рѣт (у Бог. рѣт), терминъ, который еще не пылѣ съхранился по р. Салыму. Эпитетомъ остяцкой лодки было выраженіе јист-пупе иѣгат рѣт—«грузная лодка съ водянымъ задомъ», Самоѣдской также и јагарей-шуй рѣт—«лодка съ раздвоенной кормой», такъ какъ лодки Самоѣдовъ имѣли корму иѣсколько другого устройства. Оно, по словамъ Остяковъ, еще и теперь сохранилось отчасти у этихъ обитателей крайняго сѣвера.

Лодки иѣкоторыхъ богатырей, предназначенные для войны, были украшены изображеніями авѣрей и птицъ (тегет-вѣре ханг'еп рѣт).

Имѣлись также и «крытыя» лодки (хорей рѣт), причемъ на крышу употреблялась береста, какъ это мѣстами ведется и теперь. Изъ мѣстныхъ преданій мы узнаемъ, что кроме деревянныхъ лодокъ въ данной мѣстности были въ ходу и берестяныя. Ихъ напр. употребляли Самоѣды во время своихъ походовъ вглубь остяцкой страны. Черезъ полока ихъ легко перетаскивали на себѣ. Иѣкоторые дѣлаютъ еще предположеніе, что у Самоѣдовъ прежде были и лодки изъ кожъ¹⁾.

Большой интересъ для насъ представляетъ оленеводство. Оно теперь значительно слабѣѣ развито, чѣмъ прежде. Во времена, описываемыя былинами, область оленеводства простидалось гораздо далѣе къ югу, чѣмъ теперь. Ихъ изъ нижней части Оби олени держать не можутъ Березова, а прежде они разводились не только по всей средней Оби, но и въ нижнемъ

течениіи Иртыша, почти до р. Демьянки т. с. всего 250 верстъ къ сѣверу отъ Тобольска, а можетъ быть и южнѣе. Олени въ то время были въ описываемой мѣстности единственными домашними животными. Они доставляли Остякамъ мясо и сало для пищи и шкуры на одежду и служили въ качествѣ перевозочныхъ животныхъ. Безъ нихъ не обходилось ни одно жертвоприношеніе и ни одинъ ширь. Ни одинъ зимний походъ не могъ состояться безъ нихъ: благодаря имъ легкости, всюду, гдѣ лежали снѣги, для Остяка была открыта дорога.

Для упряжи употреблялись повидимому только оленные быки (хор). Это соблюдается и теперь на сѣверѣ. Санки (богот) были легкой постройки и прикрывались къ животнымъ при помощи ремней. Болѣе зажиточныя князья прикрывали себѣ приездъ на санкахъ пестрымъ одѣяломъ или ковромъ (тїнланк, ханд'ен пар).

Безъѣдное существование Остяковъ было связано съ обладаніемъ этимъ животнымъ. Размѣры оленеводства въ тѣ времена намъ не известны, но, судя по всему, ихъ держали въ достаточномъ количествѣ, а у князей были даже значительныя стада. Изъ нихъ они обыкновенно отпускали животныхъ для общественныхъ жертвоприношеній.

Рогатый скотъ лишь въ послѣдствіи сдѣжался изъѣстенъ Остякамъ, отчего и не имѣть туземныхъ названий, а именуются запомѣтѣвшими изъ татарскаго: корова—сага р., быкъ—үгес¹). Въ моихъ былинѣ и героическихъ сказаніяхъ о немъ, какъ и объ овцѣ (бш), совершенно не упоминается. Впрочемъ, эти животныя, какъ болѣе южныя и требующія помѣщений и заготовки сѣна на зиму, не могли для бѣзничного Остяка замѣнить оленей: послѣдніе доставляли имъ пищу и одежду и не требовали никакого ухода.

Лошадь (тау) была изъѣстна Остякамъ въроятно раньше, чѣмъ коровы и овцы, и иногда упоминается въ былинѣ. Она однако, повидимому, не была домашнимъ животнымъ Остяка уже по той причинѣ, что въ здѣшней болотистой мѣстности, изрѣзанной рѣчками и озерами и на добрую половину покрытой лѣсомъ, лѣтомъ не можетъ производиться сообщеніе на коняхъ, а зимой, въ виду глубины снѣговъ и отсутствія дорогъ, только съ трудомъ. Къ тому же они также требуютъ изѣстнаго ухода. Впрочемъ въ одной былинѣ разсказывается, что трое князей изъ города Караг-поспат-урдат-вои отправились въ походъ на полуденную сторону и привезли оттуда по «славному крылоногому животному» (тохтей-курие јем вѣре) и по красавицѣ полуденной страны. Даѣтъ описывается, какъ они пустились на этихъ крылоногихъ животныхъ настигать

¹⁾ Замѣтимъ къ слову, что тѣ и другія еще и понанѣ въ употреблении у обитателей сѣвера Америки: первыи — у Индѣйцевъ Аляски и Британскихъ колоний, вторыи — у Фекимосовъ.

¹⁾ Есть еще другія названія: міс —корона; вѣр-міс —быкъ, которая сродна съ алтайск. мусъ (слов. Турецк.—тат. нар. Л. Будагова).

Эмдерскихъ богатырей, догнали ихъ и изрубили. Здѣсь „крылоногія животныхъ подудишии страны“ безъ сомній — кони.

Въ другой былинѣ изъ области р. Демьянки встрѣчается даже „крылатый конь“ (сюнтій тау), который поднималъ веадника подъ облака. Однако эта послѣдняя былина посѣть не сколько иной характеръ и поэтому кое-что въ ней могло быть заимствовано у соѣднихъ кочевыхъ племенъ.

Употреблялись кони въ тѣ времена вѣроятно главнымъ образомъ для жертвоприношений. Обычай этотъ, судя по Гр. Новицкому, заимствованъ ими у соѣднихъ Татаръ и поэтому сообладался вѣроятно только въ южныхъ мѣстностяхъ; сохранился онъ между Остяками и по настоящее время.

Другимъ доминантнмъ животнымъ прежняго Остяка, кромѣ олені, была собака (ами, лойа); ее держали ради охоты и отчасти въ качествѣ перевозочного животнаго. Судя по одному героическому разсказу, видно, что у Самоѣдовъ собака служила и жертвеннымъ животнымъ, что миѳ подтвердили и некоторые старые Остяки¹⁾. Напр. голова Самоѣда Сос Турума, избѣгнувъ меча остяцкаго богатыря, говоритъ послѣднему между прочимъ: „что же касается меня, то пусть многочисленные мужи самоѣдской земли принесутъ сюда предназначенные миѳ чаши и туяси, пусть приведутъ въ качествѣ жертвъ хвостатыхъ и шерстистыхъ собакъ“.

Пища Остяковъ состояла изъ продуктовъ оленеводства, рыболовства и охоты. Мясо повидимому не всегда употреблялось Остяками въ сыромъ видѣ въ противоположность Самоѣдамъ, за это и получившимъ отъ Остяковъ прозвище: „ара иора тѣда хбр ярацет“ — „Сыре мясо Ѣдиціе оленины Самоѣды“²⁾). Его чаще варили въ большихъ котлахъ (саран, иут). Послѣднюю вѣрою были изъ мѣди. Въ былинахъ упоминаются котлы съ желѣзной ручкой (карт-нурис и урый путь³⁾) и большие котлы съ 7 ушками (табет пыдеп саран)⁴⁾). Рыба же употреблялась въ сыромъ, сушеномъ и вареномъ видѣ. Оленине и лосиное сало и осетровый жиръ считались большими лакомствами и подавались гостямъ. Помѣщалось то и другое въ берестяныхъ корзинахъ, дубонахъ, тусяхъ, какъ и сухая рыба и жидкости. Эти берестяныя корзины были разныхъ фасоновъ и величинъ (куч, кучум, сойен, хайнт,

¹⁾ То же самое мы встрѣчаемъ у племени Чукчей «Намодло».

²⁾ Интересно, что подобное же прозвище было дано обитателямъ крайнаго сѣвера Америки, Эскимосамъ, ихъ болѣе южными соѣдними, Ирлѣцами. Имено, слово «эскимось» произошло изъ слова индійского племени Алгонкиновъ «эскимаитенсъ», что значитъ «Ѳдиціе сырое мясо».

³⁾ Въ 1888 году, въ окрестность мою изъ Самаровской пол., въ д. Торонкахъ, миѳ удалось извлечь изъ древней могилы средней величины котелокъ изъ красной листовой мѣди и съ желѣзной ручкой. Возможно, что онъ русскаго происхожденія.

⁴⁾ Слово саран значить также «зырянинъ», что свидѣтъ на мясе, что Остяки получали котлы при посредствѣ этого народа.

јійт, кіт¹). Употреблялась также и глиняная посуда, которая въ былинахъ имѣется просто словомъ аиа — чашка, тарелка, блюдо²). Щли почти всякою пищу руками, за исключениемъ жидкой; для нея предназначались большія и малыя деревянныя ложки (тыі, п'а л'а), которыя выдѣлывались при помощи инструмента кайрас. Рыбий жиръ обыкновенно не щли ложками, а въ него мокали куски рыбы. Въ видѣ лакомства щли также и разнаго рода ягоды, изобилыя въ ихъ странѣ: бруслику, чернику, морошку, черемуху, ягоды шиповника и боярышника и т. под., ихъ запасали также на зиму.

Слово тант, часто употребляемое въ остяцкомъ языке, можетъ насть ввести въ заблужденіе относительно знакомства Остяковъ съ продуктами земледѣлія, такъ какъ въ настоящее время тант означаетъ всякий хлѣбъ въ зернѣ, главнымъ образомъ рожь, ват'-тант — ячмень. Въ этомъ же смыслѣ употреблено оно въ эпитетѣ Иртыша: Таитый Тайат иува ѡник — «хлѣбъ родный Иртышъ, бѣлая (мутная) вода». Прежде же это слово, повидимому, имѣло болѣе широкое значение и примѣнялось для разнаго рода пищи, преимущественно для наиболѣе употребительной — рыбы. Выраженія сормы тант, тѣбы и тант²), часто встречающіяся въ былинахъ и сказаніяхъ и означающія вѣроятно «сухое и мягкое жито», могутъ поэтому означать и сухую и мягкую (свѣжую) рыбу, какъ и полагалъ одинъ изъ инородцевъ, мой учитель остяцкаго языка.

Слѣдующія сложныя слова: вата-тант — «олений мохъ» и тада-тант — «голодъ» тоже могутъ быть легко объяснены при этой гипотезѣ. Первое выраженіе состоитъ изъ словъ вата — «олень» и тант — пища. Тада-тант изъ тада — «пустой», «отсутствующій» и того же слова тант.

Но съ другой стороны есть и иная, болѣе существенная, указанія на то, что Остякамъ отчасти было знакомо жито — это постоянно упоминаемое въ былинахъ «чаши и берестяные туяси съ пѣниющимся отверстиемъ» (и'а урый ойы и аиа, п'а урый ойы и ѡйт), подъ которыми можно подразумѣвать только сосуды, наполненные остяцкой брагой. Въ настоящее время она приготавливается изъ ячменной или ржаной муки съ примѣсью хмѣля или растенія арагене и носить название цусса. Возможно, что то же было и въ прежнее время, если не предположимъ, что они имѣли другое суррогаты для си приготовленія, напр. березовый сокъ, который однако въ настоящее время запрещенъ не имѣть.

¹⁾ Въ городкахъ въ изобиліи находятъ черешки отъ глиняной посуды, изукрашенной различными узорами и рисунками.

²⁾ Сормы — мергтий, сухой; тѣбы — можетъ быть есть синонимъ слова тѣбет — мягкий. Это слово мало понятно нынѣшнимъ Кондинскимъ Остякамъ, такъ какъ вѣроятно оно — арханизмъ.

Если Остяки были знакомы съ хлѣбомъ, то можно допустить, что они получали его¹⁾ отъ болѣе южныхъ племенъ, жившихъ напр. около Тобольска, гдѣ дѣйствительно при раскопкахъ²⁾ находили въ землѣ остатки земледѣльческихъ орудій и приборовъ, служившихъ для дробленія зерна. Въ виду того, что эти предметы повидимому татарскаго происхожденія, возможно, что Остяки получали хлѣбъ отъ татаръ и что понятіе о брагѣ было внесено въ былины уже въ послѣдствіи, когда земледѣліе, при ихъ владычествѣ, сдѣлало значительные успѣхи въ Тобольской губерніи. Именно, изъ исторіи мы знаемъ, что и сѣверные Татары, жившіе о бокъ съ Остяками, съяли отчасти хлѣбъ; такъ атаманъ Брязга, предпринявъ въ 1581 г. походъ въ страну Остяковъ, уже въ Аремянской волости, т. е. въ 50 верстахъ къ сѣверу отъ Тобольска, засталъ хлѣбопашество.

Что же касается до нынѣшняго слова «пусса, пуса», то оно татарскаго происхожденія и въ былинахъ не употребляется. Примѣнилась брага при жертвоприношеніяхъ и пилась на слѣдовавшихъ за шими церахъ. Въ другихъ разсказахъ и преимущественно въ сказкахъ она имечется словомъ са-рѣпка. Въ сказкахъ же встрѣчается еще другой паникотъ маг-жіик — «медь» или вѣрнѣе «медовая вода». Водились ли иначе въ прежнее время въ Тобольскомъ округѣ, не известно, вѣроятно, потому что иначе ониъ водились бы и теперь. Скорѣе предположить, что Остяки получали медь отъ Зирянъ, въ странѣ которыхъ водятся ичены и которые въ прежнее время играли до известной степени роль цивилизаторовъ С.-Зап. Азии. Это предположеніе подтверждается и сходствомъ названий слова «медь» на обоихъ языкахъ (по зир: ма).

Слѣдуетъ упомянуть еще объ одиомъ наинтѣ, который прежде былъ въ ходу среди финского населения тобольского округа и который отчасти и нынѣ еще употребляется въ глухихъ углахъ сѣверо-западной Сибири — это, поваръ изъ березового нароста: уш-жіик. Оно же имѣло значение и въ народной медицинѣ.

Слово «водка» (віна, пыгде-жіик), встречающееся въ одной былии, есть ничто иное, какъ рѣзкий анахронизмъ, и дальнѣйшаго разъясненія не требуетъ. Она вошла во всеобщее употребленіе у Остяковъ лишь въ XVIII столѣтіи, такъ какъ еще Гр. Новицкій, живший въ началѣ прошлаго столѣтія, сообщаетъ, что вода есть единственное питье Остяковъ. Не упоминаетъ онъ ничего и о брагѣ, безъ которой и въ настоящее время не обходится ни одно жертвоприношеніе.

¹⁾ Возможно, что Остяки впервые познакомились съ хлѣбомъ отъ Зирянъ, такъ какъ у нихъ общее слово для выражения понятія «хлѣбъ» — п'а и; тоже у Вогулковъ. Оно срединъ съ пер. и п. п.

²⁾ Здѣсь имѣются въ виду раскопки, производившіеся на мѣстѣ бывшаго городка Искера (Сибири) любителемъ археологомъ Знаменскимъ.

Роль водки въ прежнее времѧ, какъ отчасти и теперь на глубокомъ сѣверѣ, игралъ мухоморъ (иа-и), который, съѣденный въ достаточномъ количествѣ (отъ 7 до 21, и даже болѣе, штука), производитъ временное возбужденіе и вызываетъ сильныя галлюцинаціи. Вдѣять мухоморы обыкновенно въ сухомъ видѣ, заливая ихъ водой, или предварительно намазавъ ихъ масломъ или жиромъ.

ГЛАВА V.

Князья — военное сословіе.

Начало княжеской власти принадлежитъ весьма отдаленному времени. — Богатство князей. — Отношенія простыхъ людей къ князю. — Отношенія князей между собой. — Совѣтское правленіе нѣсколькихъ князей. — Дробленіе княжествъ и слияніе нѣсколькихъ въ одно. — Образъ правленія. — Народныя собраія и иши. — Князь — военная каstra. — Воинскія упражненія. — Ристалища. — Доказательства силы и отваги князей. — Плачъ князей. — Рогъ — символъ радости. — Другія качества, характеризующія князя-богатыря: соблюденіе взятыхъ, благородство въ манерахъ, жестокость и великодушіе къ врагамъ. — Брошившая месть. — Умственное преисходство богатырей надъ простыми людьми. — Способность ихъ принимать образъ животныхъ. — Общечеловѣческія чувства.

Относительно происхожденія князей мы ничего не можемъ сказать. Возможно, что они были выбраны главами рода, благодаря своимъ особымъ доблестямъ и силѣ. Случилое это вѣроятно въ эпохи, предшествовавшія той, въ которую слагались былины, такъ какъ въ нихъ мы во всякомъ владѣніи застаемъ не только главу-князя, но и цѣлую родовую аристократію изъ лицъ княжеской фамиліи. Въ описываемый періодъ княжеское достоинство было наследственное и не доступно для простыхъ людей.

Своимъ богатствомъ оставляли князья значительно превосходили своихъ подданныхъ. Оно выражалось не только въ болѣе дорогихъ одеждахъ и доспѣхахъ, но и во всей ихъ домашней обстановкѣ. Ихъ помѣщенія были хотя того же типа, но нѣсколько больши и лучше устроены: судя по былинамъ, поль у нихъ былъ изъ деревянныхъ половицъ, соединенныхъ между собою желѣзными и жестяными скобами. Они имѣли особыя помѣщенія, гдѣ у нихъ хранились разныя цѣнныя вещи (вагат ўдем, ташат ѻдем тага)¹⁾ пушной товаръ, сукно, шелкъ, металлы, оружіе²⁾ и т. д.

¹⁾ Буквально: «иѣсто, гдѣ находился металъ и товаръ».

²⁾ Напр. историкъ Мюллеръ (стр. 201) приводитъ слѣдующій перечень имущества, пограбленного въ 1594 г. Русскими и Остяками у князьца Кондинскихъ Вогулыевъ: «2 вѣничка серебряныхъ, 426 соболей, 13 чернобурыхъ и бурыхъ и красныхъ лисицъ, 61 бобръ, 1000 белки, замѣса дорожицена, а опущенія камчишкою двоенішною и т. д.»

Амбары (къма, кама) ихъ домашнихъ боговъ были переполнены соболиными и другими дорогими мѣхами. Они обладали многочисленными стадами оленей. Наконецъ они имѣли возможность содержать иѣсколько женъ, напр. про богатыря Сонгхуша въ былинѣ говорится: „съ семи концѣвъ сѣта онь взялъ въ жены семь дѣвицъ“¹⁾, что посомѣнило указываетъ на значительное довольство. Этотъ обычай и теперь еще отчасти сохранился на языческомъ сѣверѣ Тобольской губерніи, гдѣ болѣе зажиточныхъ Остяки и Самоѣды имѣютъ по 2 и по 3 жены. Но все же разница въ образѣ жизни князя и простаго народа у Остяковъ не походила на различія между властителями и подданными болѣе цивилизованныхъ народовъ востока.

Какъ и простой народъ, князья ходили на охоту и рыбную ловлю, хотя занимались этимъ болѣе для своего удовольствія, чѣмъ по необходимости. Всѣ они имѣли известное число слугъ и служанокъ, вѣроятно рабовъ, на обязанности которыхъ лежали не только всѣ домашнія работы, но и снабженіе ихъ пищею и обереганіе ихъ стадъ оленей и т. д. Кромѣ того о нуждахъ ихъ заботился и простой народъ, который ихъ чуть не богоизбралъ.

Почти однаковыемъ съ ними почетомъ пользовалось все княжеское сословіе, не взирая на ступени родства. Такоже и отношения лицъ княжеской семьи между собой не оставляли желать ничего лучшаго и были основаны на патріахальныхъ началахъ или на подчиненіи младшихъ старшимъ. Самые старшіе въ роду считались главами народа (у х.), независимо отъ числа ихъ. Поэтому мы нерѣдко встречаемъ въ остицкихъ городкахъ 2 и 3-хъ князьковъ одновременно. Въ виду такой сравнительно равноправности лицъ княжескаго достоинства, мы по находимъ въ остицкомъ герояческомъ эпосѣ какихъ-либо указаний на сильныя столкновенія сыновей князя между собой или съ другими родственниками изъ за власти; напротивъ, въ одной былинѣ мы встрѣчаемъ въ городѣ двухъ правящихъ князей—братьевъ, въ другой тоже двухъ: дядю и племянника. Во всѣхъ случаяхъ, когда народъ начинай говорить, онь обращался со своей рѣчью ко всѣмъ имъ, считая ихъ такимъ образомъ равноправными главами, и не только къ лицамъ мужскаго пола, но и къ лицамъ женскаго пола. Къ послѣднимъ, впрочемъ, только для формы, чтобы увеличить красоту стиля, что, какъ мы видѣли выше, отчасти достигается повтореніемъ одноозвучныхъ или близкихъ по смыслу словъ. Женщины же ни во внутреннихъ, ни во вѣнчанихъ дѣлахъ княжества активнаго участія не принимали.

Сами же князья часто уступаютъ первенство старѣшему изъ своей среды, называя его «главой города» (воч-у х.), но только въ виду его возраста и предполагаемой большей опытности. Если же происходило какое-нибудь недо-

¹⁾ См. выше III, стр. 94.

разумѣніе между ними, то они дѣйствовали, какъ лица равноправныя. Иногда случалось, что они дѣлили все владѣніе и всѣхъ подданныхъ на два особыхъ маденъкихъ, независимыхъ другъ отъ друга, княжества. Такимъ образомъ въ одной изъ былинъ, гдѣ правилъ городомъ дядя и племянникъ, они, повздоривъ, раздѣлили свой городъ на двѣ части и привели это въ исполненіе. При этомъ они раздѣлили поровну и людей.

Подобное дробленіе владѣнія могло быть тѣмъ легче произведено, что въ городкахъ, гдѣ имѣлось двое и болѣе князьковъ, каждый изъ нихъ навѣдывалъ управляемую извѣстною областю его и былъ начальникомъ надъ извѣдѣнѣемъ числомъ воиновъ, даже въ томъ случаѣ, если они жили въ одномъ городѣ. Такимъ образомъ въ одномъ сказаніи, при описаніи вербовки воиновъ, говорится: «младший мужъ веталь, взялъ полѣю изъ за чувала (очага), срѣзаль на пемъ три грани и зарубилъ 150 мужей со своей области, и старшій мужъ взялъ полѣю изъ за чувала, срѣзаль на пемъ три грани и зарубилъ 150 мужей со своей стороны»¹⁾. Въ дальнѣйшемъ изложеніи каждый изъ братьевъ является начальникомъ надъ своимъ отрядомъ, хотя только старшій изъ нихъ имѣеть званіе «главнокомандующаго войсками» (тат'-у х.). Аналогичный примѣръ мы встрѣчаемъ въ исторіи: въ Демьянской волости, при завоеваніи ея Русскими, считалось два городка и имѣлось двое князей: Нимишъ и другой, котораго историкъ называетъ христіанскимъ именемъ Романомъ.

Иногда, на оборотъ, одинъ какой-нибудь князекъ являлся главой двухъ и болѣе городковъ, причемъ въ послѣдніхъ въ этомъ случаѣ уже не было своихъ начальниковъ. Возможно, что каждый изъ этихъ городковъ прежде составлялъ отдельную небольшую волость—въ исторіи нерѣдко упоминаются крошечныя волости въ 3—5—10 платежныхъ душъ или около 12—20—40 душъ обоего пола—и что въ послѣдствіи нѣкоторыя изъ нихъ соединились по 2—3 вмѣстѣ ради самозащиты. Такимъ образомъ Кодскій князекъ Лугой правилъ 6-ю городками²⁾. Другой влиятельный князекъ, Самаръ, господствовалъ надъ иноземцами Пртыша и надъ смежной частью Оби. Еще болѣе, въ отдельныхъ случаяхъ, усилилась власть князей при русскомъ владычествѣ, когда нѣкоторые изъ нихъ, напр. Алачевъ, были поставлены правителями надъ многими волостями, но за то весьма многие другіе были при этомъ сравнены съ простыми людьми.

¹⁾ Здѣсь пдѣть рѣчь о Цингалинской волости, расположенной по обеимъ берегамъ Пртыши, въвиду чего весьмаѣроятно, что каждый изъ князей управлялъ однимъ берегомъ. Это подтверждается и преданіемъ, которое сохранилось у Цингалинскихъ Остяковъ о 2-хъ князьяхъ, братьяхъ Санхаке, которые жили на высотахъ обоихъ береговъ Пртыши и, имѣя всего одинъ топоръ, перекидывали его въ случаѣ надобности другъ другу черезъ реку.

²⁾ Куноватъ, Ильчма, Ляпинъ, Муткоѣ, Гууль и Берозовъ (Милл. Ibid. стр. 159).

Верховныхъ властителей вадъ болѣе или менѣе крупными областями, подъ властью которыхъ группировались бы вышеупомянутые мелкие князьки, въ описываемый периодъ въ даниомъ царѣ не существовало, по говоря уже о царяхъ, понятіи, повидимому, чуждомъ Остякамъ того времени и вошедшемъ въ ихъ языкъ лишь въ послѣдствіи, при ихъ столкновеніяхъ съ Татарами. Въ виду этого слово «царь»—хон, есть ничто иное, какъ видоизмѣненіе татарского слова «ханъ».

И такъ мы видимъ крайнюю децентрализацію власти у остяцкаго народа, если его разсматривать какъ одно цѣлое. Стремленіе къ национальному единству никогда не проявлялось не только у всего остяцкаго народа и у отдельныхъ его племенъ, но, какъ мы видѣли, даже у составлявшихъ племена родовъ.

Образъ правлениія въ мелкихъ остяцкихъ княжествахъ имѣлъ искогорое отдаленіе сходство съ монархическимъ деспотическимъ. Всѣ дѣла вѣроятно рѣшали сами князья; при наибѣльѣ важныхъ дѣлахъ, они однако созывали народное собраніе, на которое, хотя и собирались все населеніе города и селеній, однако правомъ голоса пользовались только старѣйшие въ родѣ, къ какому-бы званію они ни принадлежали. Съ ипми князья только и совѣщались.

Всякое народное собраніе начиналось жертвоприношеніями богамъ и обищими иремъ, на который созывался народъ однимъ изъ рабовъ князя. На ссыпавшись пыщей, старики открывали собраніе, обратившись съ рѣчью къ князьямъ и проси ихъ выяснить причину настоящаго собрания и пира. Или, такъ какъ такой причиной была почти исключительно задуманная война, то старики первѣко прямо ихъ спрашивали, въ какую сторону будетъ направленъ походъ и, узнавъ куда, разсуждали, сколько шансовъ имѣть за себя данное предпріятіе и стоитъ ли его его вообще начинать. Князья, выслушавъ совѣты стариковъ, все-таки обыкновенно рѣшали дѣло по своему, въ виду чего собранія продолжались подолго и оканчивались вербовкой воиновъ для похода.

Для большей наглядности приведемъ образецъ такого совѣтія князей со стариками: „Клятвии нашего города и князя нашего города! начипаютъ они, на какой край земли сосредоточили вы ваше вниманіе, рѣчи вашей начало, слова вашего начало, вы памъ откроите, въ какой край земли вы желаете направить воиновъ¹⁾ со стрижеными головами, сватовъ со стрижеными головами? Младший мужъ (князь) отвѣчалъ: «Мы спаряжаемся въ городъ Кроваваго богатыря, старика Нангхуша, ради младшей дочери Нангхуша, дѣвицы». Многочисленные сѣдоголовые старцы сказали: «Въ городъ Кроваваго богатыря старого Нангхуна, отправлялось много мужей. Какъ они опрокинули свои грузные лодки съ водяной кормой, въ которыхъ сидѣли, на вилковатые сучья,

подобные ногамъ журавлей, такъ онѣ и поросли оленымъ мохомъ высотой въ пядь». Младший братъ сказалъ: «Мы же, сыновья Іаветта-кѣтие ху і Тиарской женщины, (все таки) отираемся въ городъ Кроваваго богатыря, старого Нангхуна. Если мы и опрокинемъ нашу глубокосидящую лодку съ водяной кормой, въ которой мы щали, на вилковатые сучья, подобные журавлинымъ ногамъ, то какъ это приведется, чтобы она поросла оленымъ мохомъ высотой въ четверть!»²⁾. Послѣ этихъ словъ богатыри считаютъ походъ уже решеннымъ и приступаютъ къ вербовкѣ воиновъ.

Прибавимъ здѣсь еще, что народныя собрания совершались въ особыхъ крупныхъ общественныхъ зданіяхъ (см. выше), сооруженныхъ для этой цѣли. Несмотря на свои сравнительно значительные размѣры, они во время пріестѣль наполнялись биткомъ или, какъ говорится въ бѣлини, народъ набивался въ нихъ въ такихъ массахъ, «какъ окунь и плотва въ морды».

Князья представляли изъ себя своего рода военную каству, на обязанности которой лежало охранять страну отъ вѣнчихъ враговъ. Они участвовали въ войнахъ не только въ качествѣ полководцевъ, но, благодаря своимъ военнымъ качествамъ, они, не взирая на свою сравнительную малочисленность, имѣли рѣшительное значеніе въ столкновеніяхъ съ врагами. И въ связи съ этимъ все воспитаніе ихъ состояло въ томъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ закаленныхъ бойцовъ. Предоставивъ домашнія дѣла женщинамъ и служамъ, они значительную часть своего времени посвящали физическому упражненію, развивающимъ силу и ловкость. Ихъ любимымъ занятіемъ была охота, преимущественно за крупными звѣрьми, лосемъ и олесемъ. При этомъ они упражняли силу своихъ ногъ бѣгомъ на лыжахъ и руку въ натягиваніи тугаго лука.

Если время не благопріятствовало охотѣ, они устраивали состязанія и военные игры на особыхъ чистыхъ площадкахъ около города, на такъ называемыхъ јантта-хар, јакта-хар, что въ переводѣ значитъ: «площадь для игръ» и «площадь для пляски». Въ сказкахъ народная фантазія рисуетъ подобныя ристалища богатыръ князей изъ мыди и серебра. На эти игрища сходились конечно только князья-богатыри, простой же народъ, которому не пріличествовало вступать въ поединки со знатью, только созерцать поѣхѣи своихъ князей. Иногда кромѣ своихъ князей въ происходившихъ тутъ состязаніяхъ принимали участіе и сосѣдніе, даже чужеземные, богатыри, приведеніе сюда ради приобрѣтенія жены или изъ простаго желанія помѣряться силою съ тѣмъ или другимъ славнымъ богатыремъ.

Эти игры состояли въ стрѣльбѣ въ цѣль, въ прыганіи черезъ натянутые между двумя столбами ремни, въ борьбѣ, въ бѣгѣ въ перегонку на лыжахъ, въ метаніи другъ въ друга каменныхъ глыбъ при помощи ноги и въ тому подобныхъ упражненіяхъ.

¹⁾ Экстерь воиновъ и сватовъ сарын мѣръ непонятенъ, почему и выущенъ.

Отсутствие тяжелого труда, обильная пища и физических упражнений сдѣлали изъ кижицъ людей гораздо больше приспособленныхъ къ войнѣ, чѣмъ были прочие Остяки. Своимъ ростомъ и своей силой они ихъ значительно превосходили. Когда богатырь шелъ, земля дрожала; когда онъ ступалъ на подошвы ногъ, онъ гнулся подобно кружку изъ тонкаго прута и, прибавлять остицкій бардъ, «не укрѣни ихъ хорошии плотники во время постройки при помощи жеѣзинъ и жестяныхъ скобокъ, не выдержали бы онъ». Попадая стрѣлой въ толстые кедры, богатырь ихъ пробивалъ паскваль; опять перепрыгивалъ черезъ ремни, пачинутые на высотѣ нѣсколькоихъ саженъ. Онъ безъ труда могъ засунуть цѣлое вѣсло въ твердую землю. Когда онъ требетъ, то одинъ взмахомъ вѣса проѣзжаетъ три поворота рѣки и оставляетъ позади себя такіе вали, что ими выбираются на поверхность воды всѣ пельмы и осетры, находившіеся на днѣ.

Про легкость ногъ иѣкоторыхъ богатырей мы узнаемъ слѣдующее: въ одномъ сказаніи передается, что богатырь Салханъ, желая показать врагамъ быстроту своего бѣга, привязалъ къ своему поясу лопату на длинномъ ремнѣ. Когда онъ пустился бѣжать на лыжахъ, то лопатка перестала волочиться по земль и пришла горизонтальное направление. Но мѣрѣ того, какъ онъ ускорялъ свой бѣгъ, лопатка все выше и выше поднималась на воздухѣ и под конецъ витала надъ имъ въ вертикальномъ положеніи—признакъ огромной быстроты, но остицкой кипетикъ, недостижимой для простаго смертного.

Богатырь, особенно отличавшійся въ какомънибудь изъ этихъ воинскихъ упражненій, нерѣдко получалъ особое прозвище; оно, такимъ образомъ, увѣчивало его подвиги, напр. одинъ Эмдерскій князь назывался такъ: Хѣ сасыломъ та и-да-ичемъ јутмай уртъ, что значитъ по русски: «богатырь, разломавшій долго сущеное конское бедро». Онъ отличался при слѣдующемъ случаѣ. Однажды богатыри на сходѣ заспорили между собою, можетъ ли кто изъ нихъ переломить на колѣніяхъ долго сущеное конское бедро и, когда никто не былъ въ состояніи этого исполнить, нашъ богатырь «со свирѣпыми руками и ногами», схватилъ конское бедро въ свои сильныя ладони и быстро раздробилъ его на семь кусковъ.

Приобрѣтенная князьями физическая сила и крѣпость организма передавалась по наслѣдству имъ сыновьямъ и поэтому укрѣпляла въ простыхъ людяхъ мышціе обѣихъ превосходствъ надъ ними и обѣихъ божескому происхожденію. Отсюда происходило благоговѣніе Остяковъ передъ своими кижицами. Улучшенію ихъ расы вѣроятно отчасти способствовали и ихъ обыкновенно экзогенетические браки. Аналогичные случаи физического превосходства властителей надъ подданными встречаются весьма часто на востокѣ, напримѣръ въ Индіи.

Въ виду выше приведшаго, въ описываемый періодъ времени слово «кижь» было у Остяковъ тождественнымъ со словомъ «богатырь», и поэтому выраженіе урт¹) употребляется въ баллахъ въ томъ и другомъ смыслѣ.

Увѣренные въ своей силѣ, они смѣло шли на встречу врагамъ и любили опасности, преодолѣніе которыхъ доставляло имъ новую славу. Иные изъ наиболѣе славныхъ богатырей совершили отдаленные походы въ чужія земли, напр. на єѣверъ—въ страну Самоѣдовъ (јара и єлек), на югъ—въ теплыхъ страны, куда осенью улетаютъ гуси и утки (морда-мыг). Другое даже спускались въ подземное царство (иѣтлімъ ємдер), чтобы вести войну съ чертями (кулъ), такъ напр. про могучаго богатыря Сонгхуна говорится, что во время своихъ походовъ онъ посетилъ всѣ 7 концовъ земли и что одва осталась площадь земли или воды имъ непопѣданная. Онъ также спускался въ подземное царство и наименъ «двулицымъ рукастымъ чертамъ», обитателямъ его, большой уронъ.

Несмотря на всю свою силу и свое мужество, богатыри въ случаѣ бѣды или неудачи часто надали духомъ и начинали плакать, что однако вовсе не считалось предосудительнымъ или несомнѣннымъ быть ихъ достоинствомъ. Самый плачъ ихъ былъ вирочемъ богатырскій: «онъ проливалъ изъ глазъ 6—7 пядей (сурт) слезъ», говорится въ знакомомъ намъ героическомъ сказаніи про богатыря Наигхуна. Иногда величину ихъ плача, какъ и многое другое, авторы баллы сравнивали съ городскими воротами.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что символомъ радости у прежнихъ богатырей былъ «рогъ» (бѣт). Выраженіе «у меня вырастетъ золотой рогъ» означало: «я буду счастливъ» и наоборотъ, выраженіе: «у меня сломался рогъ» значило: «у меня произошло большое несчастіе!» Напримѣръ вотъ что кричать младшій сынъ Тишарабаго князя своему врагу, сыну князя Наигхуна, когда тотъ не могъ пробить своимъ стрѣлами его кольчугу: «если бы я почувствовалъ твою стрѣлу, подобную волоску или былинѣ, когда она меня поразила въ легкое груди, то на моей головѣ вырастѣ бы золотой рогъ!»²). Другой героический разсказъ передаетъ, что однажды Сатыжинскій князекъ Китворъ-батъ изъ по Иртышу съ семью лодками. Когда онъ проѣзжалъ мимо нынѣшніхъ Романовскихъ юртъ, мѣстный князекъ сталъ его вызывать на бой, но Китворъ крикнулъ ему: «Я себѣ у тебя правый рогъ», намекая на то, что его люди въ недав-

¹) Кастренъ приводитъ еще другое слово, означающее богатыря: бдан, которому соответствуетъ ногульское блып и татарск. ал-еи.

²) «...Варес и'отен, нум и'отен, можетъ торийемѣт штмен, уимен ат, угема сорий битет едѣтъ».

ней схватить ушли его сына. Тоть понять намекъ и, застонавъ, схватилъ себя за голову. О войнѣ онъ болѣе не помнилъ.

Осташкіе князья не были чужды и другихъ рыцарскихъ доблестей, такъ они свято соблюдали данное ими слово или клятву (нут, шар), даже по отношенію къ такимъ клятвопреступникамъ, какими были въ ихъ глазахъ Самоѣды. Это хорошо видно изъ слѣдующей фразы, произнесенной однимъ осташкимъ богатыремъ, когда ему советывали не церемониться съ Самоѣдами и убить ихъ, не смотря на клятву: «клятву мою я не нарушу: если Самоѣдъ желаешь ее нарушить, то пусть нарушаетъ!».

Изъ другихъ ихъ качествъ бросается въ глаза извѣтию благородство въ ихъ привычкахъ, напр., сами они не исполняли никакихъ черныхъ работъ; на пирахъ они «брали кощами пальцевъ одинъ-два кусочка (инци) и уходили», предоставивъ ее своимъ болѣе голоднымъ подданимъ, которые приютали цѣлый мѣсяцъ. И, наконецъ, они по пустому словъ не тратили, а гдѣ можно, отдавали приказанія движеніемъ руки или глазъ.

Жизнь человѣческая въ тѣ времена столь мало цѣнилась, что почти всѣкое недоразумѣніе, даже самаго лѣткаго свойства, обыкновенно кончалось кровопролитiemъ. Но говоря уже о томъ, что убивали мужей, богатыри, разтерпинились, не останавливались и передъ убийствомъ беззащитныхъ женъ и дѣтей, такъ, напр., въ одной былинѣ описывается, что осташкіе богатыри, совершая походъ на сѣверъ, останавливались кое-гдѣ на берегу для отдыха и, если въ этомъ мѣстѣ имъ не оказывали должнаго гостепріимства и не боготворили ихъ, они оставляли послѣ себѣ «площади, усыпанныя изрубленными тѣлами мужей и женъ». Пробудивъ врага, они старались его искоренить, постепенно изъявить покорность, начиная передъ побѣдителемъ на колѣни и просить о пощадѣ, какъ у богатыря-побѣдителя великолѣпіе брало верхъ надъ жестокостью, и они, полюбовавшись наѣкоторое время унижениемъ врага, поднимались, обнимались и оставляли его невредимымъ. На большемъ пиру, который послѣдній устраивалъ, принимали участіе воины обѣихъ сторонъ, празднуя такимъ образомъ миръ.

Къ представителямъ своего рода осташкіе князья выказывали извѣшнюю привязанность. Мы уже видѣли, что они не оспаривали другъ у друга власти. Если кого-нибудь изъ нихъ убивали на войнѣ, то остальные о немъ сильно горевали и плакали и давали клятву отомстить за его кровь, даже если это имъ самимъ будетъ стоить жизни. Мстить за смерть отца или брата считалось священнымъ долгомъ каждого богатыря. Если почти весь родъ какогонибудь осташкаго князя истребленъ на войнѣ, то малыя дѣти и внуки его, когда подрастали и дѣлались мужами, узнавъ отъ стариковъ обѣ обидахъ, наименіяхъ ихъ отцу или дѣду, собирали войско ишли войной на враговъ. Такое

распространеніе кровавой мести вѣроятно слѣдуетъ приписать вѣрованію, что душа убитаго не имѣеть покоя и мучается до тѣхъ поръ, пока не будетъ искуплена кровью врага, на что есть извѣстые намеки въ былинахъ.

Еще одна черта характеризуетъ осташкаго богатыря—его умственное превосходство надъ прочими людьми. Согласно народному преданію, подтверждаемому самой формой героического эпоса¹⁾, богатырямъ мы обязаны дошедшиими до насъ былинами и героическими сказаніями, превосходящими по своимъ идеямъ и красотѣ стиля всѣ прочіе виды осташкайской поэзіи. Они не только были хорошими бойцами, но и трубадурами въ то же время. Тѣ изъ нихъ, которыхъ суждено было вернуться непрѣдѣмыми изъ похода, слагали пѣсни про подвиги свои и своихъ убитыхъ братьевъ и родственниковъ и этимъ самымъ увѣкоѣчивали ихъ для потомства. Оно еще теперь съ извѣстного рода благоговѣніемъ прославляется ихъ.

Богатыри считались людьми вѣющими: имъ были доступны многія тайны природы, скрытыя отъ простыхъ смертныхъ. Извѣстые изъ нихъ могли чувствовать приближеніе врага на далекое разстояніе. Они были способны пріимѣвать видъ различныхъ животныхъ, итицъ, гадовъ и рыбъ, если это имъ было необходимо, чтобы догнать врага или уйти отъ него, иначе говоря, они были оборотнями.

Также и неодушевленные предметы они были въ состояніи превращать въ животныхъ, напр., стоило имъ бросить свою шапку вверхъ, какъ она принимала видъ кукушки²⁾, которая и могла исполнять для нихъ разныя порученія. Наконецъ, по сказкамъ, они обладали еще способностью воскрешать мертвыхъ и исцѣлять раненыхъ при помощи имѣвшихся у нихъ «живой воды» (хатта јіик) и «живаго ирута» (хатта и'рем), добытыхъ изъ подземнаго царства.

Не смотря на свою жестокость, осташкіе князья не были лишены и общечеловѣческихъ чувствъ. Такъ въ одномъ, упомянутомъ выше, героическомъ сказаніи разсказывается, что двое богатырей во время своего похода на лодкахъ патыкаются на плотину изъ мамонтовъ (вес') и другихъ морскихъ чудовищъ-юровъ (јур), возведенную поперекъ рѣки Оби. Сами они, какъ богатыри, разогревая лодки, пробѣжаютъ сквозь эту програду, простые же люди опрокидываются вмѣстѣ съ лодками и морскія чудовища ихъ погибаютъ. Видя это, богатырямъ стало жаль беспомощныхъ простыхъ людей: «брать, говорить младший изъ нихъ старшему, разгородимъ эту плотину изъ мамонтовъ и юровъ, иначе какой мужъ и какая женщина будуть въ состояніи проплыть по катящей гальку каменистой Оби?» И, войдя въ воду, они изрубили морскихъ чудовищъ мечами и уничтожили плотину.

¹⁾ Главное действующее лицо очень часто испытываетъ свои подвиги на первомъ лицѣ.

²⁾ Называется такая кукушка у х-т с і-ко ва, т. е. «кукушка съ маковки головы».

ГЛАВА VI.

Простые люди и рабы.

О простых людях мало упоминается въ былинахъ. — Ихъ вооруженіе и воинныя качества.—«Рабы» героического эпоса.—«Холопы» историковъ.

Простые люди (мы гдат зах) составляли главную массу населения каждого маленькаго княжества, но упоминается о нихъ почти всюду мало; во многихъ былинахъ о нихъ даже и рѣчи не было. Происходитъ это отъ того, что подвиги ихъ представляли сравнительно съ богатырскими слишкомъ мало интереса. Впрочемъ эта черта остицкаго эпоса характерна и для большинства другихъ, даже болѣе культурыихъ народовъ, напр. въ Иліадѣ дѣйствующими лицами являются исключительно герои, простые же смертные обходятся почти полнымъ молчаниемъ.

Народъ жилъ въ селеніяхъ около городковъ и долженъ быть поставленъ воинскихъ людей. Но, если богатыри, съ малолѣтства пріученные къ воинскимъ упражненіямъ и опасностямъ, и охотно шли на войну, гдѣ они могли пріобрѣсть богатство и славу, простой народъ, не обеспеченный дома, подчинялся этой необходимости, какъ непрѣблѣпому злу, и поэтому при вербовкѣ солдатъ и въ землянкахъ прежнихъ Остяковъ происходили тѣ же сцены, какія еще недавно имѣли мѣсто въ любой деревнѣ при наборѣ рекрутъ. Авторъ одного героического сказанія описываетъ слѣдующій эпизодъ при вербовкѣ: «Гдѣ отецъ былъ плохъ, былъ зарубленъ¹⁾ его сынъ, гдѣ сынъ былъ плохъ, зарубался отецъ. Гдѣ отецъ былъ зарубленъ, сынъ плачетъ, гдѣ сынъ былъ зарубленъ, отецъ плачетъ!» И дѣйствительно они гибли въ большомъ числѣ во время всякаго похода, о чёмъ, впрочемъ, богатыри не очень заботились, такъ какъ жизнь ихъ не цѣнилась высоко.

Вооруженіе ихъ было хуже, чѣмъ у богатырей, и, вѣроятно, состояло изъ одного лука. Можетъ быть, они имѣли еще словья и листвичныя душишки, о которыхъ перѣдко упоминается въ былинахъ. Кольчугъ же они не имѣли и мечи по всему вѣроятію тоже составляли преимущественно принадлежность лицъ привилегированного сословія князей-воиновъ. Въ виду того они могли вступать въ состязанія только другъ съ другомъ ивались, какъ спохи, при столкновеніи съ богатырями. И обратно, быть убитымъ простымъ воиномъ считалось весьма оскорбительнымъ для богатыря. Вотъ въ какихъ словахъ одинъ богатырь, уставший въ бою, взываетъ (къ Богу): «неужели Золотой свѣтъ, мой Отецъ,

¹⁾ Какъ мы видѣли выше, каждого завербованаго воина зарубали на деревянкѣ.

опредѣлилъ, чтобы простые воины содрали съ меня мою радужную головиную кожу?»

Намъ неизвѣстно, какимъ образомъ совершались браки у простыхъ людей и откуда они брали женъ. Судя по сохранившемуся отчасти у Остяковъ обычаю избѣгать взаимные браки между членами одного рода, можно предположить, что то же было и прежде; относительно князей же это достовѣрно извѣстно. Нѣкоторые, можетъ быть, добывали себѣ невѣстъ во время походовъ ихъ князей, хотя обѣ этомъ не говорятъ остицкіе барды, не удостаивающіе этихъ низкихъ людей своимъ вниманіемъ. Съ лицами книжескихъ фамилій они иѣ бракъ по вступали, какъ мы это покажемъ ниже.

Рабы и рабыни (тев, орт; тев-ней, орт-ней) составляли третью и, повидимому, самое малочисленное сословіе остицкаго населения. О нихъ мы еще меньше знаемъ, чѣмъ о простомъ народѣ. Происхожденіе ихъ намъ неизвѣстно ио вѣроятно ихъ добывали изъ войлѣ.

Они производили всѣ домашнія работы въ книжескихъ домахъ; прислуживали князьямъ, готовили кушанье, заготавливали для дома дрова, ловили рыбу, смотрѣли за оленями, исполняли роль глашатаевъ при народныхъ собранияхъ и т. д.

Число ихъ у отдѣльныхъ князей было не велико и потому на каждомъ изъ нихъ лежало иѣсколько обязанностей. Имъ тоже были присвоены прозвища, которыя часто имѣли отношеніе къ ихъ дѣятельности, напримѣръ одинъ изъ слугъ князька города Тѣпар-вои назывался: Анет отый, сойнет отый аттада хуї, что значитъ: мужъ, несущій край блюда и край туеса, такъ какъ его главнымъ занятіемъ было прислуживать за столомъ. Довѣрено употребительный эпитетъ рабыни есть: Хот вѣр курдем (или вѣраптем) орт-ней-има т. е. рабыня, исполняющая домашнія работы.

Обращеніе съ рабами было, судя по всему, весьма гуманное: они были какъ бы младшими членами одной и той же семьи. Ни изъ одного сказанія, ни изъ одной былины не видно, чтобы ихъ господа обижали или притѣсили.

Рабы и рабыни составляли частную собственность князей, которые могли съ ними распоряжаться, какъ хотѣли, такъ напр. ихъ иногда давали въ счетъ калмиа отцу невѣсты.

Историки тоже упоминаютъ о «холопахъ» и «холопкахъ» остицкихъ князей. Эти холопы были освобождены отъ платежа ясака въ пользу государственной казны и работали исключительно на своихъ господѣ—князѣ. Въ шыыхъ мѣстахъ это крѣпостничество усилилось при Русскихъ. Такъ, остицкій князекъ Игичей Алачевъ вмѣстѣ съ Русскими неоднократно дѣлалъ набѣги на землю Коандинскихъ Вогульцевъ, грабилъ ее и уводилъ оттуда женъ, дѣтей и мужей въ холопы. Кромѣ того иногда и Московскіе государи дарили преданныхъ имъ князей холопами изъ ихъ подданныхъ, которые въ качествѣ крѣпостныхъ съ этихъ

поръ переставали платить казенныи ясакъ и становились подсудны исключительно имъ, такъ напр., царь Феодоръ Ивановичъ пожаловалъ вышеупомянутаго князя Игната Алачену и Ону Юрева, его двоюроднаго брата, двумя волостами Васпакульскою и Калнакутскою въ 11 платежныхъ душъ мужскаго пола, причемъ послѣднія съ этихъ поръ стали ихъ крѣпостными.

ГЛАВА VII.

Положеніе женщинъ.

Затворничество дѣвицъ.—Банкіт дѣвицъ: рукодѣлье.—Красота ихъ.—Одежда.—Женскии князья изъ др. городовъ.—Князья выбираютъ первые браки.—Калмыкъ.—Нельзя устраивать недоразумѣнія между отцемъ и женщикомъ.—Сватовство.—Переговоры и обманы со стороны отца невѣсты.—Остяцкая княжна въ видѣ физика отыскиваетъ себѣ женщиковъ.—Вѣнчаніе сходство богатыря съ рыцаремъ и отличіе ихъ.—Свадебные обряды.—Танта-ней.—Подарки отца невѣсты.—Прѣѣздъ молодыхъ въ домъ мужа.—Сравненіе остяцкой княжны съ древне-финской дѣвицей.

Положеніе женщинъ у прежнихъ Остяковъ было сходно съ тѣмъ, которое мы встрѣчаемъ у древнихъ Славянъ. Когда дѣвица подростала и достигала брачнаго возраста, ее удаляли отъ изоровъ взрослыхъ мужчинъ. Съ этихъ поръ она до самаго замужества, а можетъ быть и до болѣе позднаго периода, вела затворническую жизнь. Но, такъ какъ въ тѣ времена у Остяковъ даже княжескія хоромы вѣроятно состояли изъ одной комнаты, то въ ихъ распоряженіе не могли дать терема или особой свѣтлицы, какъ это было въ Москвѣ, а имъ просто отводили одинъ изъ угловъ общаго жилища, отдѣленный посредствомъ занавѣса или полога (саи), сдѣланнаго, смотря по достатку хозяина, изъ болѣе или менѣе дорогой матеріи. Въ одномъ мѣстѣ мы встрѣчаемъ такой пологъ изъ шелка и украшенный изображеніемъ солнца и мѣсяца, въ другомъ онъ весь увѣшанъ бубенчиками (кулій саи, пѣнхлій саи): они пріятно звенѣли при всякомъ его движеніи, наконецъ историкъ Миллеръ передаетъ намъ, что у одного вогульскаго князька съ Конды была «занѣсена, опущеная камчишкою двоедиціе»¹⁾

Когда дѣвицамъ случалось показываться на улицѣ, они по всей вѣроятности покрывали свое лицо платкомъ, чтобы скрыть его отъ непосвященныхъ взоровъ, чтѣ и попытѣ отчасти водится среди инородцевъ Березовскаго округа. У простаго народа вѣроятно этотъ обычай менѣе соблюдался: оно было затруднительное по ихъ относительной бѣдности. Это обстоятельство послужило причиной слѣдующаго эпизода, описанного въ одной былинѣ: Богатырь,

собравшися на войну, при выѣздѣ изъ своего города, встрѣчасть толпу дѣвицъ, очевидно изъ простаго народа, долго ими любуется и впадаетъ въ размысленіе о томъ, какъ въ сущности безразсудно вести своихъ воиновъ на погибельную войну или, какъ онъ фигурно выражается, «иѣ пасть мамонтовъ», чтобы добить себѣ невѣсту, когда передъ нимъ цѣлая толпа красивыхъ дѣвицъ. Впрочемъ его размысленія не были продолжительны. Брать его пристыдилъ въ малодушіи и онъ, покрывъ лицо свое платкомъ,—признась стыда,—ногиаль оленей впередъ.

Освобожденія въ слѣдствіе своего затворническаго образа жизни отъ многихъ домашніхъ работъ, дѣвицы однако же проводили время въ праздности. Однимъ изъ главныхъ ихъ занятій было вышиваніе и шитье,—искусство, въ которомъ они достигали значительной степени совершенства. Такъ о рукавицахъ, спитыхъ одной остицкой княжной, говорится: «гдѣ шовъ былъ шить, незамѣтно; какъ онъ были сдѣланы, не видно, или ужъ онъ въ такомъ видѣ и произошли». Богатырь остицкій гордится, если у него есть «рукодѣльница дочь, держащая иглу въ концахъ пальцевъ». Этимъ же искусствомъ остицкая княжна прельщаетъ и молодыхъ князей. Однимъ словомъ въ у этого дикаго народа трудолюбіе играло не послѣднюю роль въ достоинствахъ невѣсты, хотя конечно первое мѣсто занимала красота.

«Златоглазая, бровастая дочь мужа полуденной страны» (Мордамыг хои¹⁾ сорні-сѣм хут'мет-наи) есть весьма распространенный эпитетъ остицкой княжны, причемъ послѣднія слова этого выраженія здѣсь употреблены въ смыслѣ: «подобная красавицамъ полуденныхъ странъ». Значеніе другого эпитета красавицъ: ўдѣд-ўх сіветымъ пайми не вполнѣ понятно. Красоту дѣвицъ сравниваютъ также съ воходящими солнцемъ и состоящими на небѣ мѣсяцемъ.

Не менѣе цѣнилась и молодость невѣсты, поэтому самой красивой изъ несколькихъ сестер всегда считалась младшая.

Выѣзденію красоты остицкихъ княжень безъ сомнѣнія не мало способствовали и красивыи дорогія одежды, которыя они носили²⁾. Изъ нихъ упо-

¹⁾ Мордамыг южныи страны, куда на зиму улетаютъ утки и гуси. Въ сѣв. Сибири они извѣстны подъ названіемъ: «теплыи воды».

²⁾ Приведемъ адѣсъ отрывокъ изъ меднѣйшей пѣсни, гдѣ описывается дорогая женская одежда прежнихъ Остяковъ, хотя прибавимъ, что эта пѣснь не носятъ столь древнаго характера, какъ былины:

„Пах лей-ја хатаја ман тे-чуғемъ.
„Пах лей-ја, хатаї, хатаї ўсси!
„Нуй анкениа јокејемъ,
„Тіт'емъ—вѣхта салына јокејемъ.
„Нуй анкениа јокејемъ,
„Танкем пуну сукынъ нујат јокејемъ.
„Нуй анкениа јокејемъ,
„Танкем кунг'а кевый н'ірат јокејемъ.

минаются рубашки (јириас) съ построй вышивкой,¹⁾ вѣроятно приготовленныя изъ краиницкой пряжи; дорогія платы и саноги, украшенныя металлическими подѣлками и бисеромъ (кеу)²⁾ и суконные кафтаны (нуй). Употребляли онъ также на свои наряды и цѣнныи шелкъ (јормак) и камку (хамха). Особенно роскошно наряжались невѣсты. Больше зажиточная изъ нихъ одѣвали въ день свадьбы и отѣзда изъ родительскаго дома семь рубашекъ и семь суконныхъ кафтановъ, одинъ поверхъ другихъ.

Относительно душевныхъ качествъ остицкой женщины мы знаемъ, что она была любящей дочерью, покорной женой и нѣжной матерью, что будетъ ясно изъ дальнѣйшаго изложения.

Какъ и у всѣма многихъ другихъ пеокультурныхъ народовъ, для заключенія брака не требовалось, ни согласія дѣвицы, ни ея матери и, разъ женихъ (вей-хой) былъ на лицо, все дѣло решалъ съ нимъ одинъ ея отецъ, а за отсутствіемъ его—старший братъ ея. Въ виду того, что въ каждомъ городкѣ княжилъ всего одинъ родъ, между сородичами не допускалось взаимныхъ браковъ.

Въ качествѣ женщиковъ остицкихъ боярышень, если такъ можно выражаться, являлись сыновья другихъ остицкихъ и самобѣдскихъ богатырей, привѣзвавшіе свататься за той или другой красавицей, слухъ о которой широко разносился. Такъ, о славномъ богатырю Сонгхунѣ въ былинѣ говорится, что онъ въ молодости «семи концами земли посыпалъ, чтобы сватать косатыхъ дѣвицъ за хороший калымъ».

„Нуй апкенна јбкајем,
„Тегет-вѣје хаң'еп јириас јбкајем.
„Нуй апкенна јбкајем,
„Орый-вѣје хаң'еп тагат јбкајем.
„Лемсай пѣлка кѣдем иер хѣттат татна,
„Цынай пѣлка уйтый кѣт май тог ведомъ”!

„Къ бѣдному мальчику, мертвому (отъ страха), я подошелъ.
„Мальчикъ бѣдняжка ты покойникъ!
„Твоя мать въ честь меня плясала,
„Со звеницмъ серебромъ она для меня плясала.
„Твоя мать въ честь меня плясала,
„Въ суконномъ кафтанѣ, пущистомъ, какъ бѣлій мѣхъ, она для меня плясала.
„Твоя мать въ честь меня плясала,
„Въ саногахъ, украшенныхъ бисеромъ, подобнымъ поготкамъ бѣлки, она
„Твоя мать въ честь меня плясала,
„Въ рубашкѣ, украшенной рисунками итицъ, она для меня плясала.
„Твоя мать для меня плясала,
„Въ пазырѣ, украшенномъ лѣнными зѣрнами, она для меня плясала.
„Если сила правой руки у меня кончится,
„И своей лѣвой рукой тогда за нее (т. е. за ляльку) возьмусь”.

¹⁾ тегет—иѣ хан'еп јириас—»рубашка съ рисункомъ итицъ».
²⁾ кѣу собственно значить „камень“.

Вступить же въ бракъ съ дѣвицей изъ простаго званія, не говоря уже о рабыѣ, не рѣшался ни одинъ остицкій князекъ, до того это считалось предосудительнымъ и въ то же время унизительнымъ для его княжескаго достоинства. Эту разницу понимали и простые люди и не претендовали на подобные браки. Такъ, дѣвица, которую старый Напгхунѣ обманулъ обрадомъ передать женеху вместо своей дочери, склонясь отъ его ласокъ, говоритъ: «я женщина, носящая простое платье, я женщина, носящая простую обувь» и прибавляетъ, что его невѣstu, княжну, отдали замужъ на самобѣдскую сторону. Этихъ словъ было достаточно, чтобы моментально расходились женихи. Опять идетъ къ своему брату и, жалуясь на происшедшее, прибавляетъ: «Какихъ рукодѣльницъ-рабынь у пачь нѣть въ нашемъ Тяиарскомъ городѣ мужа Гаветта-кѣтне-хуї. Жиль ли я, мужъ, обладающій силой въ славныхъ суставахъ руки, съ рукодѣльницей-рабыней?»

Аналогично этому, всѣма вѣроятно, что и знатныя дѣвицы могли сдаваться женами только лицъ княжескаго званія.

За красивыхъ дѣвицъ отцы ихъ требовали большиe выкуны (на югѣ таи, на сѣв. калымъ), и хороший женихъ обыкновенно немедленно выплачивалъ просимый калымъ. Опять состоять въ холопахъ, оленяхъ, дорогихъ шелковыхъ материахъ, въ оружіи, въ цѣнныхъ металлахъ, котлахъ и тому под. Размѣръ калыма зависѣлъ главнымъ образомъ отъ богатства и знатности отца невѣсты: чѣмъ богаче онъ былъ, тѣмъ требовательнѣе онъ являлся по отношенію къ своему будущему зятю. Напр. за одну дѣвицу отецъ ея получиль металломъ и товаромъ цѣну 100 рабовъ, 100 кольчугъ, 100 мечей, 100 топоровъ, 100 ножей и 100 котловъ, что по тогдашнему времени представляло огромную сумму.

Другой отецъ говорить своему будущему зятю: «нанесите когтистой бѣлки, красной и черной рухляди, чтобы съ головой покрыть сидящаго человѣка, тогда я отдамъ мою dochь безъ всякаго выкуна». Послѣдніе слова прибавлены очевидно въ видѣ шутки.

Но далеко не всегда дѣло кончалось уплатой калыма. Часто отецъ, по мѣрѣ уступчивости жениха, становился все требовательнѣе, и нерѣдко свадебные переговоры оканчивались кровопролитiemъ, такъ какъ всякий богатырь, отправляясь свататься, для большей удачи своего предпріятія бралъ съ собой войско. Въ былинѣ, изъ которой мы только-что привели размѣръ калыма, такимъ образомъ описывается подобное столкновеніе между отцемъ невѣсты и его зятемъ: «когда отецъ ея вышелъ на улицу, чтобы ее (невѣсту) проводить онъ потребовалъ отъ зятя золотую, блестящую кольчугу. «Я присутствовалъ на 177 свадьбахъ, и нигдѣ отъ меня не требовали золотой, блестящей кольчуги, сказали тотъ. Будемъ сражаться топоромъ и мечемъ!»

Они повернули свои большие лодки съ раздвоиной кормой и стали сражаться».

Нерѣдко также случалось, что отецъ, получивъ калымъ, передавалъ жену по дочь свою, а какую-нибудь дѣвицу изъ простаго звания и часто не-красивую и старую. Женщина скоро открывала обманъ и съ угрозой требовала возстановленія своихъ правъ, причемъ въ случаѣ отказа или вторичнаго обмана съ обожаниемъ мечомъ въ руки отправлялся отыскивать свою невѣсту (*мен'-и-ой*) и не щадилъ никого изъ попадавшихъ ему на пути. Но таѣль какъ отецъ невѣсты прибѣгалъ къ подобнымъ обманамъ обыкновенно лишь тогда, когда надѣялся на свою силу, то спасовство часто оканчивалось битвой.

Вирочемъ, если дѣвица любила жениха, то она старалась не доводить ихъ спора до кровопролитія, а если это все-таки случалось, то своимъ присутствиемъ и своими нѣжными рѣчами старалась смягчить гневъ побѣдителя и тѣмъ спасти жизнь отцу или жену. Вотъ какимъ образомъ знакомая памъ младшая дочь богатыря Нангхуша успокаиваетъ гневъ свата¹⁾ своего жениха, побѣдившаго ся отца и брата и готовившагося ихъ умертвить. «Она обнимаетъ его руки и ноги и говоритъ: «Сынъ Гаветта-кѣти-хуй и Тапарской женщины и деверь мой! Хотя я тебя и не кормила молокомъ изъ моей груди (и тебя вскорили при помощи рожка)²⁾, скажу-ли я одно слово или два, пыгнушай меня, вѣдь я происхожу изъ рода князей и богатырей. Когда ты отыравишися въ Тапарскій городъ мужа Гаветта-кѣти-хуй, и у тебя одежда, украшенная металлическими бляхами и бисеромъ, износится, разъ ты сдерешь съ отца и брата моего ихъ радужно-отливающуюся головную кожу и сдѣлаешь менѣ круглой сиротой, то кто одѣнетъ твоихъ 300 воиновъ въ дорогія одежды и дорогую обувь и мнѣ, чтобы парядиться, какъ подобаетъ невѣстѣ, кто доставить мнѣ платья?» Эти слова ей имѣли такой успѣхъ, что сватъ поднялъ съ земли стоявшихъ передъ нимъ на колѣяхъ богатырей, обнялъ ихъ, и миръ былъ возстановленъ.

Сватовствомъ руководилъ самъ женихъ и его ближайшіе родственники мужскаго пола. Они его всегда сопровождали въ подобныхъ предприятияхъ. Называются они въ билингахъ обыкновенно татарскимъ словомъ *ханымъ*, что въ дальнемъ случаѣ означаетъ «сватъ». Они выставляли отъ себя 2—3 людей, пословъ, при помощи которыхъ вели переговоры съ отцемъ невѣсты. Послѣдніе были известны подъ именемъ ворт-я х (sing. ворт-хуй), и часто были вооружены посохами (съ у, съ). Обыкновенно поступали такимъ образомъ, что некоторыхъ изъ нихъ ставили они изъ своихъ людей, другихъ выбирали изъ

подданныхъ отца невѣсты. Переговоры были необходимы даже въ томъ случаѣ, если отецъ невѣсты былъ согласенъ на бракъ, такъ какъ достоинство его требовало, чтобы онъ не выказывалъ особой готовности отдать свою дочь. Но этой же причинѣ онъ иногда не принималъ первыхъ двухъ пословъ и высказывалъ свои условия только третьему.

Чтобы наглядѣще показать, какимъ образомъ велись эти переговоры и къ какимъ изобрѣтеніямъ прибегалъ отецъ невѣсты, чтобы обмануть жениха, приведемъ отрывокъ изъ одного героического сказания: «Когда стало свѣтать, они (т. е. два богатыря, приспѣвше сватать невѣсту) позвали одного изъ здѣшнихъ людей и поставили одного изъ своихъ, чтобы передавать вѣсти. Они пришли къ старому Кровавому богатырю Нангхушу и сказали: «Относишьтъ младшей дочери твоей, дѣвицы, какая у тебя вѣсть, какое слово, эту вѣсть, это слово ты намъ выскажи». Старикъ сидѣлъ, сидѣлъ и сказалъ: «Младшую дочь старого богатыря Нангхуша, дѣвицу, съ землянымъ тѣломъ въ чистомъ сѣяніи я уже давно похоронилъ. Въ страну столь отдаленную, что добраться туда не по силамъ даже звѣрю, кто отнесъ бы къ вамъ мою вѣсть, мое слово и вашу вѣсть, ваше слово, кто бы доставилъ ко мнѣ? Этую рѣчь, эти слова, отнесите имъ!» Они вернулись и тамъ сказали: «Младшой дочери Кроваваго богатыря Нангхуша обратившееся въ прахъ тѣло уже давно погребено въ чистыхъ одѣяніяхъ». Сыновья богатыря Гаветта-кѣти-хуй сказали: «Если ся землистое тѣло онъ похоронилъ въ чистыхъ одѣяніяхъ, то пусть памъ дадутъ 10 людей съ лопатами и 10 людей съ топорами, чтобы ее вырыть. Припасенное для нея золото и серебро, предназначенные для нея шелкъ и камку мы ей положимъ. Пусть тогда прошадутъ славные суставы ея тысячи костей (въ такомъ видѣ), какъ ихъ мать родила! Этую вѣсть отнесите Кровавому богатырю, старiku Нангхушу!» Кровавый богатырь, старикъ Нангхушъ, опустилъ голову, сидѣлъ, сидѣлъ и сказалъ: «Младшай дочь богатыря Нангхуша, дѣвица, еще сосетъ материнскую грудь». Эта рѣчь была туда передана. Сыновья богатыря Гаветта-кѣти-хуй отвѣтили: «Въ нашемъ городѣ мужа Гаветта-кѣти-хуй мы имѣемъ много сѣдоголовыхъ женщинъ, много бѣлоголовыхъ женщинъ, пусть она тамъ сосетъ молоко изъ груди, пусть она тамъ питается молокомъ изъ рожка». Рѣчь эта была передана Кровавому богатырю, старому Нангхушу. Онъ сказалъ: «У младшай дочери Нангхуша, дѣвицы, ростущіе суставы руки еще не выросли, ростущіе суставы ногъ еще не выросли!» Оба сына богатыря Гаветта-кѣти-хуй отвѣтили: «Ея ростущіе суставы руки, ея ростущіе суставы ногъ мы сами выростимъ!».

Видя такую рѣшиимость жениха, отецъ невѣсты какъ бы уступилъ и пригласилъ сватовъ придти, чтобы вести переговоры, а самъ приказалъ своимъ людямъ стоять на дорогѣ и не пропускать ихъ. Сваты-богатыри, однако,

¹⁾ Онь же его братъ.

²⁾ Эта фраза несколько искажена.

съ обнаженными мечами проложили себѣ путь сквозь толпу. Ихъ встрѣтилъ отецъ невѣсты, они обнялись, условились о цѣнѣ за невѣсту и устроили свадебный пиръ. Когда народъ ушелъ, женихъ приблизился къ пологу и, бросивъ старухѣ, стерегшей входъ въ помѣщеніе невѣсты, се ребряныя и золотыя деньги, вошелъ туда. Невѣста остается иѣма къ ого ласкамъ и когда онъ, разсерженный, грозитъ разрубить ее на двѣ части, она ему открываетъ, что она дѣвица изъ простаго званія и что княжна, ради которой онъ сюда пріѣхалъ, уже недѣлю, какъ отдана отцемъ одному самоѣдскому богатырю и притомъ безъ калмыка. Женихъ негодуетъ. На разсвѣтъ другого дня оба брата-богатыря собираются погнать Самоѣдовъ, а отцу невѣсты грозятъ разорить на возвратномъ пути его городъ¹⁾.

Какъ же сама невѣста относилась къ своимъ женихамъ? Выдо ли ей безразлично за кого выдти замужъ, разъ она не имѣла возможности видѣть ни одного богатыря? Этотъ довольно интересный вопросъ имѣеть въ былинѣахъ и героическихъ сказаніяхъ Остяковъ вполнѣ опредѣленный и притомъ отрицательный отвѣтъ. Остяцкая невѣста среднихъ вѣковъ не могла согласиться, чтобы ея чувствами торговали, какъ товаромъ, какъ это бывало на самомъ дѣлѣ, и сама дѣлаетъ свой выборъ. Занергая дома въ одной компании съ родителями и отдаленная отъ постороннихъ глазъ пологомъ, она все же находила средство отыскать себѣ жениха и прельстить его своими талантами.

Принадлежа къ роду вѣщихъ князей, она тоже умѣеть превращаться на время въ разныхъ животныхъ. Любимый образъ, чаще всего юю прини- маемый, образъ филина. Глухой ночью, когда вся семья покончилъ въ глубокомъ сне, она въ видѣ филина покидаетъ свое убѣжище, взявшись съ собой образцы своего рукодѣлья, и летитъ въ городъ, гдѣ, по слухамъ, живеть тотъ или другой славный богатырь. Здѣсь она садится на вершину козуристой лиственницы,—она обыкновенно растетъ среди города—и поджидаетъ богатыря. Тотъ выходить на улицу, и филинъ вступаешь съ нимъ въ разговоръ. Въ одной былинѣ невѣста прямо открывается богатырю, показываетъ ему свое рукодѣлье и просить освободить ее отъ предстоящаго ей неизвестнаго брака. Вотъ ея слова: «Князь, носящий винущую страхъ одежду изъ полотна многихъ земель, (т. е. кольчугу) въ тотъ день, когда ты родился, я родилась, въ тотъ день, когда я родилась, ты родился. Неесный Отецъ и Небесная Мать предснедѣли намъ быть вмѣстѣ».

¹⁾ Скажемъ къ слову, что къ подобнымъ обманамъ при сватовствахъ пріѣзжалъ первѣдко и у дремыхъ народовъ. Вспомнимъ хотя бы разсказъ о сватовстве Госифа за Рахилью. И еще недавно подобная дѣла производились на Кавказѣ, причемъ прибѣгать къ обманамъ, чтобы выдать дѣвишку за мужъ, не считалось дѣломъ предснедѣльнымъ.

Если ты имѣешь намѣреніе меня взять, то не мѣниай, пока вѣшишь кипящій котель, не жди, пока будетъ готовъ долговременный котель¹⁾). Кровавый богатырь, старый Нангхушъ, мой отецъ, желаетъ отдать меня безъ выкупа къ многочисленнымъ мужамъ самоѣдской земли». Богатырь проводить бесконечную ночь, а на другой день отрядъ воиновъ съ князьями во главѣ направляется на югъ къ городу стараго Нангхуша. Съ происходившимъ тамъ сватовствомъ мы уже знакомы изъ предыдущаго.

Въ другой былинѣ филинъ-князя говорить о себѣ въ третьемъ лицѣ. Появленіе филина и разговоръ его гдѣ молодымъ княземъ здѣсь весьма поэтичны, но къ сожалѣнію въ русскомъ переводѣ теряются многія изъ особенностей осяцкаго поэтическаго языка. Филинъ начинаетъ свою рѣчь такими словами: ««Выбранный изъ среды 80 мужей съ оленьими ногами, съ ощущенными косами, косатый Ягъ²⁾», до какихъ поръ ты будешь вставать (такъ рано)³⁾, какъ встаютъ одиночные вдовицы?». Онъ отвѣчаетъ: «Красавица дѣвица, которую я бы взялъ въ жены, еще не родилась». Но филинъ сказать: «Про красавицу по твоему выбору я своимъ долгимъ ухомъ хорошую вѣсть слышалъ». Я отвѣчалъ: «Гдѣ же ты слышалъ про красавицу по моему выбору?» Филинъ отвѣчалъ: «Текутъ богатырскія воды инейного Эмдера съ позамерзающими берегами⁴⁾. Въ устьянной мелкой галькой, чистой Оби широкія воды онъ пали. Потекли впередъ устьянной галькой чистой Оби обширныя воды. Въ священныхъ воды потока, раздвоенного на подобіе разбывающихся пещеръ, онъ пали. Развалистаго потока священные воды впередъ потекли. Въ богатырскія воды красноводнаго (потока) онъ пали. Красноводнаго потока богатырскія воды впередъ потекли. Въ священный соръ, куда опустился божественный туманъ, онъ пали. На полуденномъ берегу священнаго сора, куда опустился божественный туманъ, на славной сторонѣ, стоять богатырскій городъ Кары-ибепат-ваш. Власть въ немъ дер-

¹⁾ Промежутокъ времени, необходимый для того, чтобы вѣшишь котель, считался у Остяковъ небольшой единицей времени.

²⁾ Хорум-курие нѣтѣт ѿт кудѣва піріїдем, сеjet патемъ севѣй Яг.

³⁾ «Нот иерай јдгот хар хуна-ванта иуй кіттен?» Значеніе первой половины этой фразы не вполнѣ ясно, въ виду чего и выпущено. Остальное безъ перевода и отдельныхъ сноса дальнѣйшаго изложения, темнѣя по смыслу.

⁴⁾ Здѣсь филинъ описываетъ систему рѣкъ южной части Верховскаго и южной части Тобольскаго округа, по которымъ надо прѣѣхать изъ города Эмдера въ г. Карагиснатъ. Путь начинается съ Эмдерской протоки, которая впадаетъ въ Обь, отсюда вѣдуть впередъ до впаденія Иртыша. По Иртышу поднимаются до Коиды и отсюда въ ея нижнее течение или такъ называемый «Коидинский соръ», который весной и лѣтомъ представляетъ изъ себя огромное водное пространство, длиной въ 60 верстъ и шириной въ отдельныхъ местахъ до 8 верстъ. На южномъ берегу этого сора, въ 7 верстахъ кънизу отъ Камовыхъ юртъ, пики слѣды прежняго городка Карагисната.

жить трехсотлетний, драхлый богатырь-старик¹⁾. Онь строгает черенъ стрѣлы. Въ пѣсениомъ домѣ 7 сыновей здѣсь укачивали. Главиы въ домѣ три старинихъ сына; имя имъ дано: «Въ воду идущіе и рыбу крючачащіе богатыри». Средииму сыну ими было дано: «На пирѣ поздно приходящій и саблей раны паносящій богатырь». Постѣ семи богатырей изъ берестяной звѣрѣ съ красивой спинкой кого нишили (укачивали)? Полудешнихъ странъ златоглавую, бровастую красавицу здѣсь нишили. Здѣсь я слышалъ своимъ долгимъ ухомъ про красавицу по твоему выбору. Если вы имѣете желаніе, то отправляйтесь. Снаряжайтесь на военную и на схватовскую ногу». Старый филинъ повернулся къ полулу, къ славной сторонѣ, взмахнулъ три раза своими дорогими крыльями, только его и видѣли²⁾. И, какъ въ первомъ случаѣ, богатырь немедленно отправляется по указанному филиномъ пути добывать свою невѣсту.

Дѣла самое дѣвицу виновницей походовъ князей, остицкая народная фантазія тѣмъ самымъ облагораживаетъ, какъ личность богатырей, такъ и цѣлп ихъ походовъ. Они являются передъ нами уже не грубои силой, которая знаетъ только свои личные интересы и пользуется для достижения своихъ цѣлей золотомъ и мечемъ, а въ видѣ защитниковъ красавицъ, освобождающихъ послѣднихъ отъ произвола отца и братьевъ и отъ неправистныхъ жениховъ. Они, такимъ образомъ, пріобрѣгаютъ пѣкоторое сходство съ средне-вѣко-выми рыцарями, которые совершили разныe трудныe подвиги, чтобы освободить своихъ возлюбленныхъ отъ опасностей. Это сходство тѣмъ нагляднѣе, что и остицкіе богатыри совершили во время своихъ походовъ много подвиговъ, которые имѣть въ средніе вѣка могли бы доставить прозвище «рыцарей безъ страха и упрека».

Есть вирочемъ не мало и отличий въ характерѣ и взглѣдахъ рыцарей и остицкихъ богатырей, именно, что, посмотря на вѣнчанее сходство, послѣдніе были значительно грубоѣ: придя въ гѣль, они не щадили ни женщины, ни дѣтей и, кромѣ того, имѣли смутное понятіе о возвышенной любви рыцарей, если они вообще какое-либо имѣли. Именно ни въ одной былинѣ не вспрѣчается слово «любовь». Но и здѣсь почти во всѣхъ былинахъ бракъ по склонности увѣличивалъ подвиги богатырей.

Если дѣвицу отдавали другому, пока успѣвать прийти ей избранникъ, она всѣми мѣрами старалась отсрочить свой отѣздъ изъ отцовскаго дома. Если это не удавалось, она употребляла всѣ усилия, чтобы дольше сохранить свою дѣвственность и дать возможность выручить ее жениху. Это случилось, напримѣръ, съ дочерью старого богатыря Напгхуна, которую отецъ противъ воли отдалъ на самоѣдскую сторону. Всѣ ея старанія отстоять свою свободу

¹⁾ Имя его приведено выше.

остались тщетны и, отправляясь со своимъ женихомъ въ его сторону, она на гладкомъ пескѣ, намытомъ водой рѣчного разлива, написала: «Къ многочисленнѣмъ мужамъ самоѣдской земли меня увезли, ломая міръ руки, ломая міръ ноги. Если сыновья богатыря Іаветта-кѣти-хуй сюда придутъ, то пусть не мѣняются, пока вскипѣтъ кипящій котель, пока испѣйтъ долговременный котель». Даѣже мы застаемъ ее въ пологѣ (удал) вмѣстѣ съ ся мужемъ Самоѣдомъ на полулу въ его городъ. Остицкие богатыри въ это время настѣгаютъ Самоѣдомъ, и ся нареченій подкрадываются къ ихъ общему пологу и прислушиваются. Въ пологѣ между тѣмъ происходитъ борьба между Самоѣдомъ и его женой. Она устраивается отъ его даскѣ. Она говоритъ: «Какъ матерь родила, мой дѣвственныи поясъ я не дамъ тебѣ развязать среди темно-древеснаго урмана. Когда мы прѣдемъ въ священный городъ, жилище самоѣдскихъ мужей, тогда развязжи мой дѣвственныи поясъ; многочисленнія сѣдоголовыя и бѣлоголовыя старухи поднесутъ міръ чашу съ избѣняющимся отверстіемъ и дадутъ міръ серебрянныя и золотыя денѣги».

Самоѣдъ не соглашается съ ся доводами и, они опять борются. Женихъ ся слѣдитъ за борьбой и въ удобный моментъ напосѣтъ ему ударъ саблей, отрубаетъ ему ноги и колѣна и освобождаетъ свою невѣсту.

Этотъ эпизодъ для насъ въ томъ отношеніи интересенъ, что показываетъ, что у Остиаковъ въ тѣ времена цѣломудренность была необходимымъ качествомъ невѣсты. Къ сожалѣнію, это не правило настоящаго времени.

Въ четь состояли самые свадебные обряды, до настѣ не сохранилось. Извѣстно только, что невѣста не принимала участія въ общемъ инричествѣ, а сидѣла въ своемъ углу за занавѣсомъ. Женихъ же подчивали, какъ могли, и когда онь, по окончаніи пира, входилъ въ помѣщеніе невѣсты, ему и туда трудолюбивая рабыня подавала блюдо съ славными яствами, такъ по крайней мѣрѣ описывается въ одномъ сказаніи. Какую роль играетъ матерь при заключеніи брака, мы не знаемъ, но быть обычай, чтобы женихъ, кромѣ платы за дѣвицу ея отцу, выкупать ее еще отъ старухи, которая охраняла входъ за занавѣсъ. Женихъ давалъ ей денегъ, носятъ чѣго она отходила, и роль ея кончалась. Въ данной былинѣ этотъ эпизодъ описывается такимъ образомъ: «Отвергніе занавѣса охраняется сѣдоголовой, бѣлоголовой старухой. Онь схватилъ отвергніе занавѣса и пошевелилъ его три раза. Старуха отстранилась (отъ отвергнія занавѣса), онь далъ старухѣ серебрянныя и золотыя денѣги и вспѣлъ за занавѣсъ».

Судя по имѣющимся у насъ фактамъ, видно, что посѣтъ свадьбы женихъ съ невѣстой проводили некоторое время въ домѣ родителей ея, и по томъ уже они уѣзжали на санихъ или на лодкѣ въ городъ жениха. При этомъ конечно молодую провожалъ ея отецъ. Выраженіе «выдать замужъ»

передается на осяцкомъ языке черезъ слово бмдем (fut. бмниттам), что собственно значить «посадить»¹⁾, можетъ быть отъ того, что отецъ, передавая ее жениху, усаживалъ ее въ сани или лодку.

У осяцкихъ же Остяковъ южного илемени существуетъ оригинальный обычай; — постъ свадьбы невѣста остается 2—3 недѣли въ домѣ отца, а женихъ проживаетъ дома, причемъ продолжаетъ свои обычныя занятия. Въ объясненіе этого странного обычая Остяки замѣ чаютъ, что невѣста пользуется этимъ временемъ, дабы приготовить себѣ приданое.

Чѣмъ больше за дѣвицу давали калмы, тѣмъ больше почета ей было; это правило остается справедливымъ и по настоящее время. Съ другой стороны, женщина старалася безъ торга выплатить требуемую сумму, чтоб считалось въ свою очередь долгомъ части, по, конечно, если мѣра не превзойдена и если она не выдѣлать въ чрезмѣрной цѣнѣ средства отѣлаться отъ него. Иногда, впрочемъ, случалось, что осяцкихъ княженъ отдавали и безъ калмы, напр., если отецъ ея почему-либо нуждался въ женихѣ, боялся ли его силы, или искалъ въ немъ союзника. Можетъ быть и въ томъ случаѣ, если дѣвица себя скромнистериюала и не могла разсчитывать на выгодную партию, какъ это бываетъ у Остяковъ въ настоящее время. Но, какъ-бы то не было, сама дѣвица обыкновенно была этимъ не довольна. Въ словахъ вышеупомянутой осяцкой книжныи, дочери Наигхуша: «мой отецъ хочетъ меня отдать безъ выкуна къ многочисленнымъ мужамъ самбѣдской земли» мы не только видимъ жалобу ея на своеобразное распоряженіе ея чувствами, но и обиду, что ее отдаютъ, какъ недостойную невѣstu, безъ всякаго выкуна. Дѣвица, за которую не брали цѣны, называется въ осяцкой поэзии; та и т-ней, и у и т-ч-и-е-й²⁾.

Въ качествѣ обратного дара отецъ невѣсты тоже кажется дѣлать молодымъ подарки при ихъ отѣлѣ, не говоря уже о томъ, что если сватовство кончалось войной, въ которой бралъ верхъ женихъ, онъ требовалъ отъ него кромѣ дочери еще дары въ видѣ возмездія. Иногда, для большей убѣдительности, онъ поручалъ это дѣло своей невѣстѣ т. е. его дочери, которая умѣла его разыграть и склонить къ уступкамъ. Вотъ такую комедію разыграла извѣстная намъ книжна, младшая дочь старого Наигхуша по совету своего мужа. Передадимъ это словами былинъ: „Насталь день возвращенія воиновъ, насталъ день возвращенія сватовъ. Жена его, схвативъ себя за волосы, бросила

¹⁾ Но также «поставить» и «положить». Для выражения «видать за мужъ» есть и другие глаголы, напр. та и д. ем.

²⁾ Первое слово состоитъ изъ та и-кальмы, окончанія сагитив-а-та и и-и—женщина. Образовано оно аналогично русскому слову «безирдианица». «Та и т-ней» могло бы соответствовать выражению «безкальмица».

себя на половицы дощатаго пола (и сказала): «Батюшка, я собираюсь отправиться къ хлѣбороднымъ источникамъ чужеземной страны, къ рыбнымъ источникамъ чужеземной страны. Буду-ли я матерью сыновей или дочерей, когда я прибуду въ городъ богатырей Лаветта-кѣтие, то сѣдоголовыя женищи и бѣлоголовые старцы будутъ меня спрашивать: младшая дочь князя Наигхуша, молодица! то, что ты привезла изъ отцовскаго дома, дай сюда! Батюшка! что я тогда дамъ? Дай міръ серебряный листъ, подъ которымъ могутъ укрыться 300 человѣкъ, тогда я пойду; если не дашь, не пойду, и пусть меня разрубятъ на двѣ части и я буду плавать въ крови!

Эти слова, разсчитанные на то, чтобы разжалобить отца, какъ можно было себѣ представить, вполне достигли своей цѣли. Видя такое отчаянное положеніе своей дочери, чадолюбивый отецъ расплакался отъ умиленія и исполнилъ ея желаніе. Подобнымъ же образомъ она выпросила у него болыной мѣдный семи-ушковый котелъ, изъ котораго могли вѣсть 300 человѣкъ.

Когда молодые приѣзжали въ домъ мужа, послѣдний въ свою очередь устраивалъ болыной пиръ. Пріемъ молодухѣ былъ весьма радушный. Старая женщины, вѣроятно въ томъ числѣ и мать мужа, угождали ее различными яствами, подносили ей пѣнишуюся чашу и дѣлали подарки. Съ этихъ поръ роль женщины въ бывшихъ героическихъ сказаніяхъ почти прекращалася. Вся остальная жизнь ея проходила въ заботахъ по дому и въ воспитаніи дѣтей, занятіяхъ, не воодушевлявшихъ осяцкую музу.

Если сравнить теперь положеніе дѣвицы у древнихъ Остяковъ съ таковымъ у иржинъ Финновъ по Калевалѣ, то мы замѣтимъ значительную разницу между тѣмъ и другимъ. Финская дѣвица стоитъ въ духовномъ и правительскомъ отношении гораздо выше Остячки. Она не является бездушиной вещью въ рукахъ продавца-отца и покупателя-жениха, какъ молодая Остячка, и не имѣеть необходимости тайно ото всѣхъ споситься съ избраникомъ своего сердца и умолять его выручить ее, напротивъ, она одна распоряжается своими чувствами и, пользуясь этимъ, даетъ претендентамъ на ея руку почувствовать, что она знаетъ себѣ цѣну.

Если осяцкій богатырь борется съ вѣнчими врагами, увѣренный, что, выдержавъ успѣшино эту борьбу, сдѣлается обладателемъ своей нареченной, финская юноша долженъ быть, благодаря прихоти своей невѣсты, совершивъ массу различныхъ трудноисполнимыхъ подвиговъ и то не будь увѣренъ, увѣничается ли успѣшное исполненіе ихъ ея согласіемъ на бракъ. Часто безсердечная красавица онять придумываетъ новые подвиги и онять женихъ ея долженъ быть подвергать свою жизнь опасности. Впрочемъ она мало и заботилась, придетъ ли ея женихъ обратно или иѣть, такъ какъ ихъ у хорошихъ невѣсть всегда имѣлось достаточно.

ГЛАВА VIII.

Способы ведения войны.

Причины войнъ.—Сборы къ походу.—Обряды при отправлении.—Остановки.—Первые встречи съ подданными отца невѣсты.—Способы веденія войны на открытомъ полѣ.—Лазутчики.—Караульные.—Сраженіе.—Борьба князей другъ съ другомъ.—Враги иногда расходились, давъ клятву болѣе не воевать другъ съ другомъ.—Лишніе убитаго врага доспѣховъ и снаряжения.—Богатыри сѣдили иногда сердца враговъ.—Засады противъ плывущихъ на лодкахъ враговъ.—Несправдіе укрѣплений.—Осада городковъ и взятіе ихъ штурмомъ и голодомъ.—Союзы князей, какъ средство противъ сильныхъ враговъ.—Военная тактика Самоѣдовъ.

Остановимся теперь на способахъ веденія войны у прежнихъ Остяковъ. Главной причиной войнъ было, какъ мы знаемъ, желаніе князей добить себѣ женъ, которыхъ они по могли пекать среди жительницъ своего города. И этой однозначной причинѣ, помимо другихъ, было достаточно, чтобы въ странѣ Остяковъ велись почти безпрерывныя войны между отдельными князьями, если принять во вниманіе, что между представителями каждого остяцкаго княжескаго рода числилось не сколько лицъ мужскаго пола и что богатыри имѣли часто не сколько женъ.

Разъ князья рѣшили между собою походъ, они устраивали общественныя жертвоприношенія и иръ для всѣхъ жителей города и селений. Тутъ они объявляли народу о своемъ рѣшеніи и, посовѣтавшись со стариками, производили парадъ воиновъ извѣстнымъ намъ образомъ. При этомъ они руководились не столько возрастомъ своихъ подданныхъ, сколько ихъ годностью къ военной службѣ (см. выше). Передъ тѣмъ, что распустить пародъ по домамъ, князья дѣлали свои послѣднія распоряженія, именно, выбрали воинамъ приказчики быть готовыми къ походу на зарѣ слѣдующаго дня, а остающимся дома, преимущественно старикамъ, лежать утромъ на «жердяную» пристань для проводовъ.

Послѣ всего этого князя отходили ко спу, чтобы утромъ съ бодрыми силами спарадиться въ путь. Но, какъ себѣ легко представить, рой мыслей, кружившийся въ ихъ головахъ въ виду столъ опаснаго предпріятія, часто разгонялъ сонъ и у этихъ суровыхъ людей, что оставлѣй бардъ весьма фигуриро выражаетъ словами: «хоть онъ и легъ на цѣлые ковры, (какъ будто) на ручье топора, на ручье пожа онъ лежаль» или такъ: «будто онъ лежалъ на блониномъ и винномъ мѣстѣ». И только къ утру усталость брала върхъ, и князь впадалъ въ глубокій сонъ. А между тѣмъ воины, согласно наказанію, спарались на разсвѣтѣ за стѣнами города и въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаний спаряжали сани или лодки, смотря по времени года, и укладывали въ

нихъ разный товаръ и цѣнныя вещи, предназначенные для калмы и въ дары родственникамъ невѣсты: красное и черное сукно, шелкъ, серебряную утварь, кольчуги и т. д.

Богатырь вставалъ, одѣвалъ свои доспѣхи и, выйдя на улицу, клалъ 7 поклоновъ передъ «священнымъ столбомъ съ божескимъ лицомъ» (тѣ руки ваніма піемъ јухъ). Когда отрядъ былъ готовъ выступить въ путь, оставлявшіе дома старики, пришедшие ихъ проводить, троекратно громко вскрикивали, какъ того требовалъ обычай. Въ былинѣ говорится: «Громкій крикъ, который принято кричать при отчаливаніи воиновъ, они крикнули. До вершины низкаго дерева и до середины высокаго онъ достигъ. Второй крикъ достигъ до пути нестрыхъ облачковъ; третій крикъ достигъ до Золотаго свѣта, Отца. Младій мужъ сказалъ: «послушай, братъ, выступимъ теперь съ нашими воинами, съ нашими сватами со стрижеными головами: до Отца нашего, Золотаго Свѣта, онъ достигъ, но наступить для насъ день пораженія и смерти»».

Послѣ этого трогались въ путь, причемъ лѣтомъ они гребли сильными взмахами одного весла, которое опускали въ воду у поса лодки и вынимали изъ воды у кормы, зимой ихъ уносили быстроногіе олени, запряженные по два въ легкія санки.

Когда они проѣзжали мимо высокихъ мысовъ, жившій тамъ народъ ставилъ имъ, какъ богамъ, пѣшащія чаши въ жертву и приводилъ жертвенныхъ животныхъ. Кое-гдѣ и сами они дѣлали привалы, чтобы приносить жертвы богамъ и просить у нихъ «спинную и брюшную силу». Эти привалы продолжались обыкновено не менѣе дня и служили въ то же время и отдыхомъ для уставшихъ грецовъ.

Первые встречи съ людьми того княжества, въ которое былъ направлена походъ, не всегда имѣли враждебный характеръ. Часто переговоры, которые велись обѣими сторонами относительно отдачи невѣсты и касательно размѣра калмы имѣли столь благородный исходъ, что все предпріятіе кончалось бракомъ прѣбывающаго князя съ дочерью мѣстного, и воины того и другого праздновали это событіе общимъ пиромъ. Подобные случаи, хотя и упоминаются въ героическихъ разсказахъ, но по своей обыденности не служили имъ темой, какъ другое, не менѣе рѣдкіе случаи, когда никакие переговоры не приводили къ желаемымъ результатамъ и когда мечъ долженъ быть рѣшать споръ. Кровопролитіе во время схватокъ было дѣломъ столь обычнымъ, что въ былинѣ слова «свадьба» (мої) и «сватъ», «поѣзжанинъ» (мої-хой) очень часто употребляются рядомъ со словами «война» (татъ) и «войнъ» (татъ-хой), какъ бы въ качествѣ синонимовъ послѣднихъ, и, какъ слово «война», такъ слово «свадьба», имѣютъ одинъ и тѣ же эпитеты: єх-та, пір-та, чтѣ значить «безголовая», «безвозвратная». Это намъ и объясняетъ, почему женихъ, отира-

вляясь сватать дѣвицу, не могъ ограничиться немногими людьми, а бралъ съ собой цѣлый отрядъ.

Возвратимся однако жъ прежнему и опишемъ первоначальную встречу двухъ князей, по одному героическому разсказу, гдѣ этотъ эпизодъ довольно подробно изложенъ. Когда воины послѣ продолжительного плаванія были вблизи вражескаго города, «ихъ увидѣли дальновидкіе и услышали чуткіе ухомъ». Князь съ сыномъ вышли на пристань встрѣтить гостей, а пріѣхавшіе богатыри, между тѣмъ, подѣзжая къ берегу, показывали все свое умѣніе править лодкой, заставляя ее извиваться по водѣ подобно выдрѣ и въ знакъ бодрости духа своего «свистѣли изъ толстаго и тонкаго горла». На разстояніи выстрѣла изъ лука они остановили лодки и, уперевъ конецъ лука въ дно, выпрыгнули на берегъ, не боясь могущихъ быть козней. Князь пригласилъ ихъ въ большой домъ, предназначенный для соора воиновъ и сватовъ, и далъ имъ двухъ женщинъ воду носить и кушанье варить и человѣка, чтобы дрова рубить. Кромѣ того, ихъ снабдили пищей и питьемъ. Несмотря на такой, повидимому радушный, приемъ со стороны мѣстнаго князя Нанг-хуна, всетаки обѣ стороны осторожничали другъ друга, такъ какъ взаимныхъ отношеній ихъ еще не выяснились. Тѣ и другіе выставили почью караульныхъ, чтобы следить за противниками. На разсвѣтѣ они начали вести переговоры.

Способы веденія войны были различны въ зависимости отъ характера противниковъ и отъ занимаемой ими позиціи. На малочисленнаго врага Остяки обыкновенно нападали стремительно, осыпая его при этомъ тучами стрѣльбы. Если ихъ нападеніе бывало отбито, они разбѣгались, но вскорѣ собирались и нападали снова. Обыкновенно же слабѣйшая сторона скоро падала духомъ и обращалась въ бѣгство. Только лучшіе организованные и вооруженные отряды Татаръ и Русскихъ могли съ успѣхомъ выдерживать атаки Остяковъ, превосходящихъ ихъ численностью.

Если приходилось имѣть дѣло съ сильнымъ противникомъ, расположившимся въ неукрѣпленномъ мѣстѣ, то остицкая военная тактика того времени требовала не вступать съ нимъ въ открытый бой, а, улучшивъ минуту, застать его врасплохъ и произвести на него внезапное нападеніе. Чтобы этого вѣрѣніе достигнуть, нападающіе посыпали впередъ развѣдчиковъ. Они должны были подкрасться къ непрѣятельскому стану и все выведѣть. Въ качествѣ этихъ лазутчиковъ въ остицкихъ бывалинахъ иногда выступаютъ кукушки. Въ ихъ образѣ вѣщіе князя умѣли обращать свои шапки, бросая ихъ вверхъ. Ихъ же посыпали въ качествѣ вѣстницъ, если требовалась скорая помощь отъ какого-нибудь союзного князя. Если сообщеніе кукушки было благопріятно нападенію, то весь отрядъ двигался впередъ, но столь осторожно, «чтобы ни

соринка, ни былинка не шелохнулась», какъ говорится въ былинѣ, и кроночредитѣ кончалось истребленіемъ враговъ.

Но конечно такихъ столкновеній не всегда оканчивались столь благопріятно для нападающихъ. Располагаясь на ночевку въ неукрѣпленномъ мѣстѣ и при томъ въ военное время, отрядъ для обезопасенія себя отъ внезапныхъ нападеній выставлялъ караульныхъ. Они постоянно сменялись. Тѣ же предосторожности соблюдались, если отряду приходилось дѣлать стоянку во вражеской странѣ. Въ нашемъ разсказѣ это такъ описывается: «если на одной сторонѣ какой-нибудь мужъ ложился, на другой сторонѣ какой-нибудь мужъ бодрствовалъ, и когда снавшій пробуждался, бодрствовавшій ложился. Въ чужой землѣ, на чужихъ водахъ ими въ сѣдѣствіе неизвѣстности овладѣваетъ страхъ». Эти караульные иногда замѣчали лазутчиковъ или самихъ подкрадывающихся воиновъ, будили своихъ, и тогда перѣдко пашадавшіе песли большой уронъ.

Сраженіе Остяки всегда начинали стрѣльбой изъ луковъ, при чомъ старались нанести врагу побольше вреда и потому уже мало по малу сходились и вступали въ рукопашную. Какъ вѣдь дикие народы, они не умѣли сражаться сомкнутыми рядами, а дрались въ разрозненную, причемъ каждый выискивалъ себѣ противника, чтобы съ нимъ схватиться.

Если въ числѣ враговъ имѣлись и князья, закованые въ кольчуги, то ихъ противники выжидали обыкновенно случая, когда разгоряченный боемъ богатырь снималъ ее, чтобы свободнѣе подыметь и тогда мѣткай стрѣла иронизала его. Богатырь, однако, сознавая свою уязвимость безъ кольчуги, былъ тоже на сторожѣ и перѣдко снасился отъ стрѣлы тѣмъ, что, услыхавъ ящурь тетивы, присѣдалъ или подиралъ въ верху. Такъ дважды избѣгъ смерти въ одной бывшиѣ Іеврѣ-богатырь, но въ третій разъ стрѣла его произила, когда онъ одѣвалъ кольчугу черезъ голову и не слыхалъ шума вражескаго лука. При подобныхъ же обстоятельствахъ остицкий богатырь Салханъ, герой Демьянской области, убиль самойского князя, осаждавшаго остицкій городокъ на мысу Каттида въ инда¹). Остяки, преодѣдуемые Самойдами, засѣли въ городкѣ, и самойдскій князь во главѣ своихъ сталъ рубить палисады. Ему сдѣлалось жарко, онъ откинулъ назадъ въверхъ свой кольчуги и обнажилъ при этомъ свой добъ. Слѣдившій за нимъ Салханъ, пустилъ въ него стрѣлу сквозь прорубленіе имъ отверстіе и тотъ палъ, пораженный въ переносце. Нападеніе Самойдовъ послѣ этого было отбито.

Иногда, если вражескій богатырь ни при какихъ условіяхъ не снималъ своего «душу спасающаго одѣянія», его противники молили Бога, чтобы онъ посыпалъ сильный жаръ, что Онъ обыкновенно, по своей милости, и исполнялъ

¹) Находился около нынѣшней дер. Гоголовой (Дем. вол.), которая отъ него и получила свое имя.

и богатырь легко проявить своего беззащитного врага. Поразить богатыря даже при подобных условиях считалось все же большимъ подвигомъ.

Мечами остыцкіе богатыри повидимому не часто рубились на поединкахъ, а употребляли ихъ или для своей защиты или въ сраженіи съ простыми людьми, не имѣвшими подобнаго оружія. Богатырей же они рубили мечемъ почти только въ томъ случаѣ, если имъ удавалось захватить ихъ въ расплохъ, напр. подкравшись сзади. Къ такому выводу по крайней мѣрѣ можно придти на основаніи фактовъ, сообщаемыхъ героическими эпосомъ.

Состязаніе двухъ богатырей не всегда вирочемъ кончалось смертью одного изъ нихъ. Случалось, что, если оба противника не могли нанести другъ другу смертельной раны въ продолженіи долгаго времени, они расходились, давши взаимную клятву не сражаться впередь другъ съ другомъ, пока будуть живы, «а, если кто изъ настѣнарушитъ эту клятву, говорили они, то пусть съ него сдерутъ его радужноотливающуюся головную кожу». Это тоже нѣсколько напоминаетъ западныхъ рыцарей, которые въ подобныхъ случаяхъ имѣли еще обыкновеніе меняться оружиемъ. Какой обрядъ они совершили при заключеніи клятвы здѣсь, въ этомъ разсказѣ, не упоминается, но изъ другихъ мы знаемъ, что при этомъ цѣловали щучий носъ и огонь¹⁾. При соблюденіи этого обряда ногульскій князекъ Китвор-брор заставилъ побѣжденныхъ имъ Самоѣдовъ поклясться, что они впередь не будутъ дѣлать набѣговъ на его землю. Можетъ быть при этомъ цѣловали и медвѣжью морду или разрывали ее пожеть, какъ это шло водится у Сибирскихъ Угровъ, какъ у язычниковъ, такъ и у крещеныхъ.

Убитаго врага лишали его доспеховъ и побѣдитель бралъ ихъ себѣ. Иногда побѣженный богатырь, умирая, самъ бросаль ихъ врагу, чтобы не быть ограбленнымъ послѣ смерти, такъ, напр., поступилъ Геврь-богатырь.

Чтобы доставить себѣ большую славы, а врагамъ униженія, побѣдители имѣли обыкновеніе снимать съ нихъ ихъ головную кожу (ух-с-б-х). Ея эпитетъ въ остыцкихъ былинкахъ — «радужнымъ цветомъ отливающаяся» — вѣроятно зависитъ отъ чернаго цвета ихъ волосъ, имѣющихъ действительно на солнѣ радужную игру. Вирочемъ, дословный переводъ остыцкихъ словъ этого эпитета: соi волнай²⁾ миѣ неизвѣстенъ. Лашение головной кожи вѣроятно имѣло еще и другой мотивъ, именно основанный на своеобразномъ изображеніи Остяковъ въ загробную жизнь. Есть основаніе предполагать, что по ихъ понятіямъ душа человѣка, дышевшаго скаллы, окончательно умирала. Эти кровавые трофеи также же высоко цѣни-

лись въ тѣ времена у Остяковъ, какъ еще отчути теперь среди нѣкоторыхъ племенъ краснокожихъ Индійцевъ Сѣв. Америки. Уваженіе къ князю росло по мѣрѣ накопленія у него непріятельскихъ скальповъ. Съ другой стороны побѣженный богатырь, если еще не терялъ сознаніе, всячески старался помѣшать своему противнику лишить его головной кожи. Вотъ какими словами обратилась къ остыцкому богатырю голова самоѣдского князя Сось-Турума — ей удалось спастись отъ него въ рѣчку: «Богатырь, носящий впушающую страхъ одежду изъ полотна многихъ земель, вачѣмъ прішелъ ты въ страну, куда не добратесь даже звѣри? Убѣгай отъ тебя и укрывая мою радужно-отливающуюся головную кожу, я прибѣгалъ къ сотиѣ уловокъ, ко всевозможнымъ уловкамъ. Если ты взойдешь сюда въ воду, то ты мужъ, живущій въ свѣтломъ миру, войдешь на много, много лѣтъ... Когда ты покерноша къ дому твою косатую, славную¹⁾ голову, то среди дома полного мужей и женъ не говори, что тебѣ удалось содрать со старого Сось-Турума его радужно отливающуюся головную кожу». Въ этихъ словахъ мы видимъ какъ бы торжество побѣженного врага; они какъ бы говорятъ: «если все прошло, то хоть честь спасена».

Обычай скальпировать убитыхъ враговъ былъ въ прежнее время распространенъ не только у Остяковъ, но и у Богульцевъ, о чёмъ сообщаетъ г. Гондатти²⁾, а также и у Самоѣдовъ, на что имѣются намеки въ героическихъ разсказахъ Остяковъ.

Есть нѣкоторыя указанія на то, что богатыри иногда съѣдали сердца своихъ побѣженныхъ враговъ, причемъ они въ даниомъ случаѣ руководились скорѣе желаніемъ, чтобы сила послѣдняго перешла къ нимъ, чѣмъ чувствомъ мести. Въ былинкахъ подобного случая мы не встрѣчаемъ, а въ одномъ геройскомъ разсказѣ Остяковъ Темлячевской волости. По этому преданию въ отдаленное время на мѣстѣ теперешнихъ юртъ Б. Атлымскихъ (Берез. окр.) проживалъ богатырь Сенгеповъ. Онь чинилъ постоянные набѣги на ихъ землю и на страну по нижнему Пртыни. Однажды мѣстные жители собрались ему отомстить и пошли на него войной, но, придя туда, не застали его въ живыхъ. Имъ передали, что онъ умеръ въ слѣдствіе того, что сквозь него пролетѣла итница въ родѣ гагары, (т-р-в-д-ѣ); образъ ея, по ихъ мнѣнию, принялъ злой духъ. Тогда они отправились на кладбище, где онъ недавно былъ похороненъ, вырыли его и, вырывавъ у него сердце, крѣпко кась камень, разрубили его на части и сѣвили. Этотъ единичный фактъ не имѣлъ бы самъ по себѣ значенія, какъ вообще весь единичные случаи, если бы о подобныхъ обычаяхъ древнихъ Угровъ не

¹⁾ Вѣроятно въ знать того, чтобы вода и огонь потребили клятвопреступника.

²⁾ „Подобная «веркальца» гагара (соi)“ — по словамъ Остяковъ, есть точный переводъ этого выражения. Соi, по Кастрену, means clangula.

¹⁾ Здесь пропущено знатеъ головы тѣбѣй, смыслъ котораго теменъ и для ино-родцевъ.

²⁾ «Tr. Этн. Отд. О. люб. ест., антр. и этин.», кн. VIII, 88, стр. 64.

передавали намъ и другіе изслѣдователи ихъ. Напр. г. Гондатти¹⁾—о прежнихъ Богулахъ и лѣтописецъ Регинонъ²⁾ относительно древнихъ Мадьяръ. И каждый изъ нихъ даєтъ этому обычно свое объясненіе: мифіе первого изъ нихъ, согласное съ нашимъ предположеніемъ, приведено выше, а второй полагаетъ, что сердца убитыхъ враговъ употреблялись Мадьярами, какъ лѣкарство.

Защитой укрѣленныхъ мѣсть служили валы, рвы, палисады, но такъ какъ и они не могли бы оказать большой помощи въ случаѣ нападенія въ расплохъ, то горожане заблаговременно ставили дозорныхъ, для предупрежденія обѣ опасности. Иногда помѣщали ихъ на помостахъ, устроенныхъ на высокихъ столбахъ, поставленныхъ въ городѣ, какъ о томъ повѣствуетъ одно сказаніе. Эта предосторожность оказывалась не лишней въ мѣстности съ извѣніемъ открытымъ кругозоромъ.

Употреблялся еще другой способъ для свѣдѣнія о приближеніи враговъ: ноперекъ рѣки или водяного бассейна, гдѣ былъ расположены городъ, протягивали бичеву или проволоку (сѣром). Конецъ его находился въ городѣ. Враги, ничего не подозрѣвая, наѣзжали на него и расиневеливали или даже умышленно перерѣзывали его, а граждане тотчасъ выступали противъ пришельцевъ. Въ одной изъ записанныхъ мною былигъ такая «вѣстовая» проволока была изъ золота (с орнѣтѣ сѣром) и имѣла толщину «мясистаго пальца». Г. Гондатти описываетъ инуры съ извѣненными на нихъ бубенчиками: по звону ихъ въ городѣ узнавали обѣ опасности.

Противъ людей, щущихъ на лодкахъ, устраивали своего рода мины, втыкая въ воду не далеко отъ поверхности ноперечный рядъ колющъ, обращенныхъ остриемъ въ ту сторону, откуда ожидались враги³⁾. Послѣдніе, наѣзжая на нихъ сильными взмахами веселъ, ломали и опрокидывали свои лодки и дѣлались добычей стерегшихъ ихъ воиновъ. Особенно гибельны были подобные засады для берестяныхъ лодокъ. Онѣ при этомъ неминуемо тонули, а люди, сидѣвшіе въ нихъ, часто изувѣчивались. Противъ этихъ берестяныхъ ладій также дѣйствовали лукомъ и стрѣлами. Славные богатыри вирочемъ пробивали съ легкостью и осиновки и тоцили ихъ.

Передъ началомъ войны горожане укрѣпляли свой городъ, исправляли валы, углубляли рвы и возводили новые палисады. Такъ надо понимать тѣ преда-

нія о пѣкоторыхъ городкахъ, напр., про Вомѣга-вош¹⁾: онъ въ военное время выросталъ на 7 копѣвницъ или 7 сажень,—и о другомъ городѣ Жам-вош—онъ имѣлъ «бабье сердце» и при открытии войны уходилъ въ землю.

Укрѣпленія мѣста Остяки брали, смотря по обстоятельствамъ, или приступомъ или же голодомъ. Первый случай имѣть мнѣто, если приходилось воевать съ несильнымъ противникомъ или если городъ не былъ хорошо укрѣпленъ. Рвы и валы,—на сѣверѣ обыкновенно незначительныхъ размѣровъ,—оказывали лишь слабое сопротивленіе подступающему врагу. Лишь палисады, если они имѣлись, останавливали его настолько, чтобы дать возможность защитникамъ собраться съ силами и отбить приступъ. Добравшись до этихъ стѣнъ, богатыри выхватывали изъ за пояса свои огромные топоры и начинали сокрушать дерево. Но работа, не смотря на силу богатырей, врядъ ли подвигалась быстро впередъ. Кажется, не всѣ простые люди имѣли топоры и большая часть изъ нихъ была обречена на бездѣлѣніе. Защитники въ свою очередь не зѣвали и осинали ихъ сверху градомъ стрѣль и валили на нихъ бревна. Скатываясь по откосу укрѣпленія, они увлекали съ собою внизъ и избѣравшихъ воиновъ. Но мифію Остяковъ, отъ седьмаго бревна не могъ уйти и самъ проворный Самоѣдъ. Иногда же жителями, спрятавшимися въ городѣ, овладѣвалъ такой страхъ при видѣ многочисленныхъ враговъ, что они почти не были способны что либо предпринять, и тогда счастіе всецѣло зависѣло отъ храбрости князя. Улучшивъ моментъ, онъ пропадалъ вражескаго вождя стрѣлой и тѣмъ производилъ временное смѣтеніе въ средѣ враговъ. Такимъ образомъ было спасеніе отъ нападенія Самоѣдовъ остаткѣй городокъ на мысу Каттида вѣнда, какъ мы видѣли раньше. Когда самоѣдскій князь палъ произенный, стрѣлой Салхана, ободренные этимъ Остяки едѣли вылазку и нанесли врагамъ сильное пораженіе. Едва небольшая часть изъ нихъ спаслась бѣгствомъ. Крови было пролито такое количество, что, по словамъ мѣстнаго предамія, земля здѣсь окрасилась въ красный цвѣтъ, и этой красной землей Остяки долгое время красили свои лодки. Наиrotинъ, городъ князя Нанг-хуша былъ взятъ приступомъ сыновьями князя Жаветта-кѣти-е-хуй, такъ какъ стрѣлы защитниковъ его не могли причинить вреда богатырямъ, защищеннымъ колчугами, и тѣ ворвались въ городѣ.

Когда городъ былъ сильно укрѣпленъ и, вообще, если разсчитывали встрѣтить сильное сопротивленіе, его обыкновенно по рѣшили брать приступомъ, а окружали его и приуждали сидѣвшихъ въ немъ къ сдачѣ, чтѣ обыкновенно происходило скоро, такъ какъ Остяки запасались на случаѣ войны не дѣлали. Иногда въ подобныхъ же случаяхъ осаждающіе брали городъ хитростью,

¹⁾ Расположенъ около р. Вомѣга, въ вотчинѣ Шумиловскихъ Остяковъ (М. Конд. вол.).

²⁾ I. e. «Убивъ врага, они всегда сѣдѣли его сердце и печень, чтобы вся сила убитаго перешла къ нимъ и чтобы онъ не ожила».

³⁾ Regino 889 (P. ss. I, 600) «...corda noviunum, quos carinat, particulatis dividente velut pro genitio devorant». (въ «Зап. Ист.-Фил. фак.» ч. IX, стр. 318).

⁴⁾ Объ этомъ способѣ обороны мифѣ сообщали Ачирекіе Татары, которые, безъ сомнѣнія, суть потомки оттарившихся Богульцевъ. Они живутъ въ сѣверной части Эскалбинской волости (Тоб. окр.).

ицер., дѣлали видъ, что уходять, а сами устраивали засаду, въ которую нападали вынѣдшіе изъ города люди. Въ одной изъ имѣющихся у меня былинъ описывается осада крѣпкаго города князя Іевра (Харада-вон). Эпизоды ея столько интересны, что мы ихъ здѣсь вкратце передадимъ. Трое князей изъ города Карай-поспата-ў рда-т-вош, опасаясь кровавой мести со стороны двухъ эмдерескихъ князей,—у нихъ они убили отцевъ,—бросаютъ свой слабо укрепленный городъ и иль-вутъ по Кондѣ къ своему союзнику, богатырю Іевру. У него былъ на рѣкѣ Іеврѣ крѣпкій «мѣдный городъ»,—съ устройствомъ его мы уже знакомы. Эмдереские князья преслѣдуютъ ихъ по пятамъ. Когда тѣ заперлись въ мѣстными жителями въ крѣпости, они расположились за ея стѣнами и прервали всякое ихъ сообщеніе съ окружающей мѣстностью, гдѣ имѣлись озера, обильные рыбой, и лѣса, полныя дичью. Быстро въ оградѣ, гдѣ скопился народъ изъ двухъ городовъ, появился сильный голодъ. Когда осажденные, находясь въ крѣпости, не знали, что предпринять, надѣль ихъ головами пролетѣть во-рошь, державший во рту рыбу. Тогда голодающие жители не вытерпѣли и рѣшили, но смотря на присутствіе враговъ, выдти изъ за стѣнъ и отыскать рыбоподобную рѣчку, а эмдерескіе, въ свою очередь, чтобы иметь по мѣшать, прияли образъ змѣй и легли у воротъ города. Тѣ вышли изъ за палисада, наловили въ Іеврѣ рѣкѣ массу рыбы и главный богатырь этой области, Іевръ, сталъ се дѣлать. Но когда, вспомѣтъ, опѣ снять кольчугу, его произила стрѣла одного изъ враговъ. Какъ только палъ ихъ самый сильный противникъ, они бросились на своихъ личныхъ враговъ, князей города Карай-посата-ў рда-т-вош, и убили младшаго изъ нихъ. Старшіе же спаслись только благодаря заступничеству самого Бога. Городъ же и прочій народъ остались невредимы, такъ какъ вся война была ими ведена лишь изъ кровавой мести къ названнымъ тремъ князьямъ.

Этотъ разсказъ имѣеть для насъ еще другой интересъ. Онъ показываетъ, что остаткіе князей иногда заключали между собою союзы или коалиціи, чтобы противостоять болѣе сильнымъ врагамъ. Изъ одного рассказа мы видимъ, что и Остякіе городки: находившіеся на мысу Каттида въ нанда и Вон-юга-вош были союзниками, заключившими между собою оборонительный и отчасти наступательный союзъ. Въ случаѣ открытия воинскихъ дѣйствий, сторона, подвергавшаяся нападенію, выставляла на высокихъ шестахъ куки краснаго сукна въ видѣ флаговъ. Она тѣмъ давала знать своему союзнику обѣ опасности, ей угрожавшей. Вѣсть о появленіи красныхъ флаговъ, быстро передавалась разъѣзжими вслѣду рыболовами и охотниками съ одного мѣста въ другое и доходила до ихъ союзниковъ. Они тогда сѣмьмили на помощь утѣшеннѣмъ. Говорятъ, что и теперь горный берегъ Иртыша, гдѣ находится мысъ Каттида-въ нанда, отчасти видѣнъ въ ясны дни съ Кондѣ, такъ что извѣстіе обѣ открытии войны весьма скоро могло достигнуть до па-

ходившагося здѣсь городка, расположеннаго сравнительно недалеко отъ этой рѣки.

Эти союзы имѣли особенное значеніе при войнахъ съ Самоѣдами, а въ послѣдствіи съ Татарами и Русскими.

Самоѣды часто дѣлали набѣги большими ватагами въ 200—300 человѣкъ, и остаткіе князя не всегда могли имъ противопоставить соотвѣтственное число воиновъ. Кроме того нападенія свои они производили никогда столь стремительно, что часто заставали Остяковъ върасилохъ и не давали имъ времени собраться. Если же Самоѣды встрѣчали сильное сопротивленіе, то столь же быстро пронадали, захвативъ съ собою награбленное имущество и женъ Остяковъ и уводя ихъ стада оленей. Это особенно касалось зимняго времени, когда замерзшія озера, рѣки и болота открывали повсемѣстно пути и когда жители, даже предварительные обѣ опасности, не знали, съ какой стороны произойдетъ нападеніе. При такихъ походахъ Самоѣды всегда брали съ собой стада оленей. Съ ними они быстро переносились съ одного мѣста на другое и въ тоже время имѣли всегда пищу во время пути. Благодаря этому, Самоѣды были въ состояніи вести продолжительныя осады городковъ и привлѣдать ихъ жителей, не обеспеченныхъ въ провиантѣ и отрѣзанныхъ отъ всего окружающаго, къ сдачѣ.

Набѣги свои Самоѣды производили и дѣтомъ, причемъ поднимались тогда на своихъ легкихъ, часто берестяныхъ, лодкахъ вверхъ по рѣкамъ. Пользуясь тѣмъ, что въ это время года все мужское населеніе занято рыбнымъ промысломъ, они исзамѣтно подплывали къ стоянкамъ, грабили жилища Остяковъ и уводили съ собой ихъ женъ и дѣтей. Въ томъ же случаѣ, если ихъ встрѣчали Остяки въ превосходномъ числѣ, они бросались въ лодки и быстро исчезали, оставляя своихъ противниковъ позади, такъ какъ по суши перебѣгали черезъ всѣ перепѣски и волоки, унося съ собою свои легкія ладьи, чего не могли сдѣлать Остяки, имѣвшіе сравнительно грузныя деревянныя лодки.

Своими набѣгами Самоѣды тревожили въ предѣлахъ Тобольского округа всю область нижняго Иртыша до Демьянки и область Кондѣ, причемъ въ послѣдній край они спускались на ладьяхъ по р. Ташъ, владающей въ Кондѣ. У жителей Кондинскаго края они болѣе известны подъ названіемъ «Тавдинскаго народа»: Тавда-яах (у Бог.—вої Тавдитта (?)).

Какъ мы видѣли, тактика Самоѣдошъ была тактикой многихъ другихъ кочевыхъ племенъ. Мы знаемъ, какой успѣхъ они часто имѣли при столкновеніи съ осѣдлыми народами, даже значительно болѣе образованными, чѣмъ были Остяки. Понятно, что для послѣднихъ было весьма важно иметь союзниковъ, которые могли бы въ случаѣ необходимости увеличить ихъ воинскую силу и тѣмъ самимъ дать возможность во времена отразить врага.

Во время завоевания Русскими долины Иртыша и Оби казаки всюду встречали значительных скопища Остяковъ, составлявшихъ войска союзныхъ князей. Такъ князь Демьянской волости Нимнынъ собралъ въ свою обширную крѣпость до 2000 бойцовъ, причемъ въ качествѣ союзниковъ его были не только Остяки разныхъ мѣстностей, но и Кондинские Вогулы. Далѣе исторія отмѣтила, что подъ Самарекимъ мысомъ казаки застали въ расположеніи сидящихъ Остяковъ и изрушили ихъ. Въ чистѣ убитыхъ находился мѣстный князь Самаръ и его воемъ союзныхъ князей.

ГЛАВА IX.

Заключеніе.

Былины—исторические разсказы о подвигахъ богатырей, опоэтизованные народной фантазіей.—Ихъ реализмъ.—Куда дѣлись богатыри?—Вагильдъ Остяковъ на этотъ предметъ.

Мы не будемъ дольше останавливаться на выводахъ о жизни прежнихъ Остяковъ и ихъ міровоззрѣніи, на основаніи данныхъ былинъ и героическихъ сказаний, напримѣръ, обѣихъ религіозныхъ вѣрованій. Скажемъ лишь нѣсколько словъ о томъ, какъ слѣдуетъ смотрѣть на упомянутые виды Остяцкой народной поэзіи. Ихъ можно разматривать, или какъ произведенія народного творчества, въ основаніе котораго легло знакомство ихъ съ окружающимъ міромъ и ихъ представленія о богахъ и прежнихъ людяхъ, или какъ исторические разсказы о подвигахъ прежнихъ князей, опоэтизованные фантазіей ихъ авторовъ и пѣвцовъ.

Мы склоняемся рѣшительно въ пользу этого послѣдняго мнѣнія. Доказательствомъ можетъ служить поподдѣльный реализмъ, что всюду проглядываетъ въ былинахъ. Всѣ ихъ географическая и топографическая данная настолько вѣры и точны, что позволяютъ намъ судить о мѣстахъ происшествія разныхъ событий. Самый типъ богатыря тоже вполнѣ реаленъ. Если мы откинемъ нѣкоторая фантастическая черты его характера и нѣкоторыя сверхъестественные его способности, то мы будемъ имѣть передъ собой остицкаго князька, мало чѣмъ отличного отъ тѣхъ, коихъ еще застали Русскіе при ихъ появлѣніи въ Зап. Сибири. Ихъ большая сила и лучшее физическое развитіе зависѣли отъ болѣе изобилійной пищи и отъ лучшихъ условий жизни. Это представление обѣихъ большой силѣ и необходиности зависѣло и отъ ихъ лучшаго вооруженія, которое они могли имѣть, благодаря своему сравнительному богатству. А что кольца и мечи у нихъ дѣйствительно имѣлись, показываютъ многочисленныя ихъ находки, а также свидѣтельство прежнихъ бытописателей этого края. Наконецъ, образъ жизни богатырей, ихъ занятія,

домашняя обстановка, все такъ сходно съ тѣмъ, что мы еще теперь застаемъ въ самыхъ глухихъ уголкахъ остицкаго и ногудльскаго края и съ тѣмъ, что еще недавно имѣло мѣсто въ теперь обрушившихъ мѣстностяхъ, чтѣдь нѣкакой необходимости приписывать все это фантазіи народа.

Не безинтересно будетъ знать читателю, какова же была судьба остицкихъ богатырей, о коихъ въ послѣдствіи уже ничего не упоминается. Нѣть сомнѣнія, они могли существовать только, пока врагами ихъ были столь же слабые противники, какъ и они. Когда же на югѣ появились Тюрки завоеватели, а въ послѣдствіе и Русскіе, то слава богатырей сразу померкла. Они не были въ состояніи вступить въ борьбу съ болѣе сильными и лучше вооруженными врагами и предпочитали сражаться наравнѣ съ прочими и въ случаѣ бѣды бѣжать вмѣстѣ съ ними, такъ какъ ихъ личные воинственные качества тутъ врядъ ли могли оказать имъ большую помощь. Съ этихъ поръ князьяки стали утрачивать свою славу богатырей и свое обаяніе. Исчезло мало по малу то прежнее благоговѣніе Остяковъ къ своимъ князьямъ и замѣнилось болѣе равноправными отношеніями между обѣими сторонами. Народъ по прежнему признавалъ ихъ главами и слушался ихъ, пока это входило въ его интересы, въ противномъ же случаѣ дѣйствовалъ по своему.

Въ этомъ видѣ ихъ застаетъ исторія, и историкъ Фишеръ дасть вѣрную характеристику остицкаго князя XVI вѣка: «такой князекъ владѣлъ не полною властью, ибо народъ имѣлъ столь же великое право на него, какъ и онъ на народъ; однако власть его въ решеніи спорныхъ дѣлъ была больше, нежели другого». Пемногого времени спустя послѣ завоеванія Русскими С.-Западной Сибири большая часть остицкихъ князей потеряла свое княжеское достоинство и сравнялась съ простыми людьми.

Сами же Остяки иначе объясняютъ исчезновеніе богатырей въ ихъ странѣ. Народъ не могъ, или вѣрно не хотѣлъ, допустить превращенія славныхъ боготворимыхъ богатырей своихъ въ простыхъ смертныхъ. Въ умѣ его зародились разныя болѣе поэтическія объясненія ихъ исчезновенія. Нахожденіе въ лѣсахъ незамѣченныхъ ранѣе огромныхъ обломковъ камней, занесенныхъ еще въ ледниковый периодъ въ эту страну, гдѣ совершенно нѣть скалъ и камней, наводило Остяковъ на мысль, что вѣрно это ихъ богатыри, спасаясь отъ поющей вѣры, приняли видъ этихъ камней. Но ихъ разсказамъ, это случилось такимъ образомъ: когда стала распространяться христіанская вѣра, богатыри, вѣрные прежнимъ богамъ, стали удаляться въ болѣе глухія мѣста, но когда все это не помогало, и новая вѣра все дальше и дальше проникала въ ихъ страну, они убѣжали въ лѣса и тундры сѣвера и на западъ, на Ураль, и превратились тамъ въ камонія глыбы.

Нѣкоторые богатыри, судя по былинамъ, были взяты Богомъ на небо и

сдѣлались святыми. Имя Остяки и теперь приносят жертвы и молитвы. Къ такимъ князьямъ принадлежать двое старшихъ сыновей князя города Кары-поспаш-вощ. Извѣстны они у нынѣшнихъ Кондинскихъ Остяковъ подъ именемъ Тога-тѣ-і-гейен—«Старики съ германы рѣчкы», ибо настоящимъ ихъ жилищемъ считаются: старый городокъ Вон-јега-вощ въ вотчинѣ Шумиловскихъ Остяковъ и небольшой холмъ въ дачѣ Нюрковскихъ, расположенные волнисты мелкихъ рѣчекъ и въ извѣстномъ разстояніи отъ Конды.

За великихъ святыхъ, живущихъ теперь на небѣ, считаются въ Кондинскомъ краѣ и прежніе Нахачинскіе богатыри Аї-урт (вог. Віші-отер), т. е. «Малый князь» и Ене-урт—«Большой князь», именуемый Богульцами Яны-кенѣт-анчыхъ, т. е. «Старикъ съ большой шапкой», потому что въ такомъ видѣ его изображаютъ. Какъ при своей земной жизни они были великими воителями, такъ и послѣ перехода своего на небо они не перестали принимать участіе въ битвахъ. Въ виду того, что Остяки и Богулы въ настоящемъ время воить не вѣдутъ, они являются союзниками Русскихъ въ ихъ войнахъ, истребляя въ видѣ «желѣзныхъ волковъ» (картежнера) ихъ враговъ¹⁾. Но, вообще богатырей, удостоившихся чести быть взятыми на небо, немного.

Другое просто умерли въ разныхъ мѣстахъ, дома или сражаясь съ врагами. Но, гдѣ бы и какимъ бы образомъ они не погибли, души ихъ и понынѣ витаютъ надъ страной Остяковъ, посыпаютъ имъ удачу въ рыбной ловлѣ и на охотѣ²⁾ и, будучи любимицами Бога, устраиваютъ отъ нихъ многія бѣдствія, за что благодарные потомки молятся имъ, какъ добрымъ духамъ, и приносятъ имъ кровавыя жертвы и дары.

ВАЖНѢЙШИЯ ОПЕЧАТКИ:

На стр.	10	5 строка	снизу	Напечатано	Слѣдуетъ читать.
»	24	9	» сверху	урт	урт
»	25	20	»	и'урэм	и'урэм
»	26	3	» снизу	кѣлац	кѣлай
»	26	15	»	сори'їн	сорий
»	28	18	»	јїттац	јїтай
»	31	15	»	хонын	хонный
»	31	15	» сверху	тебын	тебын
»	49	15	» снизу	їма	їма
»	51	19	»	удед-ух	удед-ух
»	64	9	»	удучинъ	удучивъ
»	68	5	»	dividente	dividentes

¹⁾ Кондинскіе Остяки увѣрены, что именно за эти услуги ихъ богатыреи русскіе пары освободили ихъ отъ воинской повинности.

²⁾ Въ сказаніяхъ: јинкхут' тѣды яйтта, харташ гѣдй айтта.—буки, «водную рыбу въ изобилии найти, лѣсной товаръ въ изобилии найти».